

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

81

ф. 100

к. 13(5)

ИИИХ Д.О.

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

81

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1960

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — доктор исторических наук *Т. С. Пассек*
Зам. ответственного редактора — кандидат исторических наук *Н. Н. Гурина*

Члены редколлегии:

Н. Н. Воронин, В. Ф. Гайдукевич, А. Ф. Медведев, Т. Г. Оболдуева
(отв. секретарь), *П. А. Раппопорт, Д. Б. Шелов, В. П. Шилов*

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

В. В. СЕДОВ

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ
СМОЛЕНСКИХ КУРГАНОВ

Смоленское Приднепровье принадлежит к числу областей Восточной Европы, наиболее богатых курганными могильниками. Кроме крупнейшего Гнездовского могильника, в пределах Смоленской области известно свыше 700 курганных могильников, состоящих не менее чем из 12 тыс. погребальных насыпей¹. Несмотря на то, что в разное время различными исследователями здесь раскопано свыше 2 тыс. курганов, полное и ясное представление мы имеем только о древнерусских курганах IX—XIII вв. и о длинных славянских, относящихся ко второй половине I тысячелетия н. э. (до IX в. включительно). Между тем в Смоленском Приднепровье немало курганов и других эпох. По существу, они не исследованы вовсе и если когда-либо раскапывались, то методика работ была далеко не удовлетворительной.

Во время археологических разведок центральных районов Смоленщины (к югу и юго-востоку от Смоленска) в 1955—1957 гг. было обращено особое внимание на форму насыпей и особенности расположения их в границах могильников; в результате курганные могильники Смоленщины удалось классифицировать на 3 группы.

Первую группу составляют могильники, для которых характерна скученность погребальных насыпей; последние, как правило, расположены близко друг к другу, а иногда сливаются основаниями. В отдельных случаях такой могильник может состоять из двух (или более) групп, удаленных на некоторое расстояние одна от другой, но всегда в каждой из них беспорядочно разбросанные курганы «жмутся» друг к другу. В зависимости от рельефа местности общие очертания могильников первой группы различны. Курганы — всегда сегментовидной формы и окружены кольцеобразным рвом или неглубокими ямами. Средняя высота насыпей — от 0,5 до 2,5 м при диаметре 6—12 м.

Примеров такого построения могильников в районе археологических разведок 1955—1957 гг. (рис. 1) можно привести довольно много: курганные

¹ Курганов было значительно больше, но многие из них распаханы за последние 100—150 лет. Во время разведок 1955—1957 гг. обнаружено на сравнительно небольшом участке Смоленского Приднепровья пять почти полностью распаханных курганных могильников и несколько частично разрушенных.

группы в устье р. Дресьны², около дер. Туринщина³ (планы курганных групп первого типа см. на рис. 2—1—3), Яновские и Березинские на р. Березинке, Арефинские курганы, могильники по верхнему течению р. Волости около деревень Матвеевка и Пашино. К этой же группе принадлежат распавшиеся курганные могильники, открытые в верховьях р. Солодовой около

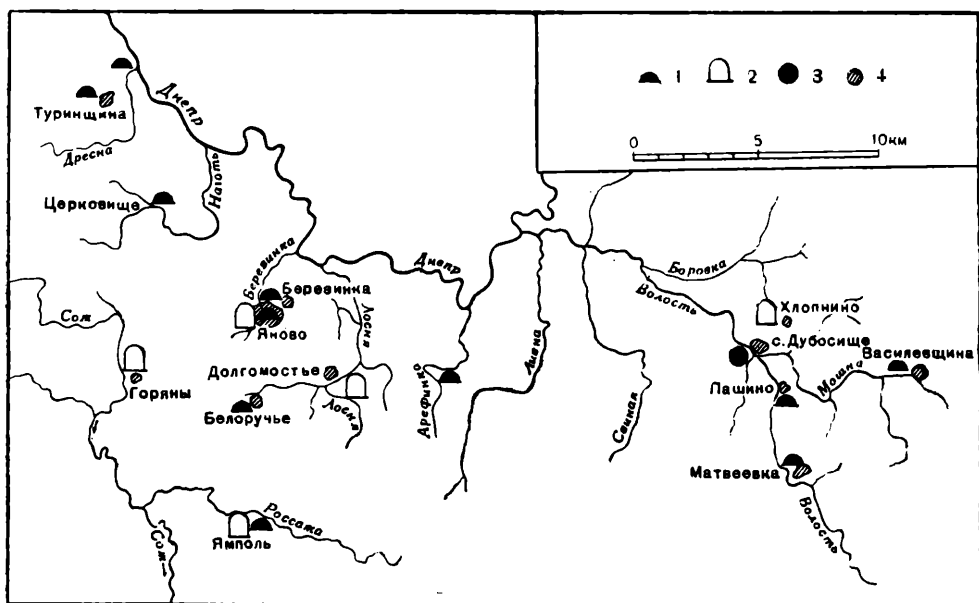

Рис. 1. Карта района археологических разведок 1955—1957 гг.

1 — курганные могильники первого типа; 2 — курганные могильники второго типа; 3 — Дубосищский курганный могильник; 4 — населенные пункты, упомянутые в тексте.

дер. Белоручье, на р. Наготи близ городища Церковище, в устье р. Летковки близ дер. Василевщина. Такова же планировка и многих курганных могильников в других районах Смоленского Приднепровья, — например, под Оршей⁴ и около дер. Черкасово⁵; близ станции Катыйнь, где известно несколько групп скученно расположенных насыпей⁶; могильник, насчитывающий около 100 насыпей, у дер. Харлапово, исследованный Н. И. Савиным и Е. А. Шмидтом⁷; могильник около дер. Ковали в Северо-Западной Смоленщине⁸ и многие другие.

² Два кургана этого могильника (близ дер. Маркатушино) раскопаны А. Н. Лявданским. В одном из них открыто трупосожжение X в., в другом — труположение XI в. (А. Н. Л я ў д а н с к і. Археолёгічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губэрні. Працы археолёгічнай камісіі, т. 2, Менск, 1930, стр. 293, 294).

³ Шесть курганов могильника раскопаны автором в 1955 г. В основаниях насыпей или в неглубоких грунтовых ямах открыто 1—2 скелета. Материал этих курганов позволяет датировать их XII в. Находки хранятся в Смоленском краеведческом музее.

⁴ А. Н. Л я ў д а н с к і. Археолёгічныя досьледы ў Аршанскай акрузе. Працы археолёгічнай камісіі, т. 2, Менск, 1930, стр. 31—45 (план могильника — на рис. 1).

⁵ А. Н. Л я ў д а н с к і. Курганны магільнік каля в. Чаркасова Аршанскай акругі. Працы археолёгічнай камісіі, т. 2, Менск, 1930, стр. 57—70 (схема расположения курганов — на стр. 58 и 59).

⁶ А. Н. Л я ў д а н с к і. Археолёгічныя досьледы ў вадазборах..., рис. 37.

⁷ Н. И. С а в и н. Раскопки курганов под Дарагабужам в 1929 г. Працы археолёгічнай камісіі, т. 2, Менск, 1930, стр. 520 и сл.; Е. А. Ш м и д т. Курганы XI—XIII веков у дер. Харлапово в Смоленском Поднепровье. Материалы по изучению Смоленской области, вып. 2, Смоленск, 1957, стр. 184—280.

⁸ Архив ИА АН СССР. Дело Археологической комиссии 1906/59 (план могильника на стр. 12).

В некоторых случаях о скученности и бессистемности в расположении погребальных насыпей можно судить лишь по описаниям, так как планы этих могильников не были сняты. Так, в Рославльском уезде могильник около с. Кубарки, состоящий из 63 насыпей, занимал площадь около 1 га (для

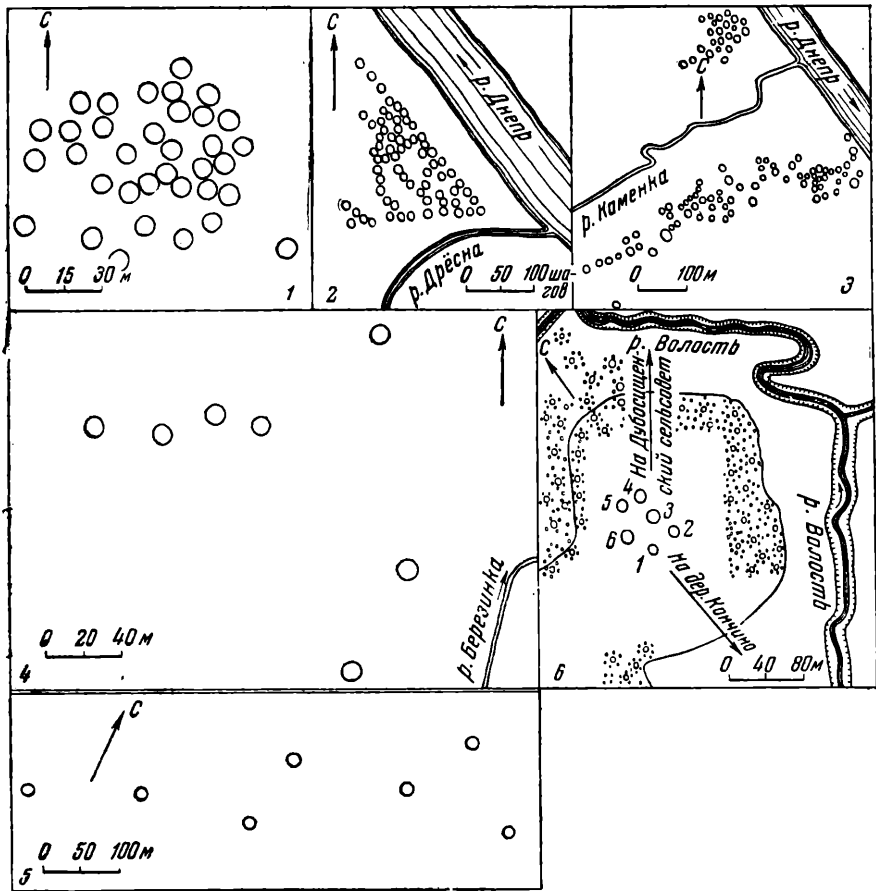

Рис. 2. Планы курганных могильников.

1—3 курганные могильники первого типа (1 — близ дер. Туринщина; 2 — в устье р. Дресьна; 3 — близ дер. Харлапово); 4, 5 — курганные могильники второго типа (4 — в поселке Яново; 5 — в 1 км южнее дер. Долгомостье); 6 — курганный могильник близ с. Дубосице (№ 1—6 — насыпи).

сравнения укажем, что площадь упомянутого выше Харлаповского могильника, состоящего из 100 курганов, составляет около 4 га); 131 курган около дер. Слобода на р. Ипути занимал площадь менее 3 га; 100 курганов на берегу р. Вороницы между дер. Сукромля и Хрыстово — около 3 га; 153 кургана близ дер. Кузьмичи — до 3 га и т. п.⁹

Такая скученность насыпей наблюдается и во многих могильниках Юго-Восточной Смоленщины, отчасти принадлежащей бассейну Верхней Оки. Таковы среди исследованных Н. И. Булычковым могильники у деревень Суборовка, Синьгово, Доброселье, Трашковицы¹⁰, Коханы, Ступеньки¹¹.

⁹ А. Н. Ляўданскі. Археалёгічныя досьледы ў Смаленшчыне. Працы сэкцыі археалёгіі, т. 3, Менск, 1932, стр. 14, 17, 21 и 23.

¹⁰ Н. И. Булычов. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, стр. 48, 50, 56, 57, 67 и сл.

¹¹ Н. И. Булычов. Раскопки по среднему течению реки Угры. Записки Московского археологического института, т. XXXI, 1913, стр. 41 и 50.

В курганных группах близ деревень Шатуны, Богачево и некоторых других насыпи находились на расстоянии 19—40 м друг от друга, но эти могильники расположены на пашнях, и многие насыпи в них распаханы, что всегда нужно учитывать.

К могильникам первого типа относятся также Гнездовский, состоящий из нескольких групп скученно расположенных насыпей, и могильники, содержащие длинные курганы (Арефинский¹², близ Слободы-Глушицы¹³, около деревень Цурковка¹⁴, Ганино, на правом берегу р. Волости ниже дер. Дубоисице¹⁵ и ряд других).

Все без исключения курганные могильники первого типа относятся к древнерусскому времени (IX—XIII вв.), а могильники с длинными курганами — также и ко второй половине I тысячелетия н. э. В курганах близ Туринщины, Харлапова, Слободы, Кузьмичей, Пильника (между деревнями Хрыстово и Сукромля), Орши, Черкасова, Суборовки, Синьгова, Доброселья, Трашковичей, Кохан, Ступенек, Маркатушина и др. открыты славянские труположения XI—XIII вв. с браслетообразными, ромбошитковыми или перстневидными височными кольцами, с бусами, перстнями и браслетами, характерными для древнерусских курганов. В могильниках близ Маркатушина и Кузьмичей, наряду с насыпями, содержащими труположения, раскопаны курганы с трупосождениями IX—X вв., а близ дер. Ковали все раскопанные курганы содержали остатки трупосождений IX—X вв.

Изучение опубликованных и архивных материалов приводит нас к убеждению, что во всех случаях древнерусские курганные могильники Смоленщины характеризуются скученностью и бессистемностью расположения насыпей. Если обратиться к планам курганных могильников других областей Восточной Европы, то и здесь древнерусским могильникам IX—XIV вв. обычно присущи те же признаки¹⁶.

¹² Раскапывались В. И. Сизовым (Указатель памятников Исторического музея, М., 1893, стр. 113) и Е. А. Шмидтом (Отчет о раскопках 1952 г. в Архиве ИА АН СССР).

¹³ Е. А. Ш м и д т. Раскопки длинных курганов в Смоленской области. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 147—152.

¹⁴ Обследованы А. Н. Лявданским и Е. А. Шмидтом.

¹⁵ Обследованы Смоленским отрядом Среднерусской экспедиции в 1956 и 1957 гг.

¹⁶ Назовем лишь некоторые курганные группы, планы которых опубликованы. В земле полочан — курганные могильники между деревнями Рудня и Салатки (А. Н. Лявданский. Археологічні дослідження у Полоцькій Акрузе. Праці археологічної комісії, т. 2, Менск, 1930, стр. 174); в урочище Волотовка (там же, стр. 157 и сл.), около дер. Городец 3 (І. А. Сербаяў. Археологічныя помнікі Вушацкаго раёну, Полацкае акругі. Там же, рис. 2); около дер. Словены (там же, рис. 3); у дер. Кубличи (там же, рис. 4); близ оз. Уклейка (там же, рис. 5); шесть курганных групп около г. Заславля (А. Н. Лявданский. Археологічныя раскопкі ў м. Заслаў Менскай акругі. Праці катэдры археалогіі, т. 1, Менск, 1928, стр. 13, 21, 44, 52, 61, 64); пять скученных групп из 57, 27, 24, 17 и 74 курганов в урочище Борок под Борисовом (А. Н. Лявданский. Археологічныя дослідження у Барысаве. Праці археологічнай комісії, т. 2, Менск, 1930, стр. 155). Имеются также курганы и в области расселения дреговичей (А. Рынейскі. Археологічныя разведкі на Пціч. Праці свяцкіх археалогіі, т. 3, Менск, 1932, стр. 198, 199, 203, 207). Много курганных могильников подобной планировки описано в Известиях ГАИМК, вып. 109, 1935 (Калининское и Ярославское Поволжье). Такую планировку имеют Первый и Второй Пекуновские могильники и курганная группа у дер. Глинники, исследованные Н. П. Милоновым (Н. П. Милонов. Древнерусские курганы и селища в бассейне Верхней Волги. МИА, № 13, 1950, рис. 8, 9, 13). Таковы вятичские курганные группы XI—XIV вв. в бассейне Верхней и Средней Оки, могильники Владимиро-Суздальской земли, курганные группы IX—XIV вв. Новгородской земли, курганы древлян, в том числе могильник второй половины I тысячелетия н. э. и т. д.

Исследователи вятичских курганов на Верхнем Дону отмечают, что насыпи основного могильника у Большого Боршевского городища расположены очень тесно, часто соприкасаясь основаниями; такова же планировка могильника (насчитывающего свыше 200 насыпей) близ Кузнецовского городища (П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, № 8, 1948, стр. 79 и 110). Кроме того, близ Боршевского городища находится второй могильник неизвестного времени; насыпи

Иначе расположены курганы в могильниках, составляющих вторую группу по нашей классификации. В поселке Яново (в 0,3—0,5 км от уже упомянутого древнерусского) известен могильник, состоящий из 7 насыпей, находящихся на значительном расстоянии друг от друга (от 30 до 108 м) и не образующих компактной группы, как древнерусские курганы (рис. 2—4—5). По внешнему облику они также отличаются от древнерусских, значительно крупнее их (насыпи здесь сильно повреждены, вершины попорчены ямами, в некоторых устроены хранилища, что не позволяет судить о полной высоте; но даже в разрушенном состоянии они достигают 2—3,5 м), очень крутобокие (боковые склоны почти отвесны); никаких следов ровиков вокруг насыпей нет, тогда как для древнерусских курганов кольцеобразные ровики или отдельные ямы вокруг оснований обычны¹⁷.

Еще более разбросаны курганы в могильнике на правом берегу р. Лосни в 1 км южнее дер. Долгомостье. Расстояние между насыпями превышает 100 м, а иногда доходит до 150 м (рис. 2—4). Насыпи очень крутобокие, вершины их полусферические; высота — 3—4,5 м при диаметре 10—15 м. Ровиков вокруг также нет¹⁸.

Два кургана подобного типа находятся на левом берегу Россажа (левый приток р. Сожа) около дер. Ямполье. Один из них (в самой деревне) достигает высоты 3,8 м при диаметре основания 16—17 м; срединная часть его разрушена, в ней устроен погреб. Насыпь сооружена из серого супесчаного грунта. Второй курган отстоит от первого на 400 м (в 300 м западнее дер. Ямполье); высота его — 4,5 м при диаметре основания 18—20 м; южная сторона повреждена неглубокой ямой, зачистка стенки которой показала, что курган насыпан из серой супеси. Оба кургана очень крутобокие, склоны их в нижней части почти отвесны; ровиков вокруг оснований нет¹⁹.

здесь отличаются большими размерами и расположены очень редко. Могильники Приильменя, состоящие из крупных насыпей (сопок), имеют различное построение. В одних — сравнительно тесно расположенные насыпи, другие курганы отдалены друг от друга на значительное расстояние.

¹⁷ Два кургана здесь, возможно, были раскопаны В. И. Сизовым (в отчете сказано: «В могильнике, расположенном вдоль большой дороги из Смоленска в Ельню»). Обряд погребения — сожжение, происходившее на площади кургана. В курганах найдены квадратная орнаментированная бляха, близкая одной из гнездовских бляшек (МАР, № 28, 1902, рис. II, 6), четыре зубчатых бронзовых бляшки, обломок расплавленной бронзовой пряжки, две костяных рукоятки и обломки костяных поделок (Указатель памятников Исторического музея. М., 1893, стр. 115, 116 и коллекции ГИМ, планшеты 13/24^a). Но в указателе ГИМ отмечено, что раскопанные курганы состояли из песка с прослойками золы. Осмотр обнажений насыпей в 1956 г. показал, что они сооружены не из песка, а из серого пепельного слоя с несколькими темно-серыми прослойками с углем и включениями желто-красных пятен обожженного песка или из однородного пепельного слоя. Вполне вероятно, что В. И. Сизов раскапывал не эти курганы, а в соседнем древнерусском могильнике, крайние насыпи которого находятся близко от Смоленско-Ельнинской дороги.

¹⁸ Отчет о полевых работах Смоленского отряда Среднерусской экспедиции ИИМК 1956 г. (Архив ИА АН СССР).

¹⁹ На карте А. Н. Лявданского («Археологические доследы ў вадазборах...») в дер. Ямполье отмечено 5 курганов и один курган — близ дороги Смоленск — Рославль. Относительно 5 курганов в деревне А. Н. Лявданский пишет, что четыре из них расположены рядом друг с другом; их высота — от 1 до 2,5 м, пятый же находится отдельно, и он выше остальных (указ. соч., стр. 270—273). При осмотре в 1955 г. выяснено, что отдельно стоящий курган в деревне и второй около шоссе составляют группу курганов второго типа, а четыре расположенных рядом (ныне распаханные) — курганный могильник первого типа. А. Н. Лявданский произвел раскопки двух курганов из четырех. Открыты трупосожжения IX—X вв. В одном кургане обнаружен гончарный (с волнистым орнаментом) горшок, вокруг которого находились сожженные косточки; в другом — две кучки сожженных костей, при этом в одной из них найдены обломки лепного сосуда, обожженный костяной гребень с бронзовыми гвоздиками, мелкие обломки пережженных бронзовых бляшек и железных вещей, часть калачевидного кресала X в. (Архив ИА АН СССР, д. № 127/181). При издании материалов А. Н. Лявданский, по-видимому, считал эти курганы более древними; основанием для этого были находки большого количества (в кургане № 1 — свыше ста) обломков лепной посуды, близкой керамике смоленских городищ раннего железного века, и арбалетовидной фибулы прибалтийского типа. Эти находки

К этому же типу могильников принадлежит группа, обследованная Е. А. Шмидтом на р. Сож близ дер. Горяны. Здесь 5 курганов высотой до 5,5 м и диаметром до 20 м отстояли друг от друга на расстоянии 50—175 м. Ровиков вокруг оснований не было ²⁰.

Таким образом, могильники второго типа характеризуются разбросанностью курганов, которые значительно крупнее древнерусских, крутобоки и без ровиков вокруг оснований. Отличаются эти могильники от древнерусских курганных групп и по количеству насыпей. Число курганов в могильниках второго типа не превышает 7—8, в то время как древнерусские (если они не распаханы) состоят обычно из нескольких десятков насыпей. (Табл. 1 дает представление о величине древнерусских курганных групп, расположенных в границах Смоленской области).

Таблица 1

Древнерусские курганные группы

Количество курганов	До					Сумма 100
	10	20	40	70	100	
Количество могильников	18	37	19	13	12	10

К курганам второго типа условно можно относить некоторые одиночные, отличающиеся своими размерами, крутобокостью и отсутствием ровиков в основании, например, — курган высотой 3,5 м, при диаметре основания 16 м, открытый в 1957 г. в 2 км к северо-западу — западу от дер. Хлопнино.

К сожалению, время сооружения насыпей могильников второго типа неизвестно и может быть установлено лишь при раскопках. В 1955—1957 гг. были предприняты поиски поселений вблизи курганных могильников второго типа с целью косвенного определения даты этих насыпей. Вблизи Ямпольских курганов и на правом берегу р. Лосни известны городища раннего железного века (Ямпольское и Путятинское), а в 0,5 км от Яновских курганов в 1956 г. открыто большое селище с керамикой лепной гладкостенной (одинаковой с керамикой Ямпольского и Путятинского городищ) и со штрихованной ²¹. Тем не менее решение вопроса о времени могильников лучше отложить до их раскопок.

Ближайшими аналогиями могильников второго типа являются небольшие курганные могильники Литвы, где довольно часто наблюдается подобная разбросанность в расположении насыпей. В бывшей Конявской волости между деревнями Монтаны, Поддомба и Друцминь 8 курганов находились на протяжении около 6 верст ²², близ Ошмян 2 кургана размещены на рас-

дали основании Н. Н. Чернягину включить Ямпольские курганы в список длинных курганов (Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки. МИА, № 6, 1941, стр. 109). Изучение архивных материалов и публикации показали, однако, что здесь мы имеем дело с двумя группами разнородного материала: во-первых, — с керамикой раннего железного века и арбалетовидной фибулой, найденными в насыпях курганов; во-вторых, — с раннегончарной и лепной керамикой IX—X вв. и калачевидным кресалом. При этом последняя керамика находится всегда с сожженными косточками, а большая часть ранней керамики обнаружена в насыпях, сооруженных из культурного слоя селища раннего железного века.

²⁰ Е. А. Шмидт. Новые данные об археологических памятниках Смоленской области. Материалы по изучению Смоленской области, вып. 1, Смоленск, 1952, стр. 374.

²¹ Селище Березинка 5 (верхний слой его относится к древнерусскому времени). См. В. В. Седов. Первые результаты археологического изучения древнерусской деревни Смоленской земли. Материалы по изучению Смоленской области, вып. 2, Смоленск, 1957, стр. 291, 292.

²² Реферат В. А. Щукевича об археологических местностях в Лидском и Трокском уездах. Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX АС. Вильна, 1893, отд. 1, стр. 98.

стоянии 50 шагов друг от друга²³. Отдаленность в расположении курганов подчеркивается Ф. В. Покровским в могильниках Першукшты и близ дер. Ловки²⁴. Исследователь восточнолитовских курганов А. Э. Тауравиčius отмечает, что разбросанность в размещении насыпей характерна для могильников Восточной Литвы середины I тысячелетия н. э., тогда как курганы и курганные группы конца I тысячелетия н. э. и первых веков II тысячелетия н. э. по внешнему виду не отличаются от восточнославянских (до VIII в. в основаниях курганов нет ровиков, с VIII—IX вв. появляются кольцеобразные ровики или канавки). Курганные группы середины I тысячелетия н. э. в Восточной Литве обычно состоят из 10—20 насыпей, в то время как позднее — в конце I тысячелетия и начале II тысячелетия н. э. — число насыпей в одном могильнике очень часто достигает 100 и более²⁵.

В восточной части обследованной территории Смоленщины (рис. 1) открыта курганная группа, несколько отличающаяся от могильников и первого, и второго типов. Она расположена на высокой всхолмленной площадке левого берега р. Волости, в 300 м от русла, напротив с. Дубосище и состоит из 6 сегментовидных насыпей (рис. 2—6)²⁶. По форме они близки древнерусским, но никаких следов ровиков или ям около оснований не было. Насыпи отстояли друг от друга на большем расстоянии, чем курганы древнерусских могильников; тем не менее этой группе не присуща разбросанность, характерная для могильников второго типа.

Приведем основные данные по курганам Дубосищенского могильника (табл. 2; в метрах).

Таблица 2

Курганы Дубосищенского могильника

№ кургана	Высота	Диаметр		Сохранимость
		С—Ю	З—В	
1	1,3	9,8	8,8	Без повреждений
2	1,2	13,6	12,7	На вершине — яма
3	3,5	14,4	11,7	На вершине — большая яма
4	5,0	14,6	14,5	На вершине — глубокая яма
5	4,3	13,4	12,1	То же
6	1,3	12,8	11,8	» »

При обследовании пашни возле курганов выяснилось, что могильник расположен на месте стоянки, относящейся к бронзовому веку. Собрано большое количество керамики (рис. 3), среди которой есть венчики сосудов с ямочным и нарезным орнаментом, но преобладают неорнаментированные черепки плоскодонных горшков. Цвет сосудов серо-желтый или красновато-серый, тесто — с примесью мелкой и средней по размеру дресвы. Подобная керамика характерна для памятников бронзового века Верхнего Поднепровья и для Деснинских стоянок того же времени²⁷. В связи с открытием

²³ Ф. В. Покровский. Археологическая карта Виленской губернии. Тр. Виленского отделения..., стр. 43.

²⁴ Ф. В. Покровский. К исследованию курганов и городищ на восточной окраине современной Литвы. Труды IX АС, т. 2, М., 1897, стр. 158, 159 и 164.

²⁵ А. Э. Тауравиčius. Восточнолитовские курганы. Труды Прибалтийской комплексной экспедиции, т. I, М., 1959, стр. 128—153.

²⁶ Кроме того, один курган полностью распахан. На пашне на его месте найдены кальцинированные косточки, глиняное пряслице и бронзовая пряжка (рис. 3—13, 14).

²⁷ А. Н. Лявданский. Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзовой эпохи в Смоленской губернии. Научные известия Смоленского гос. университета, т. IV, вып. 3, 1927, табл. VIII—XI.

стоянки около Дубосищенских курганов понятны аналогичные находки керамики и обломка кремневого дротика в насыпи кургана № 1 (рис. 3—6), который был раскопан в 1956 г. Основная часть его насыпи была сооружена из культурного слоя стоянки бронзового века.

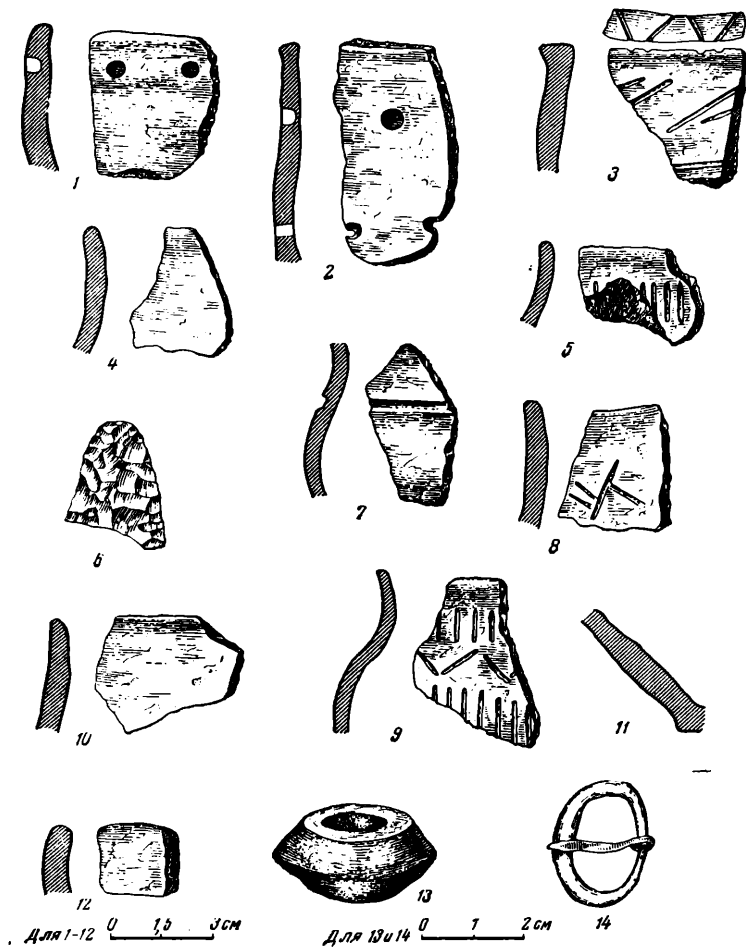

Рис. 3. Керамика и вещи из Дубосищенских курганов и со стоянки близ этих курганов.

1—4, 7—9 — подъемный материал, собранный около курганов Дубосищенского могильника; 5, 6, 10, 12 — из насыпи № 1; 11 — из погребения этого кургана; 13, 14 — подъемный материал на месте распаханного кургана

Поверхность исследованного кургана была покрыта плотным дерном (рис. 4); под ним открылся грязновато-желтый песок (на глубину 0,3—0,6 м), а ниже — слой, состоящий из серой супеси, желтого песка и большого количества золы (культурный слой стоянки). Мелкие угольки встречались и в грязновато-желтом песке, и в сером слое насыпи, причем здесь они образовывали несколько более крупные включения. Никакой закономерности в их расположении не наблюдалось.

Остатки нескольких трупосожжений, совершенных на стороне, были открыты в сером слое насыпи, в ее срединной и восточной частях. Первое погребение оказалось на глубине 1,1—1,2 м (от нулевой точки на вершине

кургана) в срединной части насыпи. Кальцинированные кости²⁸ человека были рассыпаны на площади $0,8 \times 0,3$ м при глубине $0,1$ м. Среди них обнаружены 2 обломка чернолощеной посуды (рис. 3—11). Несколько

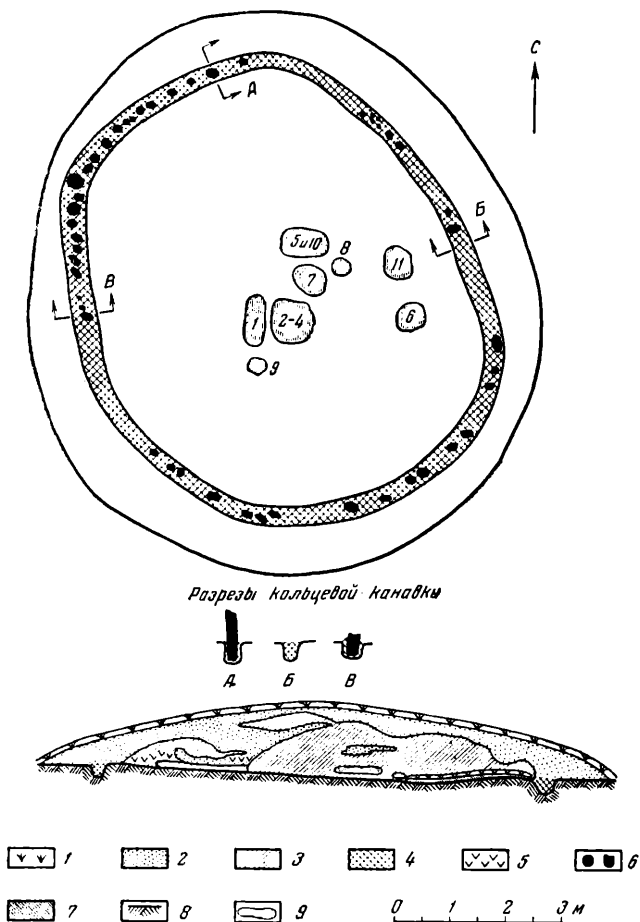

Рис. 4. План и разрез (С—Ю) кургана № 1 Дубосищенского могильника.

1 — дерновый слой; 2 — грязновато-желтый песок; 3 — серый супесчаный слой; 4 — заполнение кольцевой канавки; 5 — угольный слой; 6 — сгоревшие остатки кольцевой ограды; 7 — погребенная почва; 8 — материк; 9 — остатки трупосожжений (№ 1—11).

восточнее первого захоронения и на $0,2—0,25$ м выше его вскрыты 3 скопления кальцинированных костей человека, расположенные на площади $0,8 \times 0,7$ м при глубине $0,3$ м. В одном из них найдены сильно окислившийся железный нож и медная пластинчатая трапецевидная привеска.

Пятое погребение обнаружено в $0,35—0,4$ м севернее нулевой точки и на $0,8—1$ м ниже ее. Площадь распространения костей — около $0,7 \times 0,5$ м.

²⁸ Вес костей, собранных в погребениях кургана № 1 Дубосищенского могильника:

Погребения	Вес костей (в граммах)	Погребения	Вес костей (в граммах)
1	625	6	194
2	590	7	150
3	470	8	130
4	402	9	36
5	64	10	156

Шестое погребение — на глубине 0,8—1 м, в 2 м юго-восточнее нулевой точки; седьмое находилось чуть восточнее нулевой точки на глубине 1,2—1,3 м. Восьмое скопление кальцинированных костей открыто на той же глубине в 0,2 м северо-восточнее седьмого захоронения. Остатки девятого захоронения найдены в 1,5 м к юго-юго-западу от нулевой точки, на 1,25—1,3 м ниже ее, и десятое находилось под пятым, на 0,3 м ниже его.

В курганной насыпи, кроме обломков керамики, относящейся к бронзовому веку, встречено несколько мелких неорнаментированных фрагментов толстостенных лепных сосудов (толщина стенок — 7—11 см) из грубого теста с большим количеством примеси крупной дресвы.

В основании насыпи прослежен темно-серый слой толщиной 10—15 см (погребенная почва). Под насыпью в погребенной почве и материке открылась кольцеобразная канавка. От краев основания кургана она отстоит на 0,2—0,9 м; ширина ее — 0,2—0,4 м, глубина — 0,25—0,3 м. Заполнена она была грязно-желтым слоем, содержащим большое количество угля, среди которого четко выделяются сгоревшие вертикальные столбы. Некоторые из них поднимались выше бортов канавки на 0,1—0,25 м, а один столб в северо-западной части кургана возвышался над материком на 0,55 м.

Изучение состава курганной насыпи и заполнения кольцевой канавки позволило сделать следующие выводы:

1. Кольцевая канавка выкопана перед сооружением насыпи.
2. В канавке вплотную друг к другу были вертикально поставлены бревна диаметром от 8—10 до 25 см, которые образовали забор — частокол.
3. Затем была сооружена часть насыпи (серый слой), причем грунт брали поблизости.
4. Вслед за этим был сожжен деревянный частокол и насыпана верхняя часть кургана — грязновато-желтый песок. Никаких следов ровика в основании насыпи выявить не удалось.

По своему устройству Дубосищенские курганы принадлежат к типу вятичских (середины I тысячелетия н. э.) в бассейне Верхней Оки. Раскопанный курган ничем не отличается от курганов около деревень Шаньково и Почепок, исследованных Н. И. Булычевым²⁹. В основаниях этих насыпей открыты подобные кольцевые канавки; в центре каждого кургана встречены скопления сожженных человеческих костей от нескольких трупосожжений. Правда, остатки трупосожжений в курганах близ деревень Шаньково и Почепок сопровождалась глиняными сосудами, что не наблюдалось в раскопанном Дубосищенском, но керамика и здесь, и там одинаковая — грубая лепная и более тонкая с черной лощеной поверхностью. Глиняное пряслице и бронзовая пряжка, обнаруженные на месте распаханного кургана в Дубосищенском могильнике (рис. 3—13, 14), находят полные аналогии среди предметов верхнеокских курганов середины I тысячелетия н. э.³⁰ Захоронения в Дубосищенском кургане располагались так же компактно, как и в верхнеокских; это позволило П. Н. Третьякову предполагать, что остатки трупосожжений помещались в деревянных сооружениях, устроенных внутри насыпей.

Дубосищенские курганы являются самыми западными вятичскими курганами середины I тысячелетия н. э.

²⁹ Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела..., стр. 5—7; П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, 1941, стр. 50.

³⁰ Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела..., рис. 11, 3, 4; П. Н. Третьяков. Указ. соч., рис. 20, 8.

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

ВЕРХНЕЕ ПОНЕМАНЬЕ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ И НАЧАЛЕ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ НАШЕЙ ЭРЫ

(По материалам Прибалтийской экспедиции 1955—1957 гг.)¹

Среди малоизученных земель, вошедших в состав древней Руси, едва ли не самым забытым углом было Понеманье. Не северная его часть, хорошо известная по раскопкам Ф. В. Покровского², Э. А. Вольтера³, В. А. Шукевича⁴, Е. и В. Голубович⁵ и др., а та территория, которая позже известна под наименованием Черной Руси. Сведения об истории этого края до XI в. сводились к тому, что он был заселен литовскими племенами, вероятно всего, ятвягами, а затем подвергся русской колонизации⁶. Характер древнерусской культуры края также не был изучен вплоть до самого последнего времени. Облик ее стал выясняться лишь с выходом работы Н. Н. Ворониной «Древнее Гродно»⁷ и исследованиями В. Р. Тарасенко в Волковыске⁸. Материалы Гродно и Волковыска давали представление о древнерусской культуре городов Понеманья, появившейся здесь с XI в. Однако пути проникновения ее, степень распространения в Понеманье и соотношение с культурой литовских племен продолжали оставаться невыясненными.

Начиная изучение южной части Верхнего Понеманья, Славяно-Литовский отряд Прибалтийской экспедиции поставил перед собой две задачи: 1) попытаться найти памятники I тысячелетия н. э. и уяснить их соотношение с древнерусскими памятниками XI—XIII вв.; 2) определить границы распространения славянских и литовских памятников и специфику древнерусской культуры этой территории. В настоящей работе мы останавливаемся лишь на первом вопросе.

¹ Доклад на заседании группы славяно-русской археологии ЛОИИМК 8/III 1958 г.

² Ф. В. Покровский. К исследованию курганов и городищ на восточной окраине современной Литвы. Труды IX АС, т. II, М., 1893, стр. 138—196; его же. К исследованию бассейна Виали в археологическом отношении. Труды X АС, т. I, М., 1899, стр. 71—171.

³ ОАК за 1882—1888 гг. СПб., 1891, стр. 50—53.

⁴ W. Szukiewicz. Poszukiwania archeologiczne w powiecie Lidzkim, gub. Wileńskie. Materiały antropologiczne-archeologiczne i etnograficzne, 1914, t. XIII, стр. 56—75.

⁵ W. Hołubowicz. Pięć lat pracy terenowej muzeum archeologicznego uniwersytetu Stefana Batorego w Wilnie (1933—1937). Rocznik Archeologiczne, 1937, t. I, стр. 84—88; Н. и В. Hołubowicz. Wykopiska na Wileńszczyźnie w latach 1938 i 1939. Wilno, 1940.

⁶ Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1873, стр. 34; М. К. Любавский. Очерки истории литовско-русского государства. М., 1915, стр. 8.

⁷ Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, № 41, 1954.

⁸ В. Р. Тарасенко. Раскопки городища «Шведская Гора» в Волковыске в 1954 г. Материалы по археологии БССР. Минск, 1957, стр. 258—279.

В 1955—1957 гг. проводились разведки по левому берегу Немана (в междуречье Сервеча и Шары) и на правом его берегу по рекам Дитве и Лебеде. Обследовано более 140 археологических памятников (рис. 5). Кроме того, в 1955 г. заложен небольшой раскоп на селище Ковали Козловщинского района Гродненской области. В 1956 г. раскапывались селище Городиловка и курганы в Новогрудском районе Гродненской области, а в 1957 г. — околный город в Новогрудке.

В итоге представляется возможным выделить на этой территории 3 группы памятников I тысячелетия и начала II тысячелетия н. э.: 1) поселения со штрихованной и шероховатой керамикой; 2) поселения с лепной гладкостенной посудой, а также длинные и удлиненные курганы; 3) поселения с гончарной керамикой и курганы (полусферической формы) с обрядом трупосожжения.

Остановимся на каждой из этих групп.

1. Штрихованная керамика обнаружена на двух городищах — Конявка (110) и Городище (140) и нескольких селищах — Черешля (121), Ковали (40) и др.⁹ Городище Конявка расположено на мысе первой надпойменной террасы и отрезано от плато полукольцевым валом, а у поселка Городище занимает изолированный холм на берегу р. Сервеч; валов у него нет, однако при закладке шурфа на краю площадки, на глубине 0,4 м обнаружены остатки горелых плах, — по-видимому, часть оборонительного сооружения. Из открытых поселений весьма интересно селище близ дер. Черешля, у слияния р. Белоножки со старицей Немана; это вытянутая возвышенность, до 200 м длиной и 20 м шириной. Однослойный памятник того же типа обнаружен лишь в Конявке, причем культурный слой здесь достигает 0,5 м. Обычно на поселениях встречалась и более ранняя, и более поздняя посуда. Штрихованная керамика представлена ребристыми и баночной формы сосудами; среди них есть крупные, толстостенные и маленькие, тонкостенные. Тесто их бледновато-желтое и коричневатокрасное, с примесью довольно крупных зерен дресвы. На ребристых сосудах штриховка нанесена по тулову ниже ребра, а на последнем видны зашпы; баночные сосуды заштрихованы все, целиком (рис. 6—3, 4, 5). На городище у поселка Городище вместе со штрихованной керамикой найдена поделка из бронзы (рис. 6—2).

Городища и открытые поселения со штрихованной посудой могут быть сопоставлены с аналогичными памятниками Восточной Литвы и Западной Белоруссии. На территории Литовской ССР известно около 40 пунктов со штрихованной керамикой; западная граница распространения этих памятников проходит в районе среднего течения Немана¹⁰. Материалы, собранные А. Г. Митрофановым при раскопках городищ Вязынка Радошковичского района и Малышки Кривичского района Молодечненской (теперь Витебской) области, а также исследованное П. Э. Куликаускасом городище у дер. Пилякальнис Неменчинского района Литовской ССР позволяют видеть в поселениях со штрихованной керамикой, обследованных нашим отрядом, типичные памятники этой культуры в Верхнем Понеманье¹¹. Керамика обследованных нами поселений типична для поселений этого рода в Восточной Литве и Западной Белоруссии. Также характерны и остатки деревянных

⁹ Номера, поставленные после названия, соответствуют номерам памятников на карте (рис. 5).

¹⁰ А. Таугавичюс. Восточная Литва в I тысячелетии нашей эры. Вильнюс, 1954, стр. 9.

¹¹ А. Г. Митрофанов. Городище в Вязынке. Материалы по археологии БССР. Минск, 1957, стр. 155—164; его же. Раскопки городища в Малышках. Тезисы доклада, прочитанного на прибалтийской секции пленума ИИМК, посвященного полевым исследованиям 1955 г.; П. Э. Куликаускас. Археологические исследования Неменчинского городища в 1952—1954 гг. Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (секция археологии). М., 1955, стр. 23—25.

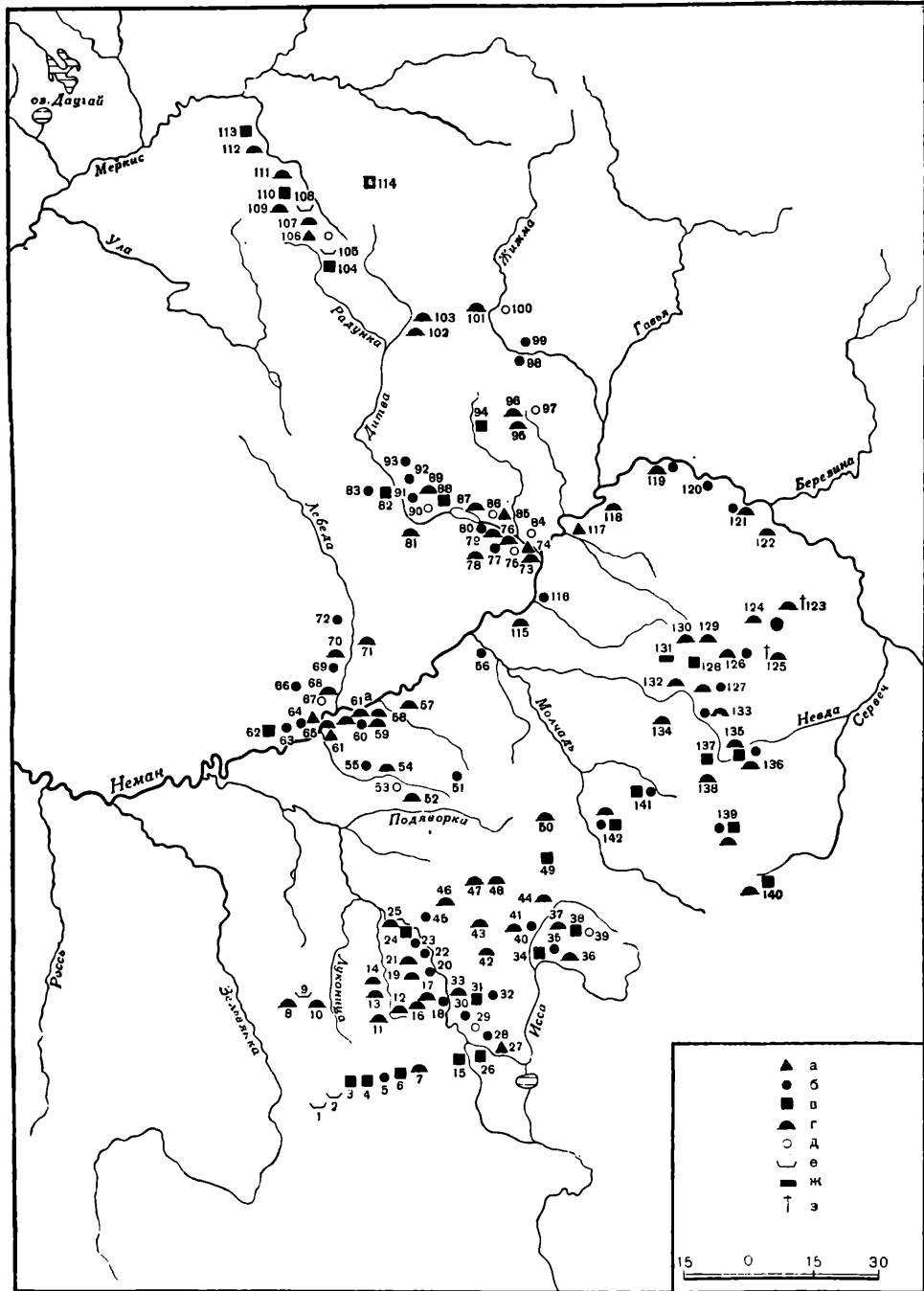

Рис. 5. Карта расположения памятников, выявленных разведочным маршрутом Славяно-Литовского отряда Прибалтийской экспедиции в 1955—1957 гг.

1 — оз. Бездонное; 2 — Клепачи; 3, 4, 5 — Озерницы; 6 — Эбочно; 7 — Кокوشيца; 8 — Старое Село; 9 — Красница; 10 — Пустоборье; 11 — Козловичи; 12 — Кашсева; 13 — Бердовичи; 14 — Климовичи; 15 — Жировичи; 16 — Гонки; 17, 18 — Василевичи; 19, 20 — Комлевичи; 21, 22 — Павловичи; 23 — Низ; 24 — Яново; 25 — Ягначи; 26, 27 — Шилевичи; 28, 29 — Чепелево; 30, 31, 32 — Тальковоцинка; 33 — Шундры; 34, 35, 36 — Дервна; 37, 38, 39 — Высоцк; 40, 41 — Коваки; 42 — Пиромии; 43 — Войничичи; 44 — Горки; 45 — Городки; 46 — Соловичи; 47, 48 — Нен довичи; 49 — Санюки; 50 — Воловички; 51 — Ятвязь; 52, 53 — Накришки; 54, 55 — Романовичи; 56 — Несловцы; 57 — Дубровка; 58 — Корытница; 59, 60, 61 — Демьяновцы; 61а — Заченичи; 62, 63, 64, 65 — Гольника; 66 — Дворчаны; 67, 68 — Волчки; 69, 70 — Яслевичи; 71 — Бояры; 72 — Городище; 73, 74, 75 — Беневиши; 76 — Дроздоно; 77, 78 — Мосевичи; 79, 80 — Любары; 81 — Порычаны; 82, 83 — Мыто; 84 — Пески; 85, 86 — Величка; 87 — Минюнты; 88 — Щурок; 89, 90 — Ольжево; 91, 92 — Белогруд; 93 — Горнеты; 94 — Лида; 95 — Косовщина; 96, 97 — Сцержково; 98 — Двориче; 99 — Тронели; 100 — Микенцы; 101 — Бастуны; 102 — Жирмуны; 103 — Пороги; 104 — Городище; 105 — Улавновщина; 106 — Нача; 107 — Пузель; 108 — Мицканц; 109 — Богачи; 110 — Конявка; 111 — Голодовка; 112, 113 — Ульбини; 114 — Эйсшикес; 115 — Бондари; 116 — Руда; 117 — Пуудино; 118 — Ольховка; 119 — Кривичи; 120 — Ляховичи; 121 — Черешля; 122 — Десятичи; 123 — Бронники; 124 — Сулатичи; 125 — Мотча; 126 — Городиловка; 127 — Селец; 128 — Вовогрудок; 129 — Бретьянка; 130 — Ладенники; 131 — Гребинки; 132 — Коростово; 133 — Марулины; 134 — Кошелево; 135 — Селанце; 136 — Мондино; 137 — Радогоща; 138 — Свистезь; 139 — Пурневичи; 140 — Городище; 141 — Запалье; 142 — Огородники.

а — находки вещей каменного века; б — селища; в — городища; г — курганные могильники; д — случайные находки; е — каменные могилы; ж — вал; з — каменный крест.

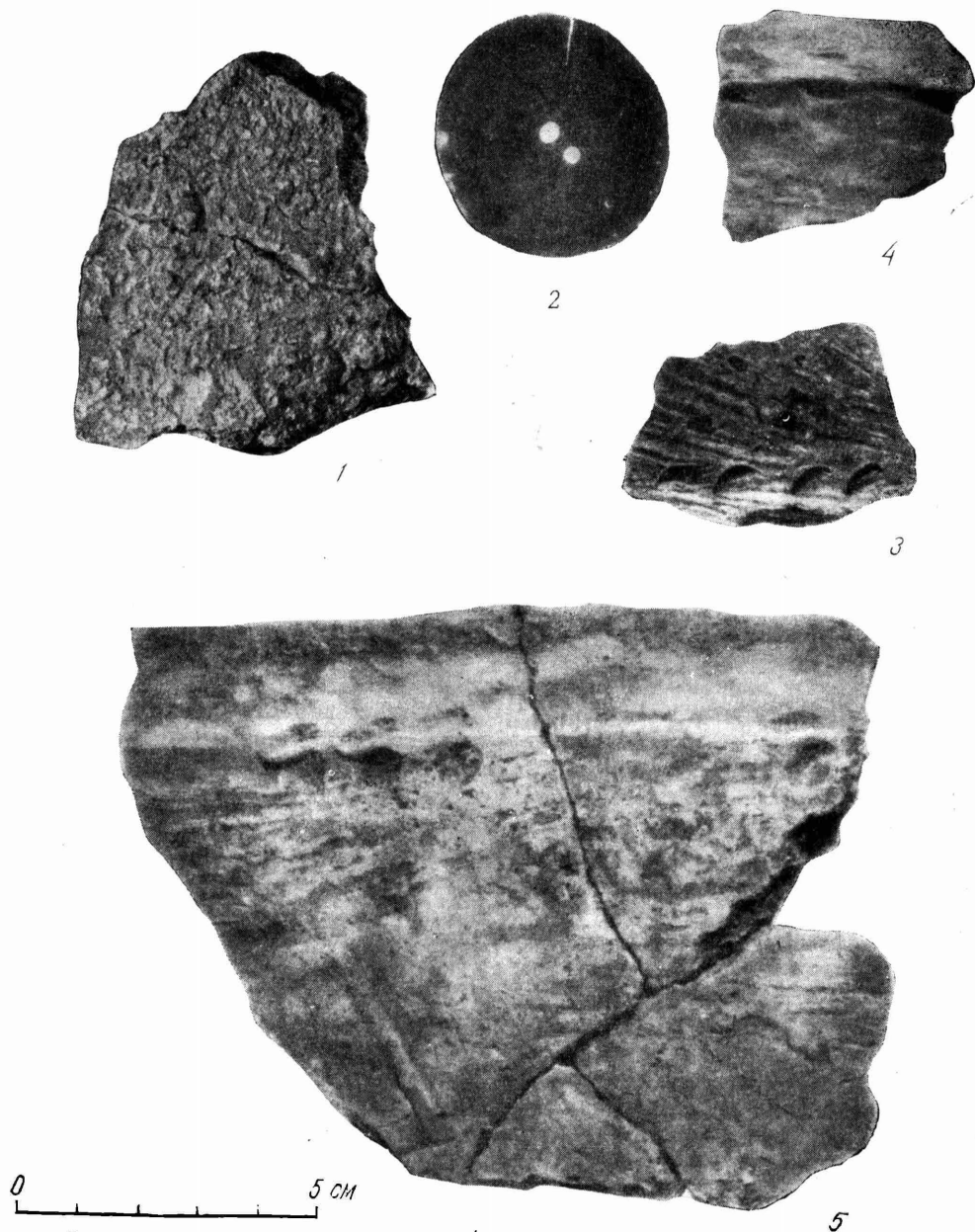

Рис. 6. Находки из поселений со штрихованной и шероховатой керамикой.

1, 3—5 — керамика; 2 — поделка из бронзы; (1, 3, 4 — Черешая; 2, 5 — Городище).

оборонительных сооружений, открытые на городищах в Вязинке и Пилякальнисе¹². Трудно пока указать прямые аналогии для бронзовой поделки, обнаруженной на городище у поселка Городище, однако нельзя не отметить, что находки изделий из бронзы, формочки и льячки для их изготовления — характерная черта поселений со штрихованной посудой¹³. Памятники этого

¹² А. Г. Митрофанов. Городище в Вязинке, стр. 157; П. Э. Куликаускас. Указ. соч., стр. 24.

¹³ А. Г. Митрофанов. Городище в Вязинке, стр. 163. В Малышках найдена подковообразная пряжка, покрытая эмалью (см. А. Г. Митрофанов. Раскопки городища в Малышках).

типа датируются временем не позднее середины I тысячелетия н. э. Таким образом, определяется граница исчезновения поселений этой группы и на обследованной нами территории. Время появления памятников со штрихованной керамикой пока установить трудно. Отметим лишь, что штрихованная посуда по р. Щаре встречена и на дюнных стоянках Комлевичи (20), Павловичи (22), в сочетании с кремневым инвентарем.

В Черешле и Конявке, наряду со штрихованной керамикой, найдена и шероховатая. Это обломки красновато-коричневых толстостенных сосудов с примесью дресвы в тесте, формы которых установить не удалось. Снаружи сосуды обмазаны песком, отчего их поверхность становилась шероховатой (рис. 6—1). Подобная керамика распространена в весьма широких географических границах. А. Э. Таутовичюс и П. Ф. Тарасенко отмечают ее в Восточной Литве¹⁴. В Латвийской ССР известно более 60 пунктов с шероховатой посудой. Один из реконструированных шероховатых сосудов был баночной формы¹⁵. В кургане у дер. Засвирь Свирского района найдены 4 горшка, обмазанных снаружи глиной¹⁶. В бассейне порожистой части Днепра, на поселении и в погребениях у с. Привольное Запорожской области УССР, обнаружены горшки и миски с шероховатой поверхностью, обмазанные перед обжигом жидкой глиной с примесью кварца¹⁷. Подобная керамика известна в Поднестровье (Лука-Врублевская Каменец-Подольского района Хмельницкой области)¹⁸.

Посуда с шероховатой поверхностью весьма распространена среди лепной керамики Польши, причем обычно верхняя часть сосуда и его придонная часть были заглаженными, а тулово — шероховатым¹⁹. По мнению Б. Костржевского, сосуд покрывали тонким слоем песка, чтобы он не потрескался во время обжига²⁰. Аналогичная посуда встречена во время наших раскопок на городище Грачевка Приморского района Калининградской области. Это фрагменты крупных толстостенных сосудов; наружная часть их стенок целиком или частично была присыпана песком либо обмазана глиной²¹.

Хронологические рамки бытования керамики этого типа столь же обширны, как и географические границы. В Латвии и Литве она встречается еще на поселениях I тысячелетия до н. э.²² Значительная часть ее находок падает на первую половину I тысячелетия н. э. (Польша, Калининградская область, Поднепровье, Южная Волынь)²³. Встречается шероховатая керамика и в более позднее время; так, А. Э. Таутовичюс отмечает, что в Восточной Литве керамика этого типа встречается от III—IV до VI вв. н. э.²⁴ В упоминавшемся выше кургане у дер. Засвирь горшки, обмазанные глиной, найдены совместно с пережженными костями; там же обнаружены узко-

¹⁴ А. Таутовичюс. Указ. соч., стр. 9; П. Ф. Тарасенко. Городища Литвы. КСИИМК, вып. XLII, 1952, стр. 89.

¹⁵ Л. В. Ванкина. Археологические памятники I тысячелетия до нашей эры на территории Латвийской ССР. КСИИМК, вып. XLII, 1952, стр. 73, 74.

¹⁶ Ф. В. Покровский. К исследованию бассейна Вилии..., стр. 87.

¹⁷ Ю. В. Кухаренко. Поселение и могильник полей погребений у с. Привольное. СА, XXII, 1955, стр. 129, 132, 134, 138.

¹⁸ По сведениям М. А. Тихановой, которой автор выражает благодарность.

¹⁹ W. Antoniewicz. *Archeologia Polskie*. Warszawa, 1928, стр. 159; J. Kostrzewski. *Wielkopolska w pradziejach*. Warszawa—Wrocław, 1955, стр. 237, 248; B. Zielonka. *Smentarzysko z okresu cesarstwa rzymskiego w Lachmirowicach*. *Przegląd Archeologiczny*, Poznań, 1947, t. VII, z. 3, стр. 380.

²⁰ B. Kostrzewski. *Smentarzysko z okresu rzymskiego w Koninie*. *Przegląd Archeologiczny*, Poznań, 1947, t. VII, z. 2, стр. 273.

²¹ Ф. Д. Гуревич. Из истории Юго-Восточной Прибалтики. (Рукопись).

²² Л. В. Ванкина. Указ. соч., стр. 74; П. Ф. Тарасенко. Указ. соч., стр. 87.

²³ Ю. В. Кухаренко. Указ. соч.; А. Таутовичюс. Указ. соч.; Ф. В. Покровский. К исследованию бассейна Вилии...

²⁴ А. Таутовичюс. Указ. соч., стр. 11.

клинковый железный топор, нож и бронзовая пряжка. Курганы с групосождением на этой территории появляются не раньше V—VI вв.²⁵ Погребальный инвентарь, найденный в Засвирском кургане, также может быть отнесен к первым векам второй половины I тысячелетия н. э. Шероховатая посуда, обнаруженная нами совместно со штрихованной керамикой, по видимому, синхронна ей, хотя могла быть в употреблении и в несколько более позднее время.

2. Ко второй группе следует отнести поселения с лепной гладкостенной посудой, а также длинные и удлиненные курганы.

Поселения представлены городищами Яново (24), Радогоща (137), Городище (140) и др. и открытыми поселениями Марулины (133), Тальковщина (30), Городиловка (126) и др. В отдельных случаях открытые поселения расположены у подножия городищ, не содержащих культурного слоя, — Селище (135), Огородники (142). Размеры площадок городища у дер. Яново, находящегося на второй надпойменной террасе р. Щары и огражденного с напольной стороны валом, и городища у поселка Городище (о котором уже упоминалось) сравнительно невелики (до 2000 кв. м). От них отличается городище у дер. Радогоща, имеющее около 100 м в диаметре и отделенное от напольной части двумя валами высотой до 3 м. Городища у деревень Селище и Огородники, у подножия которых расположены селища, занимают: первое — изолированную возвышенность на берегу р. Невды и второе — мыс надпойменной террасы, примерно в 500 м от р. Молчадь. В дер. Селище на городище сохранились следы расплывшихся валов с северной и южной сторон. Открытые поселения, возникавшие независимо от городищ, расположены на первых надпойменных террасах по Неману, Щаре, Невде и др.

Однослойные памятники с лепной гладкостенной керамикой встречаются довольно редко. Чаще всего на этих поселениях находили и керамику более раннего времени, в частности, штрихованную (Черешля, Городище), а главным образом, — более позднюю, гончарной выделки. Мощный культурный слой встречен лишь в Новогрудке, но преимущественно он образовался за счет отложений более позднего времени; в остальных случаях он не превышает 0,6—0,65 м.

Лепная посуда — обычно желтого и красно-коричневого цвета; в тесте — примесь довольно крупных зерен дресвы. Трудно пока полностью реконструировать формы лепной гладкостенной посуды; можно лишь отметить, что встречаются слабопрофилированные горшки с высокими плечиками, сосуды баночной формы, миски и сковородки. Наряду с очень толстыми обломками попадают и тонкостенные. В дер. Селище найдены фрагменты очень маленького сосудика высотой 3,2 см и диаметром 2,5 см. Сосуды орнаментированы налепным валиком, зигзагами, чеканом и волной (рис. 7—1, 2, 4—7). Кроме керамики, в Огородниках встречены обломки грубо изготовленных глиняных пряслиц конусообразной формы (рис. 7—3).

Интересная особенность исследованного района — это сосуществование в ряде пунктов удлиненных и длинных курганов с курганами полусферической формы. Памятникам этого типа нами посвящена специальная работа, основной вывод которой сводится к тому, что длинные и удлиненные курганы этой территории аналогичны погребальным сооружениям в бассейне Западной Двины, Днепра и др.²⁶

Поселения со штрихованной керамикой обследованной нами территории можно было сопоставлять с такими же поселениями в Восточной Литве, памятники же с лепной гладкостенной посудой в виде горшков, сковородок

²⁵ Ф. В. Покровский. К исследованию бассейна Вилии., стр. 87; А. Тауга-вичюс. Указ. соч., стр. 11.

²⁶ Ф. Д. Гуревич. Длинные и удлиненные курганы Западной Белоруссии КСИИМК, вып. 72, 1958.

и мисок характерны для поселений Верхнего и Среднего Днепра, Днестра и Западного Буга²⁷. Как можно судить по публикациям в Польше, Чехословакии, Румынии и Болгарии, посуда такого типа известна и там²⁸. Наиболее близкими по территории поселениями, где найдена аналогичная керамика, являются городище и селище Хотомель (Давид-Городокского района Брестской области) VII—IX вв.²⁹ Что же касается датировки удлиненных и

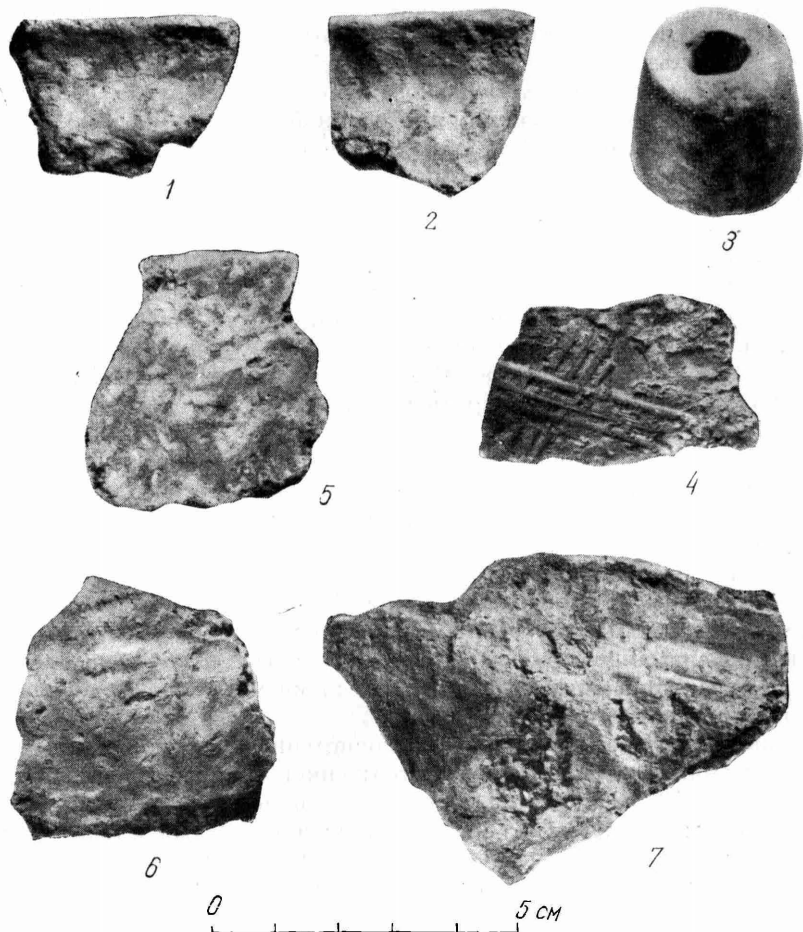

Рис. 7. Находки из поселений с лепной гладкостенной керамикой.

1—3 — Огородники; 4, 5 — Городище; 6 — Селище; 7 — Черешля.

длинных курганов, то следует предположить, что, появившись здесь не позже VI в., они служили местами погребений вплоть до X—XI вв., как об этом свидетельствуют раскопки М. А. Цыбишева близ Новогрудка³⁰. Таким образом, поселения с лепной гладкостенной посудой и удлиненные и длинные курганы датируются пока в довольно широких хронологических

²⁷ И. И. Ляпушкин. Место роменско-боршевских памятников среди славянских древностей, Вестник ЛГУ, 1956, № 20, серия истории, языка, литературы, вып. 4, стр. 54, 58.

²⁸ И. И. Ляпушкин. Новотроицкое городище. МИА, № 74, 1958.

²⁹ Ю. В. Кухаренко. Раскопки на городище и селище Хотомель. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 94, 95.

³⁰ М. А. Цыбишев. Раскопка в конце 1892 года некоторых курганов близ г. Новогрудка Минской губернии. Каталог предметов, доставленных на археологическую выставку при IX археологическом съезде в Вильне в 1893 г. Вильна, 1893, стр. 73, 74.

границах; они были распространены в течение всей второй половины I тысячелетия н. э.

3. Третью группу памятников составляют поселения с раннегончарной посудой и погребения в курганах (полусферической формы) с обрядом трупожжения. Поселения с гончарной керамикой располагаются на тех же местах, где обнаружены поселения с лепной керамикой (Черешля, Радогоща, Селище и др.). Раскопки, произведенные в Новогрудке, Городиловке, Ковалях, а также исследование курганов позволили полнее представить себе материальную культуру этого периода.

Так, в нижнем горизонте окольного города Ноногрудка обнаружены остатки жилища — полуземлянки прямоугольной формы (6 × 3 м). Жилище углублено в материк свыше 0,6 м. Близ восточной стенки сохранились остатки каменной печи; в юго-западном углу была яма овальной формы (94 × 60 см). В полуземлянке найдены керамика и поделки из железа, бронзы, камня, стекла и кости. Довольно много костей животных. Следы углублений, — возможно, также части землянок, — обнаружены и на других участках раскопа. Здесь же были отдельные ямы с керамикой, металлические поделки и т. д. Следы углубленного жилища встречены при закладке разведочного шурфа на селище Городиловка, где на глубине 0,9 м вскрыта прослойка из обожженной глины. В культурном слое найдены куски глиняной обмазки с отпечатками прутьев, керамика, поделки из железа и бронзы.

Среди керамики единично встречаются обломки лепной посуды. В Новогрудке найден обломок толстостенной сковородки; преобладают, однако, горшки гончарной выделки. Это горшки желто-красного цвета, в тесте — примесь дресвы и иногда шамота. Венчики отогнутые, иногда профилированные, тулово вытянутое, донце с подсыпкой. Большая часть сосудов орнаментирована рифлением от шейки до донца. Иногда рифление сочетается с «волной», гребенчатым, треугольным и прямоугольным орнаментом. Обращают на себя внимание довольно крупные сосуды с валиком, в отдельных случаях орнаментированным насечкой. В нижнем горизонте Новогрудка попадались единичные обломки амфор.

Находки вещей сравнительно немногочисленны. Среди железных изделий из полуземлянки отметим нож с утолщенной спинкой и поделку в виде крюка (рис. 8—1). В числе предметов из бронзы — спиральный перстень с широким овальным щитком, орнаментированный двумя рядами насечек, спиральки диаметром 5—7 см (рис. 8—5). Здесь же найдены кочедык (рис. 8—9), костяная поделка, обломки двух стеклянных браслетов (рис. 8—6), каменное биконическое пряслице (рис. 8—4) и другие предметы. В ямах нижнего горизонта обнаружены подковообразная фибула с завернутыми концами (рис. 8—8), 2 бронзовых тельных креста с желтой эмалью, единичные стеклянные бусы. Из находок нижнего горизонта упомянем бронзовый крестик с насечкой (рис. 8—2) и изделия из кости: односторонние гребни с кружковым орнаментом (рис. 8—7) и обломок поделки в виде фигуры животного (рис. 8—3), реконструированный Г. Ф. Корзухиной как один из выступов одностороннего гребня.

Находки из Городиловки, нижнего горизонта Новогрудка и других синхронных поселений принадлежат к типичным изделиям X—XI вв. Характерны для X—XI вв., например, односторонние гребни, известные по находкам в Гнездове, Тимиреве, Михайловском и других курганных могильниках X—XI вв., а также в слоях Старой Ладоги X в.³¹ Керамика, обнаруженная

³¹ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. СПб., 1902, табл. VI, 10; Я. В. Станкевич. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X ст. МИА, № 6, 1941, стр. 80, табл. VII, 2, 7, 11, 13, 14; В. И. Равдоникас. Старая Ладога (Из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.). СА, XI, 1949, стр. 45, рис. 34, 4.

в землянке совместно с лепной сковородкой, свидетельствует о начальном внедрении гончарного круга.

Новогрудок окружен курганными могильниками. Курганы — полусферической формы, диаметром до 12 м, высотой до 1,5 м; у подножия некоторых из них сохранились рвы. Из 13 раскопанных курганов в десяти найдены

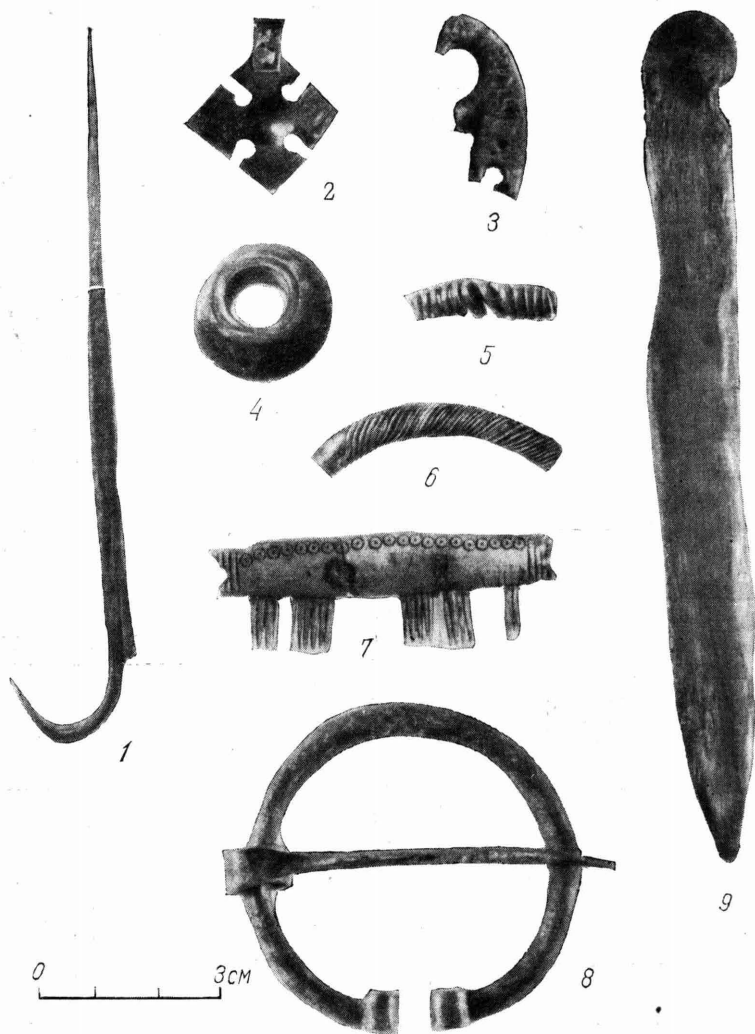

Рис. 8. Находки из Новогрудка.

- 1 — железный крюк; 2 — бронзовый крестик; 3 — костяная поделка; 4 — каменное пряслице;
5 — бронзовая спиралька; 6 — фрагмент стеклянного браслета; 7 — костяной гребень;
8 — фибула; 9 — кочедык.

погребения по обряду трупосожжения. Кальцинированные кости лежали в насыпи [курганы в Городиловке, Бретянке (129), Ладенниках (130) и Сулятичах (124)]. В отдельных случаях на грунте обнаружены горелые плахи (Ладенники). Керамика аналогична посуде из поселений. Наряду с обычными горшками гончарной выделки встречаются обломки лепной толстостенной посуды. Среди погребального инвентаря — ножи, подковообразные пряжки, височное кольцо, шиферное пряслице, бусы и другие изделия,

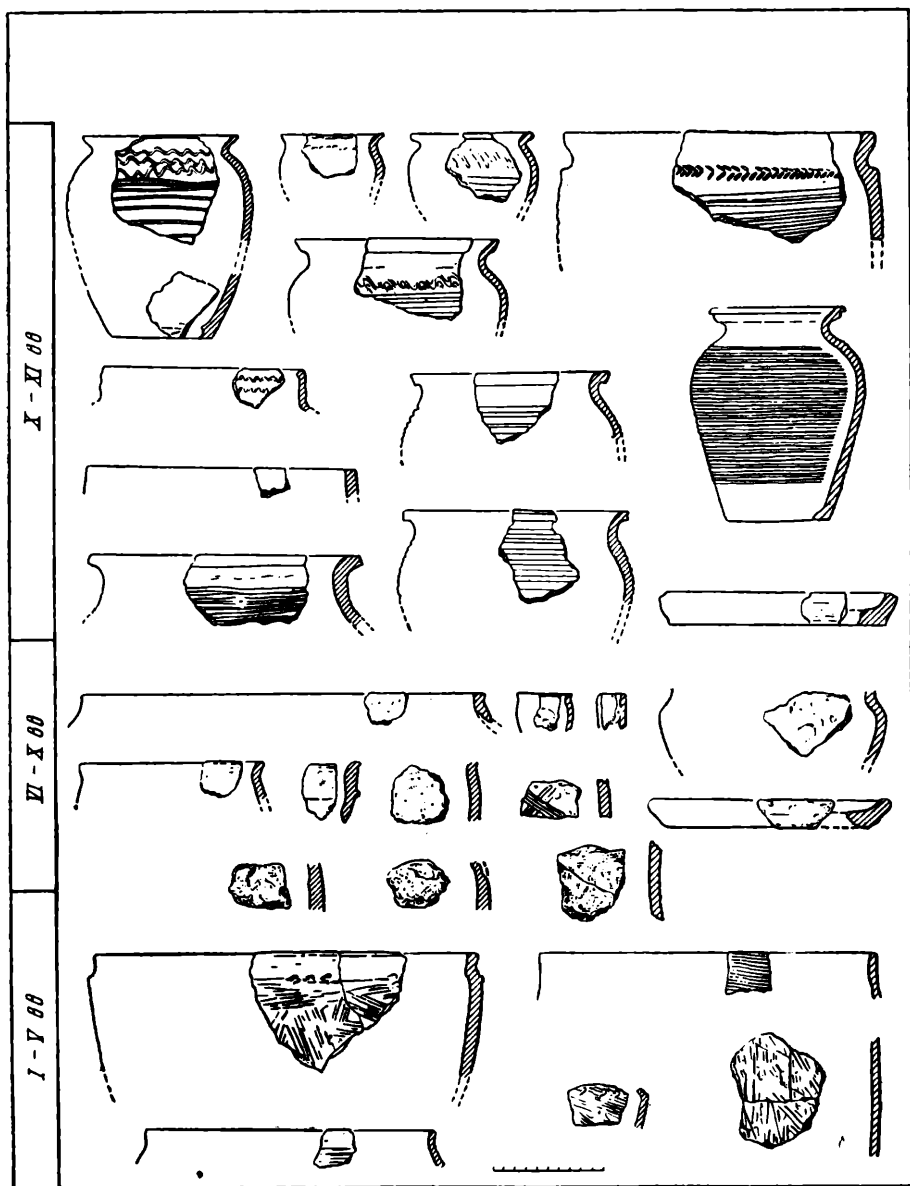

Рис. 9. Основные формы керамики Верхнего Понеманья в I тысячелетии и начале II тысячелетия н. э.

сходные с вещами из поселений. Это дает основание считать курганы с обрядом трупосождения погребальными памятниками того же населения, которому принадлежали городища и селища X—XI вв.

Такова краткая характеристика трех групп памятников Верхнего Понеманья, выделенных на основании материалов работ 1955—1957 гг. На составленной нами таблице (рис. 9) приведена типичная для этих памятников керамика. Первая половина I тысячелетия н. э. (нижний ряд) представлена штрихованной посудой, сосуществовавшей в течение всего этого периода (или известной его части) с шероховатой керамикой, которая, по-видимому, бытовала в несколько более позднее время. Далее,— непосредственно или

с некоторым перерывом (это пока сказать невозможно), — появилась иная посуда, лепная гладкостенная (средний ряд), которая бытовала вплоть до X в., и, наконец (в верхнем ряду), — типично городищенская керамика X—XI вв. Между первой и второй группами преемственности, за исключением сосудов баночной формы, нет. Между второй же и третьей группами сходства значительно больше.

Материалы X в. и особенно XI в. служат предметом специального исследования. Отметим, что из трех известных в настоящее время городов Понеманья — Гродно, Волковыска и Новогрудка — последний наиболее древний. Ранние слои Гродно относятся к концу XI в. и, главным образом, к XII в.³² Начальный период Волковыска датируется XI в.³³; в Новогрудке поселение существовало уже в X—XI в., причем не как одинокий населенный пункт, а в окружении синхронных ему селищ и могильников.

Изложим предварительные соображения об этническом составе населения в рассматриваемый период, которое обычно вплоть до XI в. считалось литовским.

Памятники со штрихованной посудой свидетельствуют о том, что в первой половине I тысячелетия н. э. земли будущей Черной Руси были заселены теми же племенами, которые жили в остальной Белоруссии, а также в Восточной Литве и Восточной Латвии. По единодушному мнению исследователей, эта культура принадлежит балтийским племенам³⁴.

Иное дело — вторая половина I тысячелетия н. э. Наличие длинных и удлиненных курганов в Понеманье дает все основания считать, что в это время здесь обитало славянское население. В этом убеждают небольшие материалы, обнаруженные в пределах современной Молодечненской области при раскопках Ф. В. Покровского³⁵, и новые данные А. Г. Митрофанова, нашедшего там керамику и бронзовые украшения, аналогичные изделия из длинных курганов Смоленщины³⁶. В свое время нам удалось проследить, что удлиненные и длинные курганы распространены не только в Понеманье, но и в бассейне Западного Буга³⁷. Теперь можно утверждать, что они встречаются гораздо дальше на юго-западе — в междуречье Западного Буга и Вислы и в бассейне Вислы³⁸. На территории Польши в Липско (повет Замостье Люблинского воеводства) раскопан длинный курган VIII в., вблизи которого известно синхронное поселение с жилищем в виде полуземлянки и печью-каменкой³⁹. Таким образом, в длинных и удлиненных курганах Понеманья можно видеть одно из тех звеньев славянских погребальных памятников, которые тянутся от Вислы на юго-западе до Волги на северо-востоке. Правда, на западе они еще слабо изучены.

Свидетельством более раннего, чем это было принято считать, пребывания славян в Понеманье являются и поселения с лепной гладкостенной

³² Н. Н. Ворони. Указ. соч., стр. 45.

³³ П. Ф. Тарасенко. Указ. соч., стр. 279.

³⁴ Н. Моога. Die Eisenzeit in Lettland bis 500 n. Chr. Teil I. Die Funde. Tartu, 1929, стр. 29; П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, 1941, стр. 16; его же. Восточнославянские племена. М., 1953; стр. 92; А. Таутавичюс. Указ. соч., стр. 7; А. Г. Митрофанов. К истории населения Средней Белоруссии в эпоху раннего железа. Л., 1955, стр. 17.

³⁵ Ф. В. Покровский. Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии. Труды IX АС, т. I, М., 1895.

³⁶ Сведения любезно предоставлены А. Г. Митрофановым.

³⁷ Ф. Д. Гуревич. Длинные и удлиненные курганы...

³⁸ S. Nosek. Materiały do badań nad historią starożytną i wczesnośredniowieczną midzierzecza Wisły i Bugu. Annales universitatis Mariae Curie-Skłodowska, t. VI, Lublin — Kraków, 1957, стр. 132, 327; его же. Ciałopalnie mogiły z okresu wczesnohistorycznego w Małopolsce Zachodniej. Wiadomości Archeologiczne, 1939—1948, t. XVI, стр. 328.

³⁹ М. Дзевко. Wielki kurhan wczesnośredniowiecznego cmentarzyska we wsi Lipsko, pow. Zamość. Wiadomości Archeologiczne, 1954, t. XX, z. 3, стр. 307—309. Сведения о поселениях рядом с могильником любезно сообщены И. И. Ляпушкиным, который в свою очередь получил их от М. Дзевко.

посудой того типа, который характерен для славянских памятников Побужья, Поднепровья и Поднестровья второй половины I тысячелетия н. э.⁴⁰ Вытеснили ли славяне полностью более ранних обитателей этих земель — литовские племена, жили ли они попеременно с потомками тех, от которых сохранилась штрихованная посуда, — сказать пока трудно. Несомненно лишь одно: мнение, что вплоть до XI в. земли будущей Черной Руси были заселены сплошным массивом литовских племен, — ошибочно.

С началом II тысячелетия н. э. число древнерусских памятников заметно увеличивается. Часть из них, по-видимому, преемственно связана со славянскими памятниками второй половины I тысячелетия (полуземляночные жилища, формы лепной посуды и др.).

Таким образом, археологические работы в Понеманье позволили наметить основные группы памятников I тысячелетия и начала II тысячелетия н. э. Появилась возможность поставить один из важнейших вопросов о заселении славянами территории будущей Черной Руси, начиная со второй половины I тысячелетия н. э. В свете этих данных древнерусская культура, которая рассматривалась лишь как плод колонизации земель Понеманья, начиная с XI в., — приобретает местные, более древние корни. Дальнейшая работа по изучению памятников I тысячелетия и начала II тысячелетия даст возможность более основательно подтвердить эти предположения, высказанные нами пока лишь предварительно.

---

⁴⁰ И. И. Лупушкин. Место роменско-боршевских памятников..., стр. 54.

Г. К. ВАГНЕР

О ЗООМОРФНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ
НА ДРЕВНЕРУССКИХ ХОРОСАХ

Древнерусские осветительные приборы — хоросы интересны не только как предметы сложного высокохудожественного металлического литья, но и как произведения, в которых сохранялись представления языческой древности.

Древнерусский хорос XI—XIII вв. конструктивно состоял из круга, который подвешивался на трех или четырех, сходящихся вверху, цепочках. Пространство внутри его оставалось либо пустым, либо забиралось ажурным «днищем» с чашеобразным, тоже ажурным «поддоном». Сам круг также бывал ажурным. Приспособления для свечей делались в виде ответвлений от круга или «кронштейнов», на которых для насадки свечи укреплялся шип с круглой тарелочкой в основании. Ответвления-«кронштейны» либо усложнялись установкой на них зооморфного изображения (в основании подсвечника), либо сами по себе представляли зооморфную фигуру. Такие изображения помещались и в клеймах по ажурному «днищу» или «поддону», а также в соединительных кружках между отрезками цепей.

На городище Девица близ Сахновки¹ еще до революции были найдены «кронштейны» в виде змей с фантастическими рогатыми головами, изогнутых в форме буквы S (рис. 10—1)². Автор публикации назвал головы верблюдьими³, по-видимому, на основании загнутых вниз челюстей. На самом же деле их следует считать «драконьими».

«Кронштейны» в виде таких же змеевидных драконов и с такими же рогатыми головами были на хоросе, найденном М. К. Каргером при раскопках храма-усыпальницы в Переяславе-Хмельницком (рис. 10—2)⁴. Хорос датируется XI в.⁵ Очевидно, этому же времени принадлежали и описанные выше фрагменты из-под Сахновки. Возможно, что загиб челюстей вниз у змеевидных драконов на сахновских и переяславских хоросах объясняется тем, что эти образы еще плохо отслоились от образа орлиноголового грифона с его хищным клювом и бородкой на шее. Кстати сказать, нижние челюсти «драконьих» голов тоже правильнее трактовать как бородки. На великолепном монументальном хоросе также киевского происхождения⁶ мы,

¹ Каневского уезда Киевской губернии.

² Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V, Киев, 1902, табл. IX, 238.

³ Там же, стр. 31, табл. IX, 238, 239.

⁴ М. К. Каргер. Раскопки в Переяславе-Хмельницком. СА, XX, 1954, стр. 16, рис. 7.

⁵ Там же.

⁶ М. К. Каргер. Древний Киев, т. I. М.—Л., 1958, стр. 382, рис. 84.

действительно, видим грифонов с маленькими поднятыми вверх крыльями и с бородками на шее (рис. 10—3). Отмеченное явление особенно интересно ввиду сходства всех остальных частей киевского хороса с найденным на городище Девица XII—XIII вв. и хорошо известным по литературе⁷. На 4 «кронштейнах» для свечей по его ободу на стержнях имеются фигуры птиц.

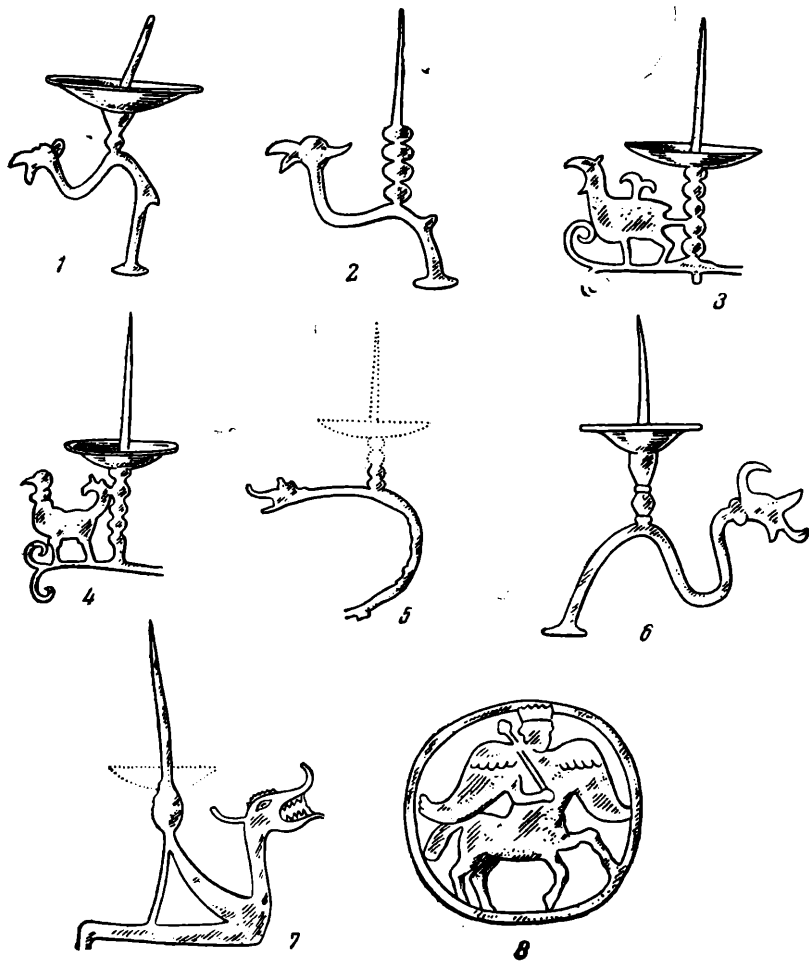

Рис. 10. Изображения фантастических животных на подсвечниках от древнерусских хоросов-паникадил.

1 — подсвечник в виде дракона (городище Девица); 2 — подсвечник в виде дракона (Переяслав-Хмельницкий, XI в.); 3 — подсвечник с грифоном (Киев); 4 — подсвечник с птицей (грифоном?) (городище Девица, XII—XIII вв.); 5 — подсвечник в виде дракона (Гродно, XII в.); 6 — подсвечник в виде дракона (Успенский собор во Владимире, XII в.); 7 — подсвечник в виде дракона (Суздаль, XIII в.); 8 — изображение кентавра (хитовраса) на паникадиле из Новгорода.

которых можно было бы принять и за грифонов (рис. 10—4); с последними их сближают не только головы орлиного типа, с загнутым клювом и кольцом оперения на шее, но и дополнительная подставка, как бы образующая вторую пару ног.

⁷ Б. Н. и В. И. Ханенко. Указ. соч., стр. 32 и южнорусских княжеств XII—Прикладное искусство Киевской Руси IX—XI веков и табл. VII; Б. А. Рыбаков. XIII веков. «История русского искусства», т. I. М. 1953, стр. 275, 276, рисунок на стр. 270.

Змеевидный «кронштейн» от хороса XII в. был обнаружен в 1952 г. при раскопках во владимирском Успенском соборе (рис. 10—6)⁸; почти такие же в 1954 г. найдены Н. Н. Ворониным при раскопках в Гродно (рис. 10—5)⁹, причем головы зооморфных изображений явно «драконьи». На владимирском «кронштейне» особенно характерны оскаленная пасть рас-трубом, борода на шее и рог на затылке.

В 1958 г. при раскопках Н. Н. Воронина в Суздальском кремле найден «кронштейн» несколько иного типа, но, несомненно, тоже от хороса¹⁰. Это не просто змеевидный стержень в виде буквы S, а целая фигура дракона с горизонтальным туловищем, переходящим под прямым углом в вертикальную вытянутую шею. Голова — рогатая, с оскаленной пастью (рис. 10—7); верхняя челюсть закручена вверх. Образ дракона («летучего змея») подчеркнут крыльями, которые, соединяясь с отходящим от спины стержнем, переходят в острие для свечи¹¹. находка датируется XIII в. Видимо, это деталь одного из хоросов Суздальского собора 1222—1225 гг. Небезынтересно, что голова дракона довольно близка изображениям голов драконо-видных существ на нижних клеймах западных врат Суздальского собора¹².

Более поздние паникадила — хоросы новгородского происхождения характеризуются изображениями кентавров (рис. 10—8)¹³. Существенно, однако, что они уже не связаны с подставками для свечей, а размещаются на нижней части хороса — «поддоне».

Трудно допустить, чтобы все перечисленные изображения носили чисто декоративный характер. XI—XIII вв. были временем господства символизма в искусстве, причем, наряду с христианскими символами, широко применялись образы предшествующего языческого мифотворчества; это нашло лучшее выражение во владими́ро-суздальской архитектурной пластике XII в. — начале XIII в.

Судя по «Беседе трех святителей», символика церковного паникадила была разработана в древней Руси самым подробным образом, граничившим с наивностью¹⁴. То же мы должны предположить и в отношении хороса, не всегда, впрочем, адекватного паникадилу. Сама центрическая композиция хороса давала богатые возможности для привнесения в его интерпретацию пережитков дохристианских представлений, связанных с солярными культурами, идеей хоровода и т. п. По словам русского паломника Василия Барского, хорос не «что иное знаменует, точию лик торжествующих и чинно окрест обстоящих, на подобие убо живаго лика метафоричным способом, и оный бездушный лик или хорос нарицается»¹⁵.

Понятие «торжествующих и чинно окрест обстоящих» должно, конечно, относиться не только к свечам, но и к находящимся в их подножии фигурам¹⁶. В языческой древности зооморфные изображения на осветитель-

⁸ Н. Н. Воронин. Археологические заметки. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 17, рис. 7.

⁹ Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, № 41, 1954, стр. 117, рис. 64, 3, 4.

¹⁰ Пользуясь случаем поблагодарить Н. Н. Воронина за разрешение опубликовать эту находку.

¹¹ Стержень, несомненно, был снабжен в основании традиционной тарелочкой, о чем свидетельствует утолщение в этой его части.

¹² Западные врата Суздальского собора обычно датируются концом 20-х и 30-ми годами XIII в. В. Л. Янин, на основе анализа изображений святых в клеймах врат, пришел к заключению, что врата были исполнены на рубеже XII и XIII вв.

¹³ См. И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. VI. СПб., 1899, рис. 201 и 203. Древности Российского государства. Отделение 1, вып. I (1), табл. 46 и 47.

¹⁴ Ср. Ф. И. Буслаев. Символика христианского искусства в русских рукописных сборниках. Сочинения, т. I. СПб., 1908, стр. 260, 261.

¹⁵ Цитируется по Н. Кондакову (И. Толстой и Н. Кондаков). Указ. соч., стр. 166.

¹⁶ Показательно, что все зооморфные фигуры на хоросах обращены головой вперед, а не назад, как это обычно применялось в изображениях декоративных. Круглые хоросы были распространены и в западноевропейском средневековье, где они обычно ассоцииро-

ных приборах были связаны с представлениями об охранительной силе помещаемых животных, преимущественно фантастических и крылатых. Эти же образы связывались с солярными культами¹⁷. Если в Византии подобные представления к X в. значительно ослабли, то в древней Руси они и после христианизации долго сохраняли свое значение.

Солнце и огонь в языческих мировоззрениях часто отождествлялись, и круг связанных с ними мифологических образов был довольно широк. Б. А. Рыбаков объяснил изображения птиц на хоросе из городища Девнца как языческие олицетворения солнечного света¹⁸. К солярным культам можно отнести и изображения грифонов. Известно, что грифоны еще в классической древности связывались с божеством солнца¹⁹. Отзвуки этих представлений сохранялись и в древней Руси. На лестничных фресках киевской Софии мы видим двух грифонов по бокам солярного знака²⁰. В соловецкой рукописи описывается, как 300 ангелов крутят солнце, а грипусы и фениксы окунают свои крылья в океан-море и кропят ими на солнце²¹. Не углубляясь в смысл этого действия, отметим сопоставление грипусов с птицей фениксом, древняя символическая связь которой с огнем хорошо известна. Следует вспомнить, что в классическом мире с грифоном,— в частности с его сверкающими глазами,— связывались представления об огне²². Огонь же в верованиях древних, в том числе и славян, был одним из важнейших охранительных начал. Многие относящиеся к нему представления были сохранены и в условиях принятия русскими христианства.

Примеры пережиточных народных верований в охранительную силу огня бесчисленны²³. Здесь важнее отметить, что частично они были узаконены и церковью. Достаточно сказать об обычае сохранять в доме «святой огонь» от страстной службы, о вере в оберегательную силу света так называемой «четверговой» свечи и т. п.²⁴ Поскольку с огнем связывались подобные представления, не удивительно, что с ним соединялись и образы таких существ, которые издревле понимались как апотропеи. Понимание грифона как сильного существа, близкого к небу и солнцу, способствовало изображению его на хоросах в качестве своеобразного солярного символа²⁵.

Хтонический культ змей, развитый в античном мире²⁶, имел глубокие корни и на территории Восточной Европы. На фибулах VI в. из Приднепровья антропоморфное божество изображалось в окружении змей²⁷. Пере-

---

вались с Горним Иерусалимом. В соответствии с этим на хоросах изображались модели храмов, кресты и прочие христианские символы. Лучшим примером этого типа может служить хорос в Аахенском соборе. См. Karl Woegmann. *Geschichte der Kunst aller Zeiten und Völker*. Leipzig und Wien, 1905, Bd. II, стр. 244, рисунок на стр. 243.

¹⁷ Л. Стефани. Описание некоторых вещей, найденных в 1863 году в Южной России. ОАК за 1864 г., СПб., 1865, стр. 44, 65.

¹⁸ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 275, 276.

¹⁹ Н. Н. Погребова. Грифон и его изображение в искусстве Северного Причерноморья в эпоху греческой колонизации. Диссертация. Архив ИА АН СССР, фонд I, раздел 2, № 364, стр. 31, 32, 140—145.

²⁰ «Древности Российского государства». Киевский Софийский собор, вып. I—III. СПб., 1871, табл. 53, рис. 5.

²¹ Д. Ровинский. Русские народные картинки, кн. 5. СПб., 1881, стр. 86.

²² Л. Стефани. Указ. соч., стр. 56.

²³ См. перечисление их в работе В. Харузиной — «К вопросу о почитании огня». «Этнографическое обозрение», 1906, № 3-4, стр. 128 и сл.

²⁴ Там же, стр. 130, 131.

²⁵ При такой интерпретации грифона легче понять образы его изображений на фасадах владимиро-суздальских храмов, причем именно в верхних их частях. Образ грифона, «терзающего» лань, тоже должен быть пересмотрен. «Когтящий» грифон, собственно, нигде не терзает зверя, а только держит его в лапах. Такая поза может быть объяснена в различных смыслах, далеких от сюжета «терзания».

²⁶ Ch. Dageberg et Edm. Saglio. *Dictionnaire des antiquités grecques et romaines*, t. II, Paris, 1892, стр. 406 и сл.

²⁷ Б. А. Рыбаков. Искусство древних славян. «История русского искусства», т. I. М., 1953, стр. 61.

житочные культы змей и позднее были очень распространены в среде славян²⁸. При этом образ змей был связан с представлением о небесном огне²⁹, имевшем не только устрашающую, но и очистительную силу³⁰, точно так же как и культ змей носил преимущественно покровительственный характер. В этом отношении очень показательны христианские храмы Кавказа, на фасадах которых нередко помещались резные змеи-драконы в качестве пережиточных языческих оберегов³¹. Даже на предметах церковного обихода образ змей далеко не всегда символизировал зло. На архиерейских посохах, например, парные змеи символизировали мудрость, с которой «духовный пастырь» должен был пасти свое стадо³². На хоросах змеевидные «кронштейны» для свечей, вероятно, были обусловлены всеми этими старыми, дохристианскими представлениями.

Хтонический культ змей постепенно осложнялся мифом о «летучем змее» — драконе, образ которого с победой христианства стал символом зла. Однако в представлениях древнерусских людей долго еще сохранялись более старые мифы, родственные восточным прообразам, в которых дракон выступал как космическое божество³³. Живучесть подобных представлений доказывается археологическими находками изображений драконов с солярными знаками³⁴. Вплоть до XIX в. драконы с солярными знаками бытовали и в русском народном шитье³⁵. Огненная природа мифического дракона, связи его с оберегательными функциями обусловили появление его изображений на хоросах.

Значительно сложнее объяснение изображений кентавров на новгородских паникадилах. А. П. Окладников связал их с образом мудрого Китовраса русских сказок и былин³⁶. Если учесть, что хорос понимался и как «горный Иерусалим» (преимущественно на Западе)³⁷ и что в сказаниях Китоврас выступает против иерусалимского царя Соломона, то в кентаврах новгородских паникадил можно видеть не только формальный, но и смысловой мотив — намек на победу библейского царя над Китоврасом. Расположение кентавров не по главному кругу хороса, где разместились херувимы и серафимы, а внизу хороса, как будто подтверждает такое их объяснение. Во всяком случае, в новгородских хоросах-паникадилах старая языческая сюжетика отошла на второй план и заняла соподчиненное положение по отношению к христианским символам.

Тот факт, что место старых мифологических зооморфных образов по главному ободу хороса заняли изображения херувимов и серафимов, подтверждает данную выше интерпретацию зооморфных изображений на более ранних хоросах. В этой связи интересно паникадило XVI в., найденное в 1871 г. в с. Оковцах Осташковского уезда. На его четырех «кронштейнах» — «рожках» изображены литые человеческие головки воинского облика³⁸.

²⁸ А. С. Фаминцын. Божества древних славян. СПб., 1884, стр. 99.

²⁹ А. Афанасьев. Поэтические представления славян о природе, т. II. М., 1868, стр. 509—511. См. также: В. Харузина. Указ. соч., стр. 104, 127.

³⁰ А. Афанасьев. Указ. соч., стр. 13 и сл.; В. Харузина. Указ. соч., стр. 128.

³¹ А. Л. Якобсон. Очерк истории зодчества Армении V—XVII веков. М.—Л., 1950, стр. 79, 80, 102.

³² А. П. Голубцов. Сборник статей по литургике и церковной археологии. Сергиев Посад, 1912, стр. 97.

³³ Ср. С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 304 и сл.

³⁴ Например, в Новгороде (А. В. Арциховский. Археологическое изучение Новгорода. МИА, № 55, 1956, стр. 34; Б. А. Колчин. Топография, стратиграфия и хронология неревского раскопа. Там же, рис. 17, 1).

³⁵ В. В. Стасов. Русский народный орнамент. СПб., 1882, рис. 82.

³⁶ А. П. Окладников. Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фаддея. СА, XIII, 1950, стр. 156.

³⁷ Karl Weegmann. Указ. соч., стр. 244.

³⁸ А. К. Жигневский. Описание Тверского музея. Археологический отдел. М., 1888, стр. 132, 133.

Полагают, что это паникадило составляло часть церковной утвари, пожертвованной Иваном Грозным в построенную им местную церковь. Сходство черт лица литых головок хороса с молодым царем позволило видеть в них портретное изображение вкладчика³⁹. Так это или не так, но особо чтимое смысловое значение изображений на «кронштейнах» хоросов не подлежит сомнению. Следовательно, в зооморфных фигурах ранних хоросов мы должны видеть символы не отрицательные, а положительные по своему содержанию⁴⁰.

---

³⁹ А. К. Жизневский. Описание Тверского музея. Археологический отдел. М., 1888, стр. 132, 133.

⁴⁰ Б. А. Рыбаков любезно сообщил мне, что в Государственном Историческом музее хранится фрагмент очевидно обода хороса, на котором в два ряда изображены фигуры «святых» (сверху) и драконовидных существ (снизу). Это может служить лишним подтверждением данной выше характеристики зооморфных изображений на древнерусских хоросах.

А. В. НИКИТИН

О НАЧАЛЬНОМ ПЕРИОДЕ ИСТОРИИ ГОРОДА ВОЛОГДЫ

История древнерусского Севера до недавнего времени, основывалась только на письменных источниках. Однако археологические данные должны занять в этой теме большее место, чем при изучении других древнерусских областей, так как письменные свидетельства об огромных отдаленных северных окраинах древней Руси очень скудны, а иногда и просто ничтожны.

Длительный процесс славянской колонизации Севера, а позже преобладание влияния Новгорода нашли лишь отрывочное отражение в источниках. Значение пушной, рыбной и соляной торговли в экономике древнего Новгорода общеизвестно, а она зависела от глубоких и прочных связей с Севером. В письменных источниках эти связи также почти не отразились. Только археологическое изучение Севера может осветить эти и другие важные исторические темы. Между тем до настоящего времени нет даже карты археологических памятников русского Севера.

Задача предлагаемой статьи — ознакомить читателя с вопросом возникновения одного из главных городов Севера — Вологды, как она рисуется на основе собранных автором археологических данных. Никаких летописных сведений о расположении древней Вологды нет, и археологические материалы можно сопоставить лишь с данными топонимики города, а иногда и с легендарными известиями, где все же есть исторически достоверное ядро. К таким почти легендарным известиям принадлежат использованные местными историками¹ сведения о начале Вологды в «Сказании о чудесах святого Герасима Вологодского» (составление этого сказания начато в XVII в.). Автор сказания сообщает, что якобы существовало описание жизни Герасима, впоследствии утраченное, и самые общие сведения о нем он черпает из «старых вологодских летописцев». Там якобы сообщалось, что Герасим пришел из Киева 19 августа 1147 г. «к Вологде реце, еще до зачала града Вологды, на великий лес, на средний посад, Воскресения Христова, Ленивые площадки малого торжку и созда пречестен монастырь во славу Пресвятыя Троицы от реки Вологды расстоянием за полпоприща, и оттоле поживе тут преподобный лет 31 и скончался в лето 6686 (1178 г.) марта в четвертый день»².

Бросается в глаза противоречивое указание о том, что Герасим пришел «еще до зачала града» и «на великий лес» с уточнением, что к моменту его прихода в Вологде существовал «средний посад» и «малый торг». Видимо, поживе тут преподобный лет 31 и скончался в лето 6686 (1778 г.) марта

¹ А. А. Засецкий. Исторические и топографические известия. М., 1782, стр. 7; А. А. Степановский. Вологодская старина. Вологда, 1890, стр. 19, 20.

² Н. Коноплев. Святые Вологодского края. М., 1895.

топографию города, или же эти пояснения содержались в них самих. Возможно также, что под термином «город» подразумевалась крепость, которая могла возникнуть позднее, чем поселение. При этом придется допустить, что уже к середине XII в. Вологда была значительным городом (указание на «средний посад» и «малый торг» говорит о том, что были и иные части посада и «большой торг»). Тогда основание Вологды, учитывая длительность роста городского поселения в условиях Севера, придется отнести к более раннему времени. Все сказанное заставляло сомневаться в данных «Сказания о чудесах». Существование Вологды в XIII в. удостоверяется летописью, сообщающей о городе под 1273 г. в связи с нападением князя Святослава Ярославича тверского на новгородские земли³.

Начатые в 1948 г. разведочные работы позволили обнаружить домонгольский слой⁴. В 1955—1956 гг. разведка продолжалась не только путем шурфовки в районе «Ленивой площадки», но и подробного осмотра береговых обнажений р. Вологды на значительном расстоянии от «Ленивой площадки» до Софийского собора. В 215 м от его юго-восточного угла в осыпи берега среди материалов позднего времени был найден обломок стеклянного браслета. Затем на участке берега против домов № 3 и 5 по Крестьянской улице, где были заложены два дополнительных раскопа, обнаружены: 20 обломков стеклянных браслетов — гладких и ложновитых; обломок синего стеклянного перстня круглого сечения со щитком; фрагмент четырёхконечного янтарного креста-тельника, пострадавшего от пожара, и два сильно окислившись наконечника стрел. Культурный слой в этом месте наиболее мощный; ближе к «Ленивой площадке» он уменьшается (что можно объяснить случайными обстоятельствами). Все же сосредоточение находок в одном месте позволяет думать, что в домонгольский период город уже простирался за пределы «Ленивой площадки». Распространялся ли он до места Софийского собора, где найден обломок стеклянного браслета, — говорить преждевременно, но эта находка заставляет в дальнейшем более внимательно следить за земляными работами на удаленных участках.

Наиболее интересный материал для ранней истории Вологды собран в раскопе 1948 и 1955—1957 гг. на Крестьянской улице, около дома № 24, где в 1948 г. встречен первый и тогда единственный стеклянный браслет. Здесь открыт комплекс частей деревянных построек, сохранности которых способствовали подобные новгородским условия: низменное положение Вологды, заболоченность почвы. Влажность культурного слоя резко повышалась ниже метра от поверхности, что сильно затрудняло работу.

В верхнем слое много перекопов (рис. 11), поэтому целых сооружений позднего времени не сохранилось. На глубине 0,8—1 м оказалось много щепы и сильно перегнившего дерева. Выявились остатки трех лаг, на которых лежали поперечные доски, — остатки замощения улицы (шириной 1,8 м, а в западной части — до 3 м), шедшей в направлении восток — запад. Покрытие клалось в вырубленные пазы, а местами крепилось колыями. В слое над мостовой попадались обломки чернолощеной керамики, а под лагами найдена небольшая лощеная чаша. Следовательно, дата мостовой — не ранее XVI в. (если считать, что Вологда заимствовала технику лощения из Москвы). На прилегавших участках (квадраты 5—5а) на глубине 1,2—1,4 м вскрыты остатки деревянного сруба, расположенного параллельно мостовой (длина южной стены сруба — около 4 м, другие стены уходят под современный дом).

³ ПСРА, т. VII, стр. 172.

⁴ См. наш отчет в КСИИМК, вып. 52, 1953. Работы регулярно финансировались Вологодским музеем. Автор приносит благодарность работавшим на раскопках И. А. Жаркову, Г. А. Лебедевой и особенно А. А. Мирову, активно участвовавшим в работе экспедиции.

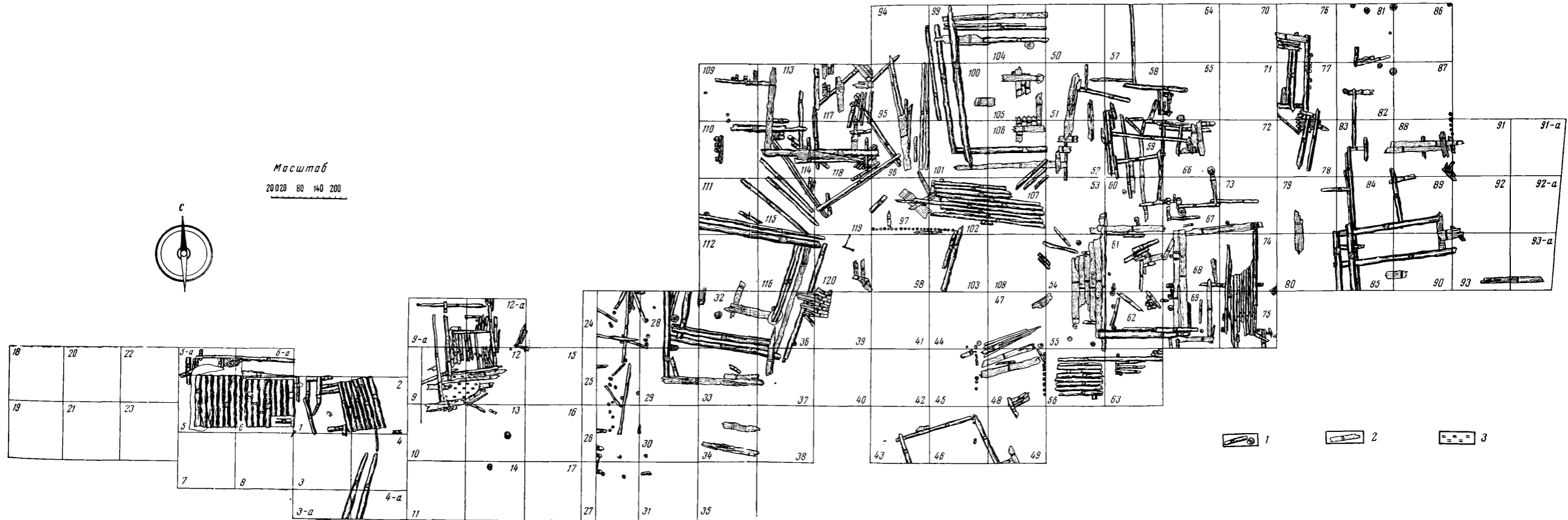

Рис. 11. Вологда. План раскопа № 4.
1 — бревна; 2 — доски; 3 — развал глинобитной печи.

В следующем пласте (1—1,2 м) встречены куски глиняной обмазки, много щепы, бересты и обрезков кожи; затем ниже мостовой на 20—25 см обнаружались остатки бревен и досок сруба, от которого сохранилась часть западной стены и юго-западный угол (квадраты 9—9а, 12—12а). Длина его — не менее 4 м, ширина не установлена. Пол из тесаных досок положен

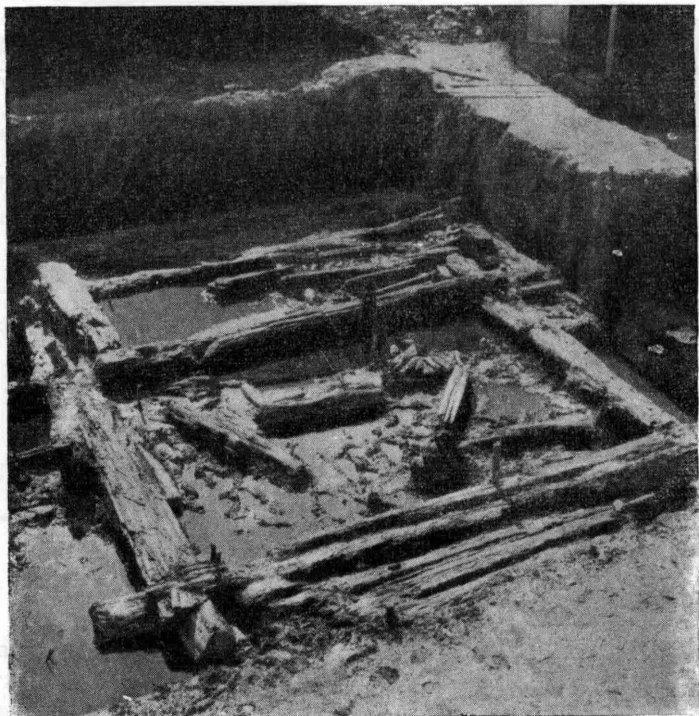

Рис. 12. Двухкамерная постройка домонгольского периода.

на бревенчатые переводины. В юго-западном углу избы — развал глины со следами копоти, остатки глинобитной печи. Датированных вещей нет. Поскольку выше встречалось довольно много лощеной керамики, а около постройки ее нет, можно предполагать, что дом относится к XIV—XV вв.

Ниже 1,2 м количество керамики заметно уменьшилось. Слои щепы, перегнившего дерева, листьев и коры, достигавший 0,5 м, указывал на близость остатков более ранних построек. В слое обнаружено 5 обломков стеклянных браслетов. В восточном направлении вскрылся новый участок улицы с примыкавшими к ней постройками. В западной части (квадраты 28—29) открыта сохранившаяся на два венца изба (южная стена — длиной 3,5 м); так как все избы близки в плане к квадрату, можно думать, что площадь и этого жилища не превышала 15—16 кв. м. На остатках настила пола найден стеклянный браслет. Части плохо сохранившегося настила улицы прослежены и на соседних участках. Вблизи находился лежавший на предметниковом слое и ориентированный вдоль улицы небольшой сруб (часть его уходила в южную стенку раскопа; длина стены — 2,3 м); пол не уцелел, каких-либо датированных находок нет, но связь сруба с предметниковым слоем позволяет отнести его к домонгольскому времени.

В восточной части раскопа обнаружены деревянные замощения и остатки двухкамерного жилища (квадраты 61—62, 68—69). Сруб связан из

толстых бревен (рис. 12) и ориентирован по линии восток — запад. Постройка пятистенная — $3,3 \times 5,2$ м, разделена на две равных части. Дверь находилась с запада; хорошо прослеживается характерное для Вологды широкое замощение перед входом. В передней (западной) части дома пол был из плоских досок, лежавших уже в беспорядке в пределах сруба; здесь видны

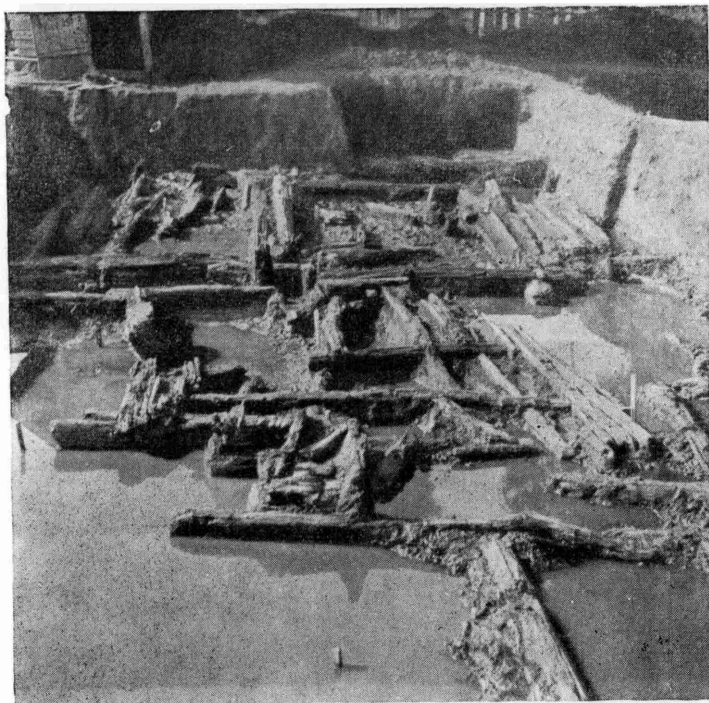

Рис. 13. Часть замощения к северу от двухкамерной постройки.

следы столбов, поддерживавших (судя по этнографическим параллелям Севера) печь, находившуюся на втором этаже. Эта половина была жилой. Хорошо сохранившийся пол восточной камеры был настлан из необработанных тонких круглых бревен, положенных на поперечные лаги; помещение было, видимо, подсобным, хозяйственным. К северу от этой постройки прослежены остатки замощения — настила площадки (рис. 13). Этот комплекс также лежит на предматериковом слое. При расчистке построек собраны многочисленные обломки стеклянных браслетов. Особо отметим резной образец (из мергеля) с изображением св. Николая и начатой резьбой на оборотной стороне (рис. 14). Палеографически иконка не датируется: начертания надписи около головы — «Николо» — очень устойчивы и для домонгольского, и для послемонгольского времени⁵. Найденная в этом же слое черная бусина со спирально-волнистой инкрустацией в виде желтовато-белых зигзагов датируется, по новгородским находкам, XI—XII вв., хотя в курганах такие бусы встречаются до XIV в.⁶

Археологические материалы показывают, что возникновение Вологды в домонгольский период не вызывает сомнения. Материалов, свидетельствующих

⁵ Л. В. Черепнин. Русская палеография, М., 1956, табл. 3—7.

⁶ Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы древнего Новгорода. МИА, № 55, 1956, стр. 177.

щих о более раннем, дорусском поселении на территории Вологды — угро-финском или славянском — пока нет.

Открытые деревянные постройки характеризуются своеобразным размещением. Срубы различно ориентированы: одни — на северо-восток (квадраты 114—115, 118—119), другие — по линии юг — север. Первые относятся

Рис. 14. Иконка из мергеля с изображением св. Николая (лицевая и оборотная стороны)

к более раннему времени и залегают ниже. Культурный слой между верхними и нижними постройками незначителен, а в большинстве случаев отсутствует. Находки вещей одинаковы. По крайней мере, стеклянные браслеты встречаются около жилищ и той, и другой ориентации. Это позволяет думать, что хронологический разрыв между перепланировкой застройки был небольшим. Трудно предположить, что застройка сравнительно большой территории велась по желанию отдельных лиц. Рано говорить о точной дате застройки, об архитектурном центре, характере и причинах перепланировки — для этого у нас нет пока материалов. Но следует напомнить, что «Ленивая площадка» лежит в 300—500 м от места раскопок. Несомненно также, что эта часть древней Вологды была гуще заселена ввиду более выгодного положения, и здесь могли существовать какие-то важные постройки, вокруг которых сосредоточивались жилые избы и улицы. Что это было — монастырь, церковь, торговая площадь или княжеский двор, — говорить рано. Все же этот район — один из самых древних.

Отложения, связанные с городом XII в., вскрыты примерно в полукилометре на север от «Ленивой площадки». На таком же расстоянии на юг от нее найдены стеклянные браслеты. Это свидетельствует о довольно больших размерах Вологды в домонгольское время. Она была крупным форпостом русской колонизации Заволочья. Конечно, нельзя представлять всю эту территорию густо застроенной. За мощными улицами, образованными рядами домов и усадеб, располагались сады и огороды. Даже в 1627 г. в Вологде, при ее достаточно большой площади, насчитывалось только шесть улиц⁷.

Материал раскопок Вологды не отличается своеобразием, которого можно было бы ожидать в северном городе, удаленном от главных культурных

⁷ А. Е. Мерцалов. Вологодская старина. СПб., 1889, стр. 37.

центров древней Руси; напротив, материал свидетельствует о тесных и непрерывных связях Вологды с ними. Все же материальная культура Вологды отличается известной «провинциальностью». В керамике нет резко выраженных специфических черт, но она изготовлена хуже: орнаментация весьма скромная, обработка — более низкого качества, разнообразие форм невели-

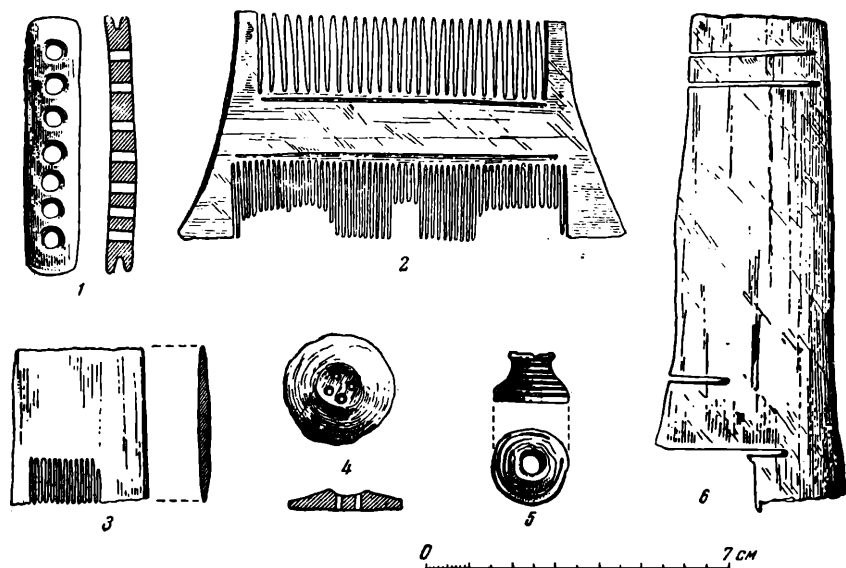

Рис. 15. Раскопки в Вологде. Изделия из кости.

1 — пластинки; 2 — гребень; 3 — заготовка гребня; 4 — пуговка; 5 — обломок шахматной фигур; 6 — заготовка.

ко. Эти особенности прослеживаются до XVI—XVII вв.; при раскопках памятников этого периода в Вологде редко встречается лощеная керамика, а незначительное количество находок изразцов заставляет думать об отсутствии местного производства. Изделия из стекла в основном представлены стеклянными браслетами — гладкими и ложновитыми, голубого, синего и зеленого цветов, с преобладанием коричневой и зеленовато-коричневой окраски. Стекло легко рассыпается. Возможно, что это продукция мастеров, пытавшихся наладить на месте изготовление предметов украшения, пользовавшихся у местных горожанок широким спросом. Следует заметить, что вместе с браслетами найдено шиферное пряслице (квадрат 112, пласт 5). Если даже согласиться с высказанным в последнее время мнением, что стеклянные браслеты существовали до XIV в., то датировку шиферных пряслиц никто не оспаривает; это еще раз подтверждает домонгольское происхождение вологодских построек.

Изделий из кости много (рис. 15), но они не выходят за пределы известных по раскопкам других городов. Находки заготовок из кости свидетельствуют о местном косторезном ремесле. Деревянные поделки из домонгольских слоев ограничены по ассортименту. Это клинья, шипы, части обручей, толкушки, мисочки-игрушки и другие предметы (рис. 16).

Подведем некоторые итоги:

1. Вологда возникла не позже XII в. Археологические данные подтвердили сведения, имеющиеся в «Сказании о чудесах святого Герасима Вологодского», о существовании здесь значительного поселения уже в середине XII в.

2. Говорить о создании города на месте предшествовавшего ему более раннего поселения пока нет оснований; при разведках и раскопках не обнаружен слой, который датировался бы ранее XII в.

3. Вологда возникла сразу как значительный административный и хозяйственно-экономический центр.

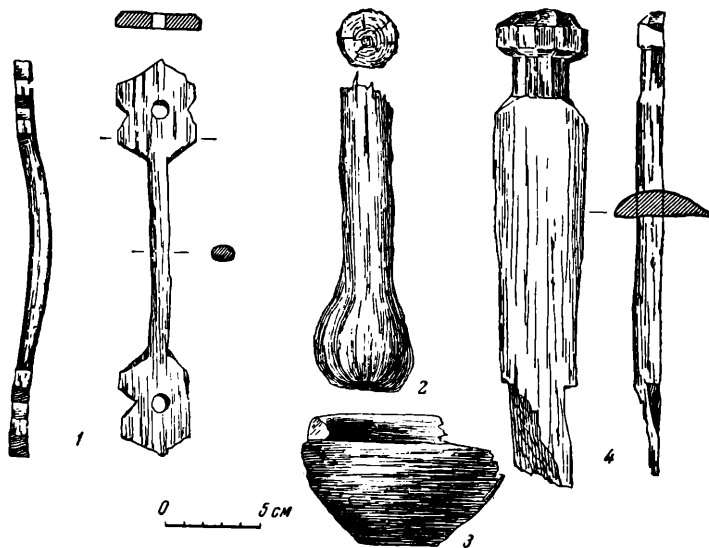

Рис. 16. Раскопки в Вологде. Изделия из дерева.

1 — ручка; 2 — толкушка; 3 — игрушка-миска; 4 — предмет неизвестного назначения.

4. Несмотря на отдаленность Вологды и соседство финно-угорских племен, облик ее ранней культуры — чисто русский; никаких инородных находок нет. Характер построек, типичных для русских городов лесной полосы, и комплекс вещей свидетельствуют о тесной связи этого далекого города с крупными центрами Руси и, вероятно, в первую очередь с Новгородом.

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Г. Б. ФЕДОРОВ

РАБОТЫ ПРУТСКО-ДНЕСТРОВСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ

Полевые работы Прутско-Днестровской экспедиции в 1957 г. проводились в бассейнах рек Дуная, Прута, Днестра и Реута в Резинском, Оргеевском, Бульбокском, Котовском, Братушанском, Липканском и Каменском районах Молдавской ССР и в Болградском районе Одесской области УССР.

В экспедиции принимали участие сотрудники Молдавского филиала Академии наук СССР, Института истории материальной культуры Академии наук СССР, Института этнографии Академии наук СССР, Одесского археологического музея, архитекторы, художники, студенты различных московских и кишиневских вузов, а также 5 румынских археологов из Института археологии Академии наук Румынской Народной Республики и ее Яскогского филиала — Р. Вулпе, Г. Думитреску, М. Комша, Е. Комша, А. Флореску и 2 румынских этнографа-практиканта — Е. Рангу и Р. Майер¹.

Раскопки проводили 8 отрядов. Во время полевых работ открыты и обследованы десятки разновременных памятников — от II в. до н. э. до XVII в. н. э., а во время стационарных — вскрыто свыше 6000 кв. м площади.

У с. Лукашевка Оргеевского района Молдавской ССР были продолжены начатые еще в 1953 г. исследования могильника культуры Поянешты-Лукашевка, относящегося к так называемой бастарнской культуре. Этот могильник — единственный «бастарнский», открытый и раскопанный на территории СССР. Кроме того, в 1957 г. возле с. Лукашевка были впервые осуществлены раскопки «бастарнского» селища, причем подобные селища еще нигде ни в СССР, ни за границей не раскапывались. Изучение Лукашевских селища и могильника с трупосожжениями II—I вв. до н. э. дало богатый и разнообразный материал — среднелатенские фибулы, различные виды орудий труда и поделок из железа, цветных металлов, кости, глины, керамику и т. п. Селище датируется среднелатенской бронзовой фибулой и амфорной ручкой с клеймом «Астином Ватромиос». Амфора относится, по карфагенскому и пергамскому комплексам, к 184—146 гг. до н. э. Большой научный

¹ Руководство экспедиции: Г. Б. Федоров — начальник экспедиции, Г. Д. Смирнов и П. П. Бырня — заместители начальника экспедиции, научный руководитель Лукашевского отряда — Раду Вулпе, начальник отряда в Аненах и Русенах — П. П. Бырня, начальник отряда в Старом Орхее — Г. Д. Смирнов, начальник отряда в Лукашевке (средневековые селища) — И. Г. Хынку, начальник отряда в Криничном — М. А. Романовская, начальник Причерноморского отряда — А. Л. Есипенко, руководители этнографического отряда — М. С. Салманович и В. С. Зеленчук, начальник отряда в Костештах — Л. Л. Полевой, начальник отряда археологической разведки — Г. Ф. Чеботаренко.

интерес представляет открытие уникального бронзового идола (видимо, — местного изготовления), отличающегося выразительностью моделировки и своеобразием (рис. 17).

Раскопки осуществлялись в тесном содружестве советскими и румынскими археологами; научным руководителем отряда был известный румынский археолог Раду Вулпе, впервые открывший в 1949 г. в Румынии могильник культуры Поянешты-Лукашевка. В результате изучения итогов раскопок и обсуждения их на полевом семинаре участники работ пришли к выводу, что появление культуры Поянешты-Лукашевка во II—I вв. до н. э. в Нижнем Подунавье есть результат продвижения из области распространения пшеворской культуры союза племен во главе с бастарнами, причем в этот союз входили, видимо, и вены. Раскопки Лукашевского селища показали, что так называемая бастарнская керамика (лепная, чернолощенная с гранеными венчиками) составляет всего 10—15%, подавляющее же большинство керамики, найденной на селище, — гето-дакийская. Таким образом, носители пшеворской культуры, попав в Нижнее Подунавье, перемешались с местным земледельческим населением и, видимо, были быстро ассимилированы им.

Рис. 17. Бронзовый идол II—I вв. до н. э. из Лукашевского селища.

У сел Лукашевка (Оргеевский район) Алчедар (Рцинский район) велись раскопки славянских селищ и городищ. Вскрыты остатки полуземляночных и наземных жилищ, керамические и железоплавильные горны, зерновые и другие хозяйственные ямы, остатки оборонительных сооружений; найдены многочисленная разнообразная керамика, сотни различных ремесленных изделий, орудия труда; украшения, оружие, бытовые предметы и т. д.

Основной слой на славянских селищах и городищах относится к IX—XII вв., однако у с. Алчедар в нижних горизонтах и под городищенским слоем обнаружены славянские комплексы, относящиеся к VI—VIII вв.: сосуды пражского типа; керамика, близкая керамике Луки-Райковецкой и роменско-боршевской, а также другие изделия этого времени. Как показали результаты раскопок у с. Алчедар, славянское селище VI—VIII вв. было расположено на склоне, вытянутом вдоль берега ручья, и занимало небольшую площадь — 250 × 60 м. Материальная культура его была весьма примитивной. Керамика делалась еще от руки или на очень несовершенном круге, хотя пашенные орудия труда снабжались уже железными частями; из железа выковывались разнообразные и весьма совершенные для того времени виды вооружения и снаряжения. В конце IX в. в связи со значительными успехами в развитии производительных сил (появление развитого гончарного круга и ряда специализированных ремесел) территория поселения сильно разрослась, достигнув в длину не менее 800—900 м, а в ширину — не менее 400—500 м; в центре его была основана хорошо укрепленная кольцевым валом и рвом цитадель-городище. На городище были сосредоточены обрабатывающие ремесла (кузнечное, оружейное, ювелирное, гончарное, косторезное и т. д.), а на открытом поселении — производящие (железоплавильные) и сельское хозяйство. Таким образом, алчедарский комплекс представлял единую экономическую систему, раннефеодальный городок; исследование его освещает пока еще мало изученный важнейший период формирования феодальных городов.

Из уникальных находок на Алчедарском городище особенного внимания заслуживает литая массивная шейная серебряная гривна, украшенная сканью (рис. 18), относящаяся к IX—X вв. и принадлежавшая, видимо,

знатному лицу. Необычайно интересна мастерская древнерусского оружейника X в. с набором инструментов — клещей, наковален, пробойников, зубил и т. д. (рис. 19—4—10) и изделий — стрел (рис. 19—11), кольчужных колец, зеркального доспеха из кованых железных пластин (19—1—3). Здесь же собраны черепки различных глиняных сосудов (рис. 20).

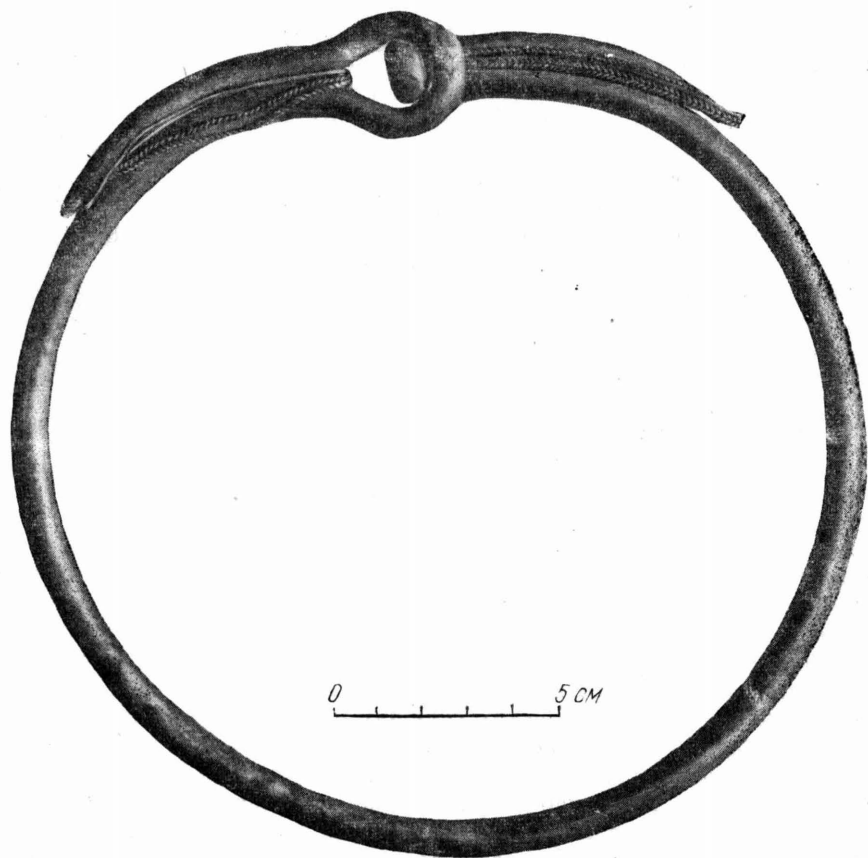

Рис. 18. Литая серебряная гривна из Алчедарского городища.

Очень интересна открытая на 5-м Лукашевском селище керамика XII—XIV вв., как можно полагать, — переходная от древнерусской к молдавской средневековой керамике.

В 1957 г. экспедиция впервые провела стационарные раскопки славянского поселения на левобережье Нижнего Дуная. Во время раскопок на селище Криничное, расположенном на берегу оз. Ялпух в Болградском районе Одесской области УССР, вскрыты остатки полуземляночного прямоугольного жилища с каменной вымосткой и каменными верями для дверей, печи, очаги, хозяйственные ямы; собраны различные изделия. Судя по керамике славянского и салтовского типа (серая, с пропущенной сеткой и т. д.), селище относится к болгарской культуре и служит свидетельством того, что левобережье Нижнего Дуная в IX—X вв. входило в сферу влияния болгарской культуры. На селище найдены и фрагменты гето-дакийской керамики первых веков нашей эры.

Исследования средневековых городищ Старый Орхей (Оргеевский район) и Костешты (Котовский район) дали возможность поставить вопрос о славянском населении Днестровско-Прутского междуречья в XII в. — нача-

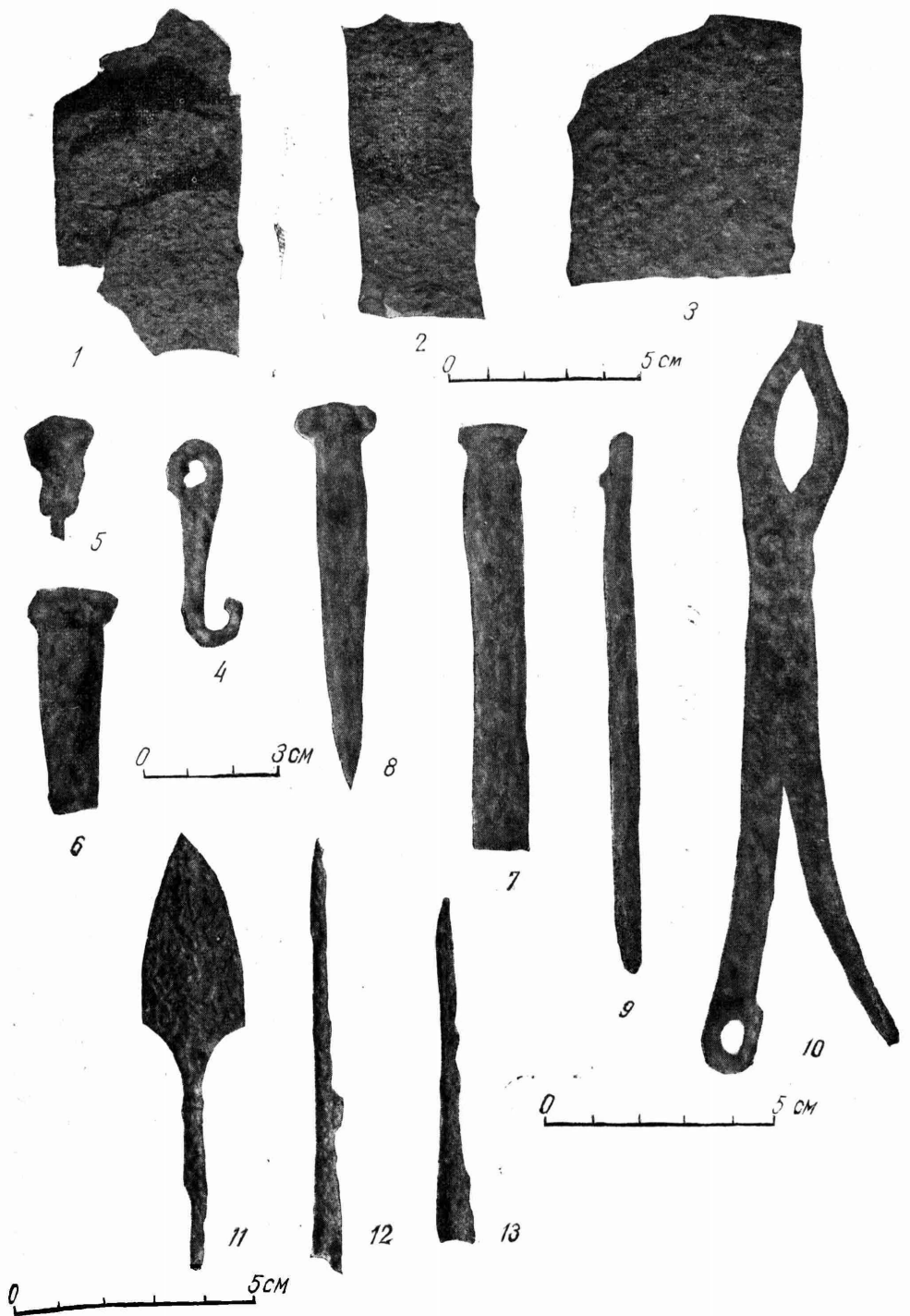

Рис. 19. Инструменты и изделия из мастерской оружейника (IX—X вв.) на Алчедарском городище.

1—3 — железные пластины от доспеха; 4 — скоба для клещей; 5—7 — наковаленки; 8 — зубило; 9 — пробойник; 10 — клещи; 11—13 — железные стрелы.

ле XIV в. и о проникновении волошского населения на территорию между-
речья, начиная с XIII в. Решение этого вопроса будет иметь большое значе-
ние в изучении формирования молдавской народности и материальной куль-
туры.

На городище Костешты открыта и исследована гончарная слобода, где
обнаружены остатки гончарной мастерской и горнов XIV в. Таким образом,

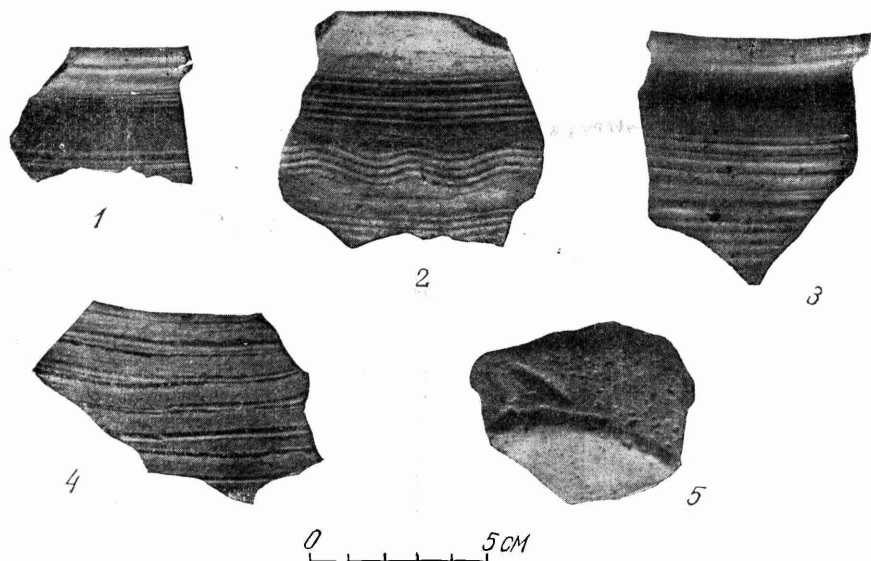

Рис. 20. Керамика из мастерской оружейника на Алчедарском городище.

появилась возможность полнее изучить и классифицировать городскую ке-
рамику XIV в. и предположить существование на территории Днестровско-
Прутского междуречья культуры городов причерноморского юга.

На городище Старый Орхей продолжены работы по изучению системы
оборонительных сооружений. Открыты и прослежены рвы земляного укреп-
ления, предшествовавшего каменной цитадели эпохи Стефана Великого.
Очень важны исследования вала, насыпанного в XVI—XVII вв. при по-
пытке Иереми Мовилы восстановить город. Под валом открыта уникаль-
ная по своей сохранности хлебопекарня XIV в.

В 1957 г. продолжено исследование молдавской средневековой деревни,
до сих пор археологически еще недостаточно изученной. На средневековом
селище Лукашевка (Оргеевский район) XIV—XVI вв. найдена землянка
и собран обильный материал, открывающий возможность изучить развитие
молдавской средневековой керамики. На позднесредневековых поселениях
Анены и Русены (Бульбокский район) обнаружены жилища-землянки; ке-
рамика и вещи из раскопок характеризуют жизнь и быт молдавской дерев-
ни XVI—XVII вв.

Благодаря этнографическим работам в Братушанском и Каменском райо-
нах изучены особенности молдавской национальной одежды и жилищ и вы-
яснены связи молдавского населения Трансильвании и Поднестровья
в XVIII в.

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

МОХОВСКОЕ ВТОРОЕ ГОРОДИЩЕ

В течение нескольких лет центральное место в работах Славянской (Верхнеднепровской) экспедиции ИИМК занимали исследования памятников милоградской и зарубинецкой культур. Первая из них, известная лишь по предварительным публикациям, являлась одной из верхнеднепровских культур раннего железного века (VI—II вв. до н. э.). Милоградские поселения обнаружены по Средней и Нижней Припяти, в поречье Днепра между устьем Березины и устьем Десны, а также по Среднему и Нижнему Сожу с притоками¹. Во II—I вв. до н. э. на смену милоградской культуре на всей территории ее распространения пришла зарубинецкая, занимавшая, как теперь выяснилось, не только Среднее Поднепровье, но и обширные области в бассейне Верхнего Днепра².

Обычный тип поселений милоградской и зарубинецкой культур в поречье Днепра — городища, т. е. укрепленные поселения, расположенные на отрогах высоких речных берегов или на островках среди болот. Культурные наслоения с зарубинецкими находками очень часто залегают на старых милоградских городищах. В связи с этим был поставлен вопрос: не складывалась ли зарубинецкая культура на основе милоградской. Впервые такая мысль была высказана В. Н. Даниленко при изучении близких милоградским подгорцевских памятников Киевского Полесья³. Нам представляется, что исследование двуслойных милоградско-зарубинецких городищ позволяет сделать некоторые наблюдения, касающиеся взаимоотношения этих двух культур. Один из таких памятников — Моховское II городище — частично исследовано в 1952 и 1953 гг.

Село Мохов, по имени которого названо городище, находится на правом берегу Днепра в 7—8 км выше г. Лоева Гомельской области. Около села — два древних городища. Первое расположено в 1 км к северу. На нем обнаружены культурные остатки, относящиеся к милоградскому времени, и более древние — эпохи бронзы. Моховское II городище находится ниже села, приблизительно в 2 км от него к юго-востоку. Оно занимает мыс коренного берега Днепра, образованный двумя глубокими оврагами (рис. 21—1).

Площадка городища — неправильно прямоугольных очертаний. Ее размеры — 65 × 60 м, высота над уровнем поймы Днепра — 11—12 м. С трех сторон площадка ограничена крутыми склонами, с четвертой — земляным валом высотой до 5 м. Обращает на себя внимание отсутствие рва, что свойственно и некоторым другим городищам этого района Поднепровья. Почти

¹ О. Н. Мельниковская. Древнейшие городища Южной Белоруссии. КСИИМК, вып. 70, 1957.

² «Зарубинецкая культура в Поднепровье». МИА, № 70, 1959.

³ В. Н. Даниленко. Памятники ранней поры железного века в южной части Полесья УССР. Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953.

непосредственно у подножия коренного берега лежит старое русло Днепра; современное русло находится на расстоянии 0,5 км.

Площадка городища сильно испорчена. Вдоль обоих склонов, обращенных к оврагам, и у подножия вала заметны несколько больших, сильно запыленных ям. Такие же ямы во множестве видны за валом городища и на соседних участках коренного берега. Во время раскопок одна из ям на городище у подножия вала была исследована. Обнаружены обломки керамики

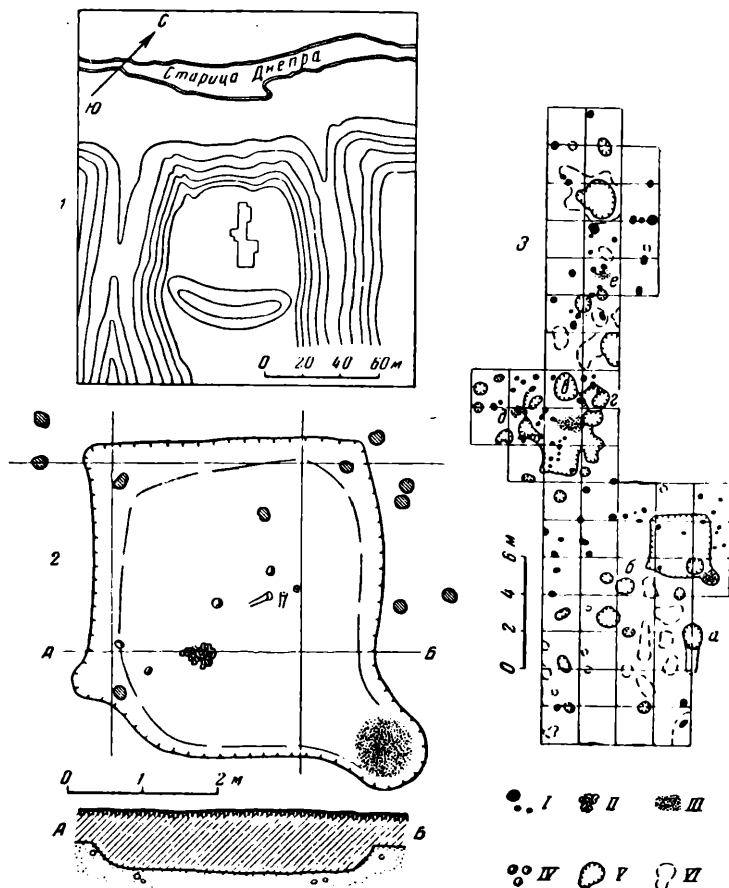

Рис. 21. Моховское II городище.

1 — план городища; 2 — план и профиль основания первого жилища (милоградская культура); 3 — схема плана раскопа; I — ямы от столбов; II — камни со следами огня; III — очажные пятна; IV — керамика; V — ямы; VI — современные перекопы.

ки и некоторых других предметов, относящихся к XVIII—XIX вв. В западной части площадки некогда стояла постройка, а в средней части видны следы старой запашки и огорода. На площадке и на валу сохранились траншеи 1941—1944 гг. В обнажениях здесь заметен темный песчаный культурный слой мощностью 0,4—0,5 м, подстилаемый белым песком. В культурном слое найдены обломки милоградской и зарубинецкой керамики.

Для раскопок выбран свободный от ям распаханый участок в средней части городища. Размеры раскопа вместе с прирезками составили 240 кв. м (рис. 21—1, 3). Мощность культурного слоя достигала в среднем 0,4 м, несколько возрастая у края площадки и вблизи подножия вала (на 0,1—0,2 м). На половину толщины культурный слой был распахан. При

этом почти полностью нарушен верхний горизонт, относящийся к зарубинецкой культуре. Ненарушенные зарубинецкие остатки встречались при раскопках лишь на месте жилищ (здесь был, по-видимому, более мощный культурный слой, датируемый зарубинецким временем), а также в многочисленных ямах, прорезавших нижний, милоградский горизонт и углублявшихся в материк. Там, где культурный слой не попорчен распашкой, он был темно-серого цвета и аморфного строения. Зарубинецкий горизонт от милоградского стратиграфически не отделялся.

В пределах ближайшего к валу участка раскопа (на плане — внизу) в песчаном материке обнаружен ряд ям разного размера и формы, углублявшихся в материк не более чем на 0,2—0,3 м. В некоторых ямах встречены небольшие скопления милоградской керамики. У края раскопа, наполовину за его пределами, оказался хорошо сохранившийся милоградский погреб (на чертеже обозначен буквой *а*) в виде овально-грушевидной в плане ямы с плоским дном и отвесными, с одного края расширяющимися книзу стенками. Его размеры — $1,3 \times 1,1$ м; глубина в материке — 0,6 м. К узкой части погреба примыкало желобообразное углубление в материке, длиной 1,3 м, шириной 0,5—0,6 м и глубиной 0,35 м; по-видимому, это остатки входа. Другой погреб (на плане обозначен буквой *б*) также, судя по керамике, — милоградский. Это овальная колоколовидная яма с плоским дном. Наибольший ее диаметр сверху составлял 0,95 м, а у дна — 1,05 м.

В пределах следующего, наиболее широкого участка раскопа открыто хорошо сохранившееся основание милоградского жилища в виде неправильного квадратного углубления в материке, размером $3,42 \times 3,05$ м. Стенки ровные, крутые; горизонтальный пол лежит на 0,3 м ниже среднего уровня материка. Восточный угол углубления вытянут, образуя округлую площадку диаметром 0,75—0,8 м, предназначенную для очага. Песок здесь был сильно прокален. На нем, на уровне пола лежал слой золы и угля. Такого рода очаг, сооруженный наподобие камина, в специальном выступе, встречен и на Чаплинском городище (милоградский слой). В трех углах жилища обнаружены небольшие ямки от вертикально стоявших столбов.

Около очага, как бы преграждая подход к нему, находилась плоскодонная яма круглой, колоколовидной формы. Ее диаметр сверху — 0,9—0,95 м, а около дна — 1,1—1,15 м; глубина ямы ниже пола на 0,4 м (рис. 21—3). По первому впечатлению, яма могла быть определена как предочажная. Но такому выводу противоречат форма, характерная для погребов, и хорошая сохранность расширяющихся книзу стенок. Погреб этот, несомненно, более поздний, чем жилье. Поэтому на плане жилища (рис. 21—2) он не помещен.

На полу жилища, в его средней части, встречены несколько крупных камней со следами огня, две больших кости (одна — лошади, другая — коровы) и скопление милоградской керамики. Перед очагом найдены обломок бронзового браслета, большое глиняное пряслице и два небольших железных стерженька. К жилищу могут быть отнесены несколько грубых глиняных поделок неизвестного назначения (их связывают обычно с культом), постоянно встречающихся на милоградских городищах. Три из них обнаружены вместе с просверленным медвежьим клыком и глиняной литейной формочкой на уровне материка вне жилища, около его восточной стенки, на расстоянии 0,25—0,75 м от нее. Литейная формочка предназначалась для отливки серьги «скифского типа». Такие серьги уже не раз встречались на милоградских городищах. Одна глиняная поделка найдена в заполнении ямы жилища около той же восточной стенки, вместе с большим пряслицем милоградского типа (рис. 22—1—9). Вокруг жилища и на соседних с ним квадратах вскрыто большее число ям от вертикально стоявших столбов, углубленных в материк на 0,15—0,25 м.

В средней части раскопа оказались остатки второго милоградского жилища, основание которого было углублено в материк на 0,2 м. В отличие

от первого, оно сохранилось очень плохо и прорезано пятью большими более поздними ямами и рядом углублений меньшего размера. Видно, однако, что жилище было прямоугольным, размером приблизительно $3,5 \times 3,5$ м. В сторону вала отходил широкий прямоугольный выступ,— возможно, следы

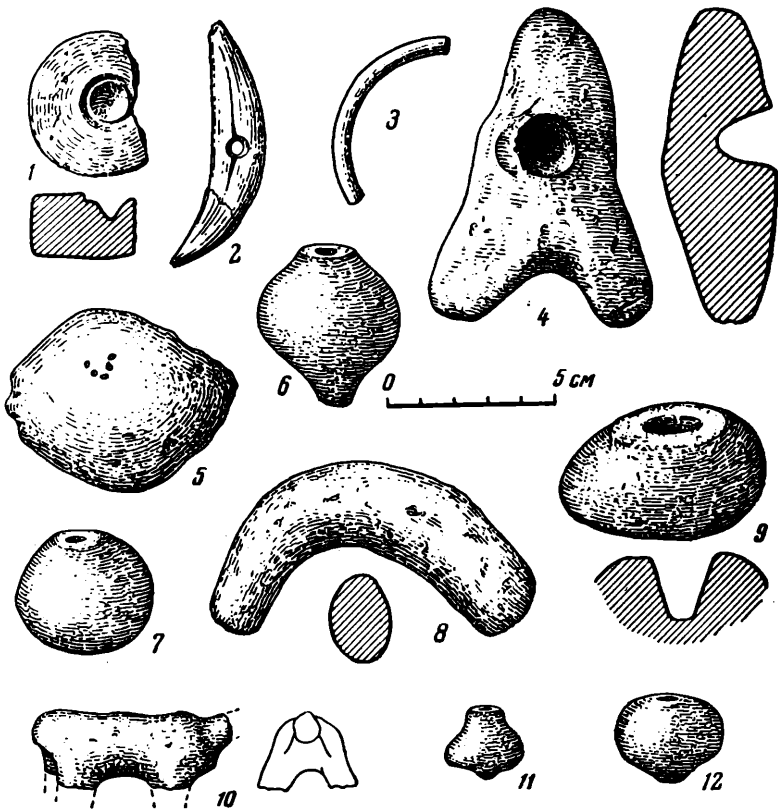

Рис. 22. Предметы, относящиеся к милоградской культуре (1—12).

входа, по двум углам которого были ямы от вертикальных столбов. В средней части жилища находилось большое очажное пятно овальной формы — скопление золы и угля, под которым песок сильно обожжен. Длина пятна — 1,6 м, ширина — 0,75—0,8 м. В пределах его и рядом обнаружено несколько десятков больших камней со следами огня. На полу в разных местах найдены крупные фрагменты керамики милоградских типов.

Из ям, нарушивших основание жилища, отметим две (на плане — в и г). Первая — большой погреб котлообразной формы, размером $1,75 \times 1,6$ м; глубина в материке — 0,5 м. Находок в яме не было. Вторая яма — неправильных треугольных очертаний, размером $1,2 \times 0,8$ м и глубиной 0,5 м — была наполнена черной углистой землей, в которой встречено большое количество расколотых и обожженных костей лошади (в частности, обломки черепа). На дне оказался человеческий череп с нижней челюстью. Непосредственно на нем лежали несколько разбитых обожженных костей лошади. Никаких других находок не было. Что представляла собой эта яма, — остается загадкой. Рядом со вторым жилищем, за его западной стеной, обнаружено еще одно очажное пятно ($0,7 \times 0,5$ м), лежавшее на 0,1 м выше материка. Можно предполагать, что этот очаг принадлежал наземному зарубинецкому жилищу, перекрывавшему милоградские. Кроме очага, сохранились многочисленные ямы от столбов.

Беспорные остатки другого зарубинецкого наземного столбового жилища открыты в пределах последнего участка раскопа, где выявились очажное пятно (на плане — е), размером $1,2 \times 0,85$ м, под которым песок был

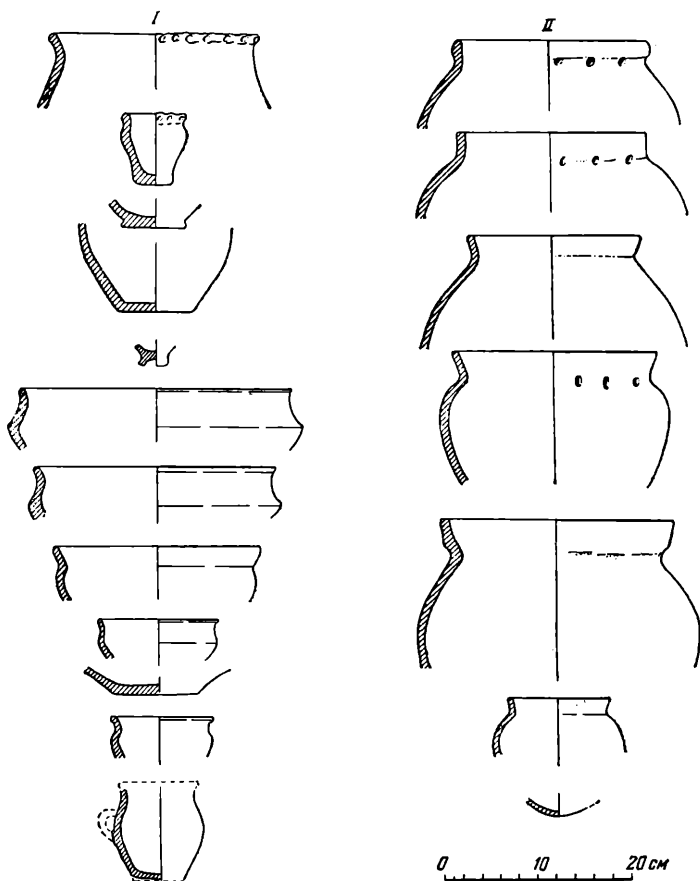

Рис. 23. Моховское II городище. Керамика из зарубинецкого (I) и милоградского (II) слоев.

ошлакован, и несколько ям от столбов. Ямы ограничили овально-прямоугольное пространство, размером приблизительно 6×4 м, что соответствует средним размерам зарубинецких жилищ этого типа, хорошо известным, например, по материалам Чаплинского городища. Здесь найдены крупные фрагменты зарубинецкой посуды.

В конце раскопа, за остатками зарубинецкого жилища, находилась яма большого погребца (2 м в поперечнике и глубина в материке — 0,8 м). В яме ничего не найдено.

Среди немногочисленных находок преобладает милоградский материал. В разных частях раскопа найдены обломки круглодонной милоградской глиняной посуды (рис. 23—II), пряслица и разнообразные глиняные поделки такого же типа, как происходящие из первого жилища. Среди них обращает на себя внимание небольшая грубо вылепленная из глины и плохо обожженная фигурка животного с отбитыми головой и ногами (рис. 22—10). Есть несколько округлых поделок с углублением (рис. 22—9). Они хорошо известны по юхновским городищам. Специфичны для милоградской культуры глиняные поделки — в виде креста или трёхрогие (рис. 22—4). Все эти

изделия встречаются обычно в обломках. Наконец, найдено несколько небольших пряслиц (рис. 22—11, 12). Очень возможно, что к милоградскому горизонту относится курант небольшой зернотерки, обнаруженный невдалеке от первого жилища.

В песчаном культурном слое плохо сохранились кости животных, но несколько десятков костей, связанных с нижним нераспаханным горизонтом

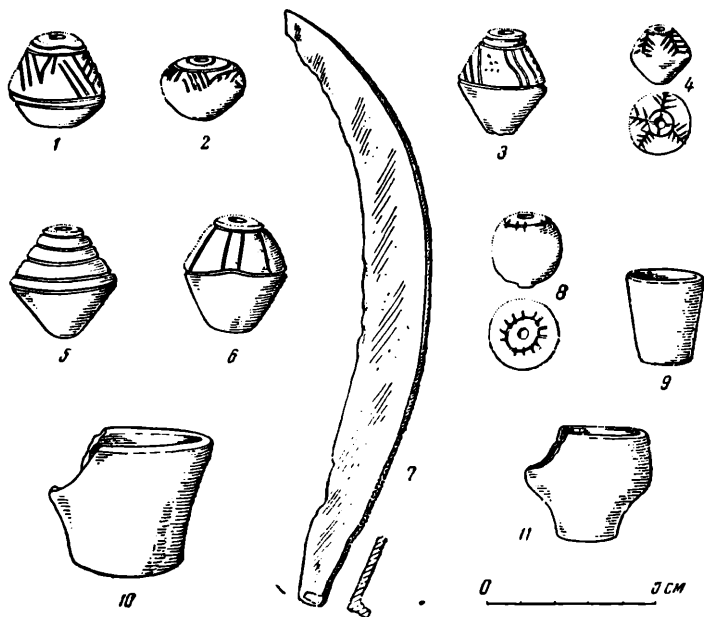

Рис. 24. Предметы, относящиеся к зарубинецкой культуре.

слоя, можно было определить. Они принадлежали, домашнему скоту разных видов: лошади, крупному и мелкому рогатому скоту и свинье.

К зарубинецкому времени относится характерная керамика двух типов: грубая лепная, без орнамента, с зашипами или насечками по краю венчика, и тоже лепная, но хорошо лощеная (рис. 23—1). В частности, найдены фрагменты нескольких реберчатых мисок черного или бурого цвета, части кувшинов и «кубков», маленькие сосудики и обломки плоских круглых глиняных крышек для сосудов. По-видимому, к зарубинецкому времени относится железный серп (рис. 24—7), по форме такой же, как некоторые из серпов Чаплинского городища. Как и на последнем, здесь встречено несколько маленьких сосудиков и целая серия орнаментированных глиняных пряслиц биконической формы. Некоторые из них хорошо вылощены (рис. 24).

Небольшие исследования, проведенные на Моховском II городище, имеющем наслоения милоградской и зарубинецкой культур, не дали никаких фактов, позволяющих считать, что эти культуры генетически связаны между собой. Об этом свидетельствуют разные формы жилищ и совсем различная керамика. Каких-либо переходных типов в том и другом не наблюдается. Некоторые факты, как будто бы связывающие милоградскую и зарубинецкую культуры, выявленные во время раскопок на Чаплинском городище⁴, должны рассматриваться, вероятно, как результат усвоения зарубинецким населением отдельных местных элементов культуры.

⁴ П. Н. Третьяков. Чаплинское городище. «Зарубинецкая культура в Подпенье». МИА, № 70, 1959.

К. А. СМЕРНОВ

ГОРОДИЩЕ У ДЕРЕВНИ МИТИНО

В 1958 г., по поручению Отдела полевых исследований ИИМК, было проведено обследование ранее неизвестного городища у дер. Митино на р. Оке (Заокского района Тульской области). Городище это — под угрозой разрушения вследствие добычи белого камня. Тогда же в Отдел полевых исследований ИИМК были переданы найденные на городище два костяных гарпуна и железный нож.

Городище расположено на правом берегу Оки, к северо-западу от дер. Митино (рис. 25). С запада, в сторону реки, оно ограничено обрывом, с юга — глубоким оврагом; с севера и востока примыкает поле. В настоящее время устье оврага перегорожено дамбой, по которой проходит дорога. Площадка городища возвышается над уровнем реки на 13 м, круто понижаясь к юго-западу; длина ее (с севера на юг) — 23 м, ширина (с востока на запад) — 16 м. С напольной стороны (с севера и востока) городище защищалось двумя валами; от наружного вала сохранилась небольшая часть (высотой 0,6 м, длиной 9 м, шириной 3 м), примыкающая к обрыву реки. Перед валом когда-то был ров, теперь это лишь неглубокая ложина. Здесь же сохранилась часть второго, внутреннего вала, отделенного от первого ровом шириной 2 м; длина его — 16 м, ширина — 2,5 м, наибольшая высота — 1,2 м. Другой отрезок этого вала (длиной 6,5 м, шириной 2 м и высотой 1 м) упирается в овраг на юго-востоке.

На площадке городища заметна сильно запыленная яма (около 2 м в поперечнике; № 3); к северу от нее находится шурф Г. Ф. Никитиной (№ 1; 1 × 1 м). Культурный слой здесь достигает 0,4 м. У западного края площадки геологами вырыт шурф (№ 2; 2,5 × 1 м, глубиной 1,2 м). Он доходит до известковой скалы. Толщина культурного слоя — 0,4 м. В южной части городища с участка площадью около 50 кв. м культурный слой (толщина его — 0,25—0,3 м) удален бульдозером, и обнажена скала.

Культурный слой на городище залегает на глубину 0,25—0,4 м и состоит из светло-серой супеси; никаких прослоек или вкраплений не прослежено. На городище обнаружены: два костяных гарпуна, небольшой предмет из рога (по-видимому, — заготовка), часть железного ножа, обломок кремневого скребка и два отщепка. Найдены мелкие фрагменты лепной, гладкой, не орнаментированной керамики, среди которых выделяются три черных лощеных обломка.

Наиболее древними, не связанными с городищем, следует считать обломок сосуда с ямочным орнаментом (рис. 26—4) и кремневые поделки (рис. 26—5). Ко времени жизни на городище относятся обломки керамики и костяные гарпуны (рис. 26—1, 2).

Фрагменты керамики лишены орнаментации и настолько малы, что в большинстве не поддаются определению. Можно датировать только три

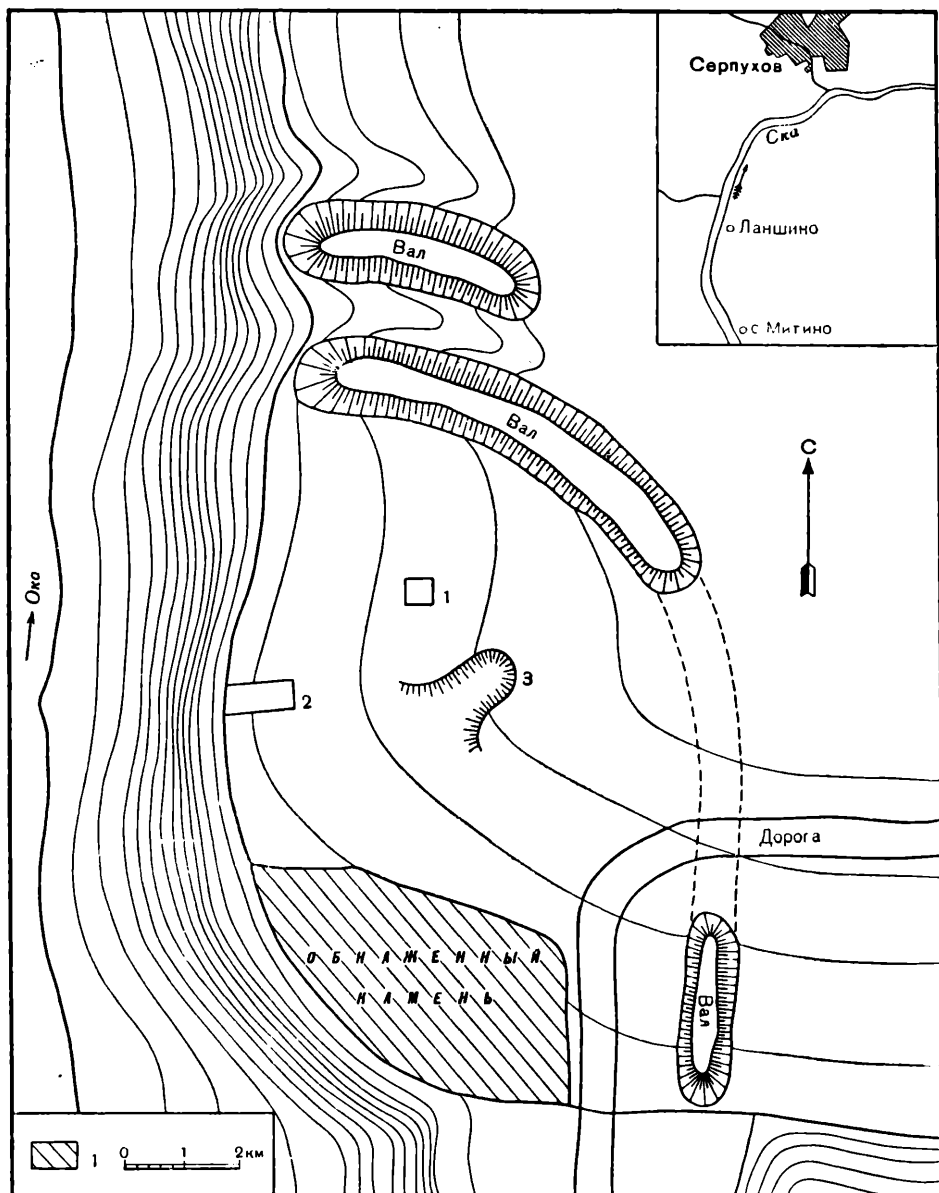

Рис. 25. План городища у дер. Митино.

1 — шурф Г. Ф. Никитиной; 2 — шурф геологов; 3 — яма.

фрагмента с черным лощением; они близки найденной на Огубском городище керамике с лощеной поверхностью; эта керамика относится к I тысячелетию н. э.¹

Костяные гарпуны могут быть определены по аналогиям. Наиболее близки найденные на Старшем Каширском городище², характеризованные

¹ В. А. Городцов. Болотное Огубское городище. Труды ГИМ, вып. I, М., 1926, стр. 122; Т. Н. Никольская. Огубское городище. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 101.

² В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. Известия ГАИМК. М.—Л., 1933, стр. 26, рис. XII—4.

В. А. Городцовым как «однозубые» и датированные им VII—V и IV вв. до н. э.³ Такие же гарпуны с городищ Верхнего Поволжья отнесены П. Н. Третьяковым к первой половине I тысячелетия до н. э.⁴; аналогичные известны и в Прикамье. На Конецгорском селище такой гарпун найден в слое вместе со скифскими стрелами V—III вв. до н. э.⁵

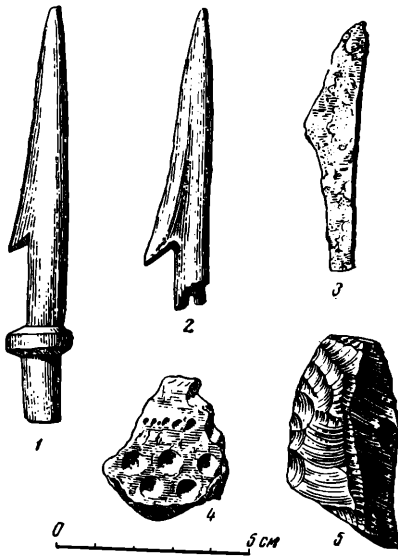

Рис. 26. Находки с городища у дер. Митино.

1, 2 — костяные гарпуны; 3 — фрагмент железного ножа; 4 — керамика с ямочным орнаментом; 5 — кремневый скребок.

Таким образом, ранняя дата жизни на городище, определенная по гарпунам, по-видимому, — I тысячелетие до н. э. В то же время фрагменты керамики с черным лощением относятся к более позднему периоду — к I тысячелетию н. э. Поэтому есть основания отнести городище у дер. Митино к двум периодам: к середине I тысячелетия до н. э. и к середине I тысячелетия н. э.

³ Там же, стр. 45.

⁴ П. Н. Третьяков. Древнейшее прошлое Верхнего Поволжья. Ярославль, 1939, стр. 31, 32.

⁵ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, стр. 237 и 239.

И. С. В И Н О К У Р

ДРЕВНОСТИ ВОСТОЧНОЙ ВОЛЫНИ

На территории Восточной Волыни известны 3 группы памятников первой половины и середины I тысячелетия н. э. Наиболее изучен юго-восток этой территории, где в бассейне рек Роставицы и Гнилопяти находится большое количество памятников черняховской культуры. Располагаются они очень густо. Так, на протяжении всего лишь 40 км от с. Соколов Брод до местечка Белиловка выявлено 15 поселений¹. Раскопки проводились только на некоторых из них (поселения у сел Ягнятин, Плоска и др.)²; остальные известны лишь по материалам разведок (поселения у сел Соколов Брод Попельнянского района; Трубиевка, Пустоха, Дерганивка — Ружинского района; Буряки Янушпольского района; Семеновка, Обуховка, Райки, Вовчинцы — Бердичевского района; Чернорудка Вчерайшанского района; Татарское селище Бердичевского района и др.). Могильники черняховского типа расположены у сел Быстрик, Ягнятин, Голубевка и в некоторых других пунктах, но раскопки на них не производились.

К особой группе памятников культуры полей погребений относится поселение, находящееся в 12 км к югу от Житомира, возле с. Пряжев. Расположено оно в урочище Попово Поле, на юго-восточном склоне надпойменной террасы левого берега р. Коденки (левый приток Гуйвы, впадающей в Тетерев).

Поселение открыто С. С. Гамченко³, а первые рекогносцировочные раскопки проведены Е. В. Махно в 1945 г.⁴

В 1954—1956 гг. раскопки здесь велись экспедицией Житомирского краеведческого музея. Вскрыто около 350 кв. м и обнаружены остатки нескольких наземных и полужемляночных жилищ. Остатки наземного жилища № 1 найдены в южной части поселения, на глубине 0,4 м. В плане оно — неправильно прямоугольной формы; длина — 4,2 м, ширина — 1,9 м. На всей площади, занятой жилищем, лежали куски обожженной глиняной обмазки. На полу находилась печка, устроенная из камней, обмазанных глиной.

В 1,5 м к северо-западу от жилища обнаружена небольшая яма овальной формы, глубиной 0,6 м; в сечении яма грушевидная. В верхней части стенки ее были выложены мелким камнем и обмазаны глиной.

В заполнении найдены большое количество костей животных и фрагменты керамики.

¹ В. Гончаров. Археологічна розвідка по р. Роставиці в 1946 р. АП УРСР, т. I, Київ, 1949, стр. 239, 240.

² Е. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі. АП УРСР, т. I, Київ, 1949, стр. 174.

³ С. С. Гамченко. Пятилетие археологических исследований на Волыни (1919—1923 гг.). Рукопись. Архив ИА АН УССР.

⁴ Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 153—177.

Остатки наземного жилища № 2 открыты в северо-западной части поселения. Это сравнительно большое сооружение прямоугольной формы (8,3 × 4,2 м). Контуры его хорошо прослеживались по кускам глиняной обмазки. В жилище, — в юго-западной и северо-западной его частях, — находились две глинобитные печи, устроенных на полу. Своды их куполообразные, возведены по деревянному каркасу. Об этом свидетельствуют фрагменты печины с отпечатками деревянных конструкций. Печи отстояли друг от друга на расстоянии 3,5 м. В центральной и северо-восточной частях помещения обнаружены следы перегородки в виде завала глиняной обмазки с отпечатками деревянных конструкций. Это дает нам право предполагать, что жилище было двухкамерным, с глинобитной печью в каждой его части.

При расчистке жилища № 2 встречено много керамики. Среди находок следует упомянуть фрагменты тулова рифленой амфоры. Отметим также два глиняных биконических пряслица с серо-черным лощением, глиняное (в форме усеченной четырёхгранной пирамиды) грузило для рыболовной сети, точильный брусок из песчаника и т. п.

Остатки жилища № 3 обнаружены в северо-восточной части поселения. Сооружение было неправильной прямоугольной формы (6 × 4,2 м). В юго-восточной части находилась овальная печь (1,5 × 1,1 м), возведенная на глиняной подсыпке, поверх которой лежала выкладка камня, четко прослеживаемая по периметру сооружения. Выкладка была обмазана слоем глины. Устье печи обращено на северо-запад.

При расчистке основания жилища выявлено несколько ямок, вероятно, от столбов. Диаметры их — 0,15—0,3 м, глубина — 0,25—0,4 м. В жилище, вместе с обломками керамики и костями животных, найдены глиняное биконическое пряслице и фрагмент глиняного круглого грузила от рыболовной сети.

Наземные жилища Пряжевского поселения — в основном прямоугольной формы; они почти ничем не отличаются от аналогичных сооружений, обнаруженных на других поселениях культуры полей погребений (например, у с. Ягнятин на Ростанице)⁵.

На Пряжевском поселении обнаружены также жилища-полуземлянки. Первое из них выявлено на раскопе I. На глубине 0,7—0,75 м от современной поверхности хорошо вырисовывались остатки углубленного в землю сооружения не совсем правильной прямоугольной формы, со сторонами 2,8 × 3,7 м (рис. 27—I). В северо-восточной части основание жилища находилось выше, ближе к современной поверхности. К юго-западу пол постепенно понижался, заканчиваясь расположенной в углу ямой с печью. В северо-западном и юго-восточном углах, а также у северо-западной стенки вскрыты ямки, вероятно, от столбов. Диаметр их — 0,16—0,35 м, глубина — 0,3—0,5 м.

Печь была вытянутой, грушевидной формы (1,27 × 0,98 м); устье обращено к северо-востоку. При расчистке обнаружены остатки свода — глиняная обмазка с отпечатками деревянных конструкций. Под печи находился на подсыпке; он был выложен камнем, а поверх каменной выкладки лежала вымостка из глины.

В заполнении полуземлянки найдена лепная и сделанная на круге посуда, совершенно идентичная керамике из наземных жилищ поселения. Кроме керамики и костей животных, найдены одно целое и один фрагмент глиняного биконического пряслица, два обломка грузил для рыболовной сети, точильный брусок из песчаника.

Остатки полуземляночного жилища № 2 были выявлены уже на глубине 0,4—0,5 м, когда обнаружилось пятно прямоугольной формы (приблизительно 3,2 × 4,5 м). Оно выделялось довольно четко коричнево-черным

⁵ Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 165.

цветом. В пределах этого пятна часто встречались черепки, пережженные камни, вкрапления угля и т. д. Полуземлянка была прямоугольной формы, со сторонами, равными приблизительно $3,2 \times 4,8$ м (рис. 27—II) и углублена на 0,9—0,95 м от современной поверхности. По углам и у восточной стенки жилища расчищены ямки от столбов. Диаметр ямок — от 0,25 до

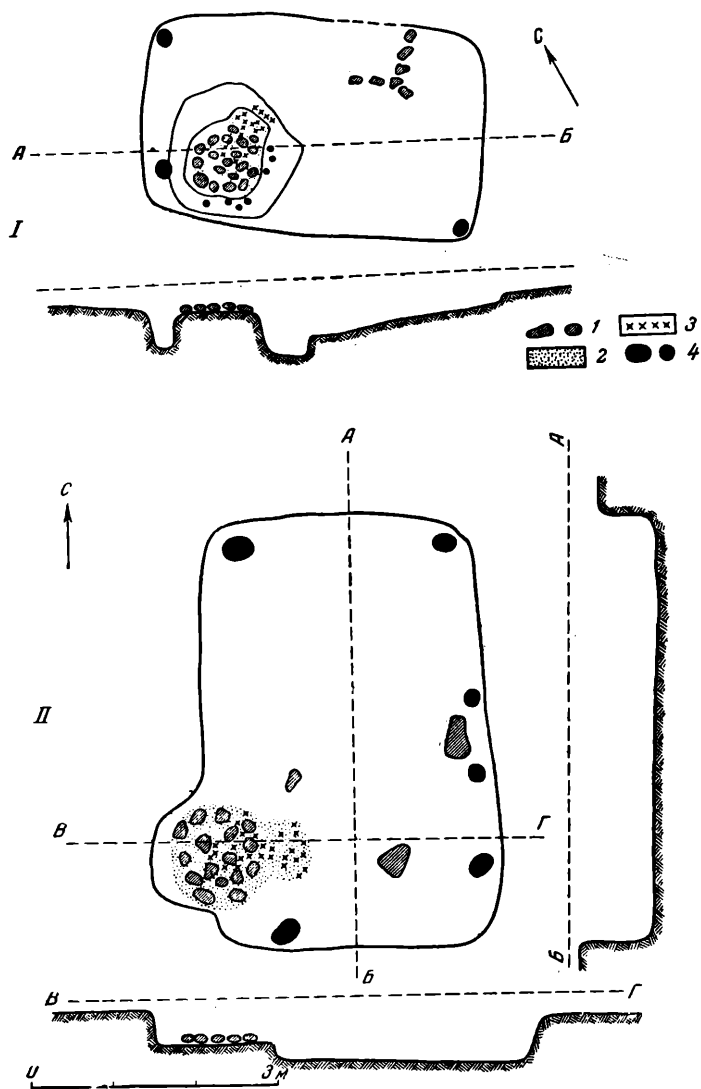

Рис. 27. Полуземлянки поселения Пряжев 1.

I — полуземлянка № 1; II — полуземлянка № 2; 1 — камни; 2 — пещина; 3 — уголь; 4 — ямки от столбов.

0,35 м, глубина — от 0,3 до 0,5 м. Между двумя ямками у восточной стенки найден плоский камень; здесь, надо полагать, находился вход. Кроме того, камни лежали на полу в южной половине полуземлянки, один из них — неподалеку от остатков печи.

В юго-западной части жилища расположен уступ, где находились остатки печи очажного типа, размерами $0,9 \times 0,8$ м. Печь была сооружена на подсыпке, выложенной поверху камнем. При расчистке выявлено скопление угля, пепла и пережженной пещины.

В заполнении полуземлянки найдено большое количество керамики и костей животных. Из других находок следует указать на пряслица: одно — глиняное биконическое (рис. 28—12), другое — из обломка сосуда (рис. 28—13). Найдены также фрагмент костяного гребня с двумя отверстиями в спинке (рис. 28—6), обломок костяной полированной проколки

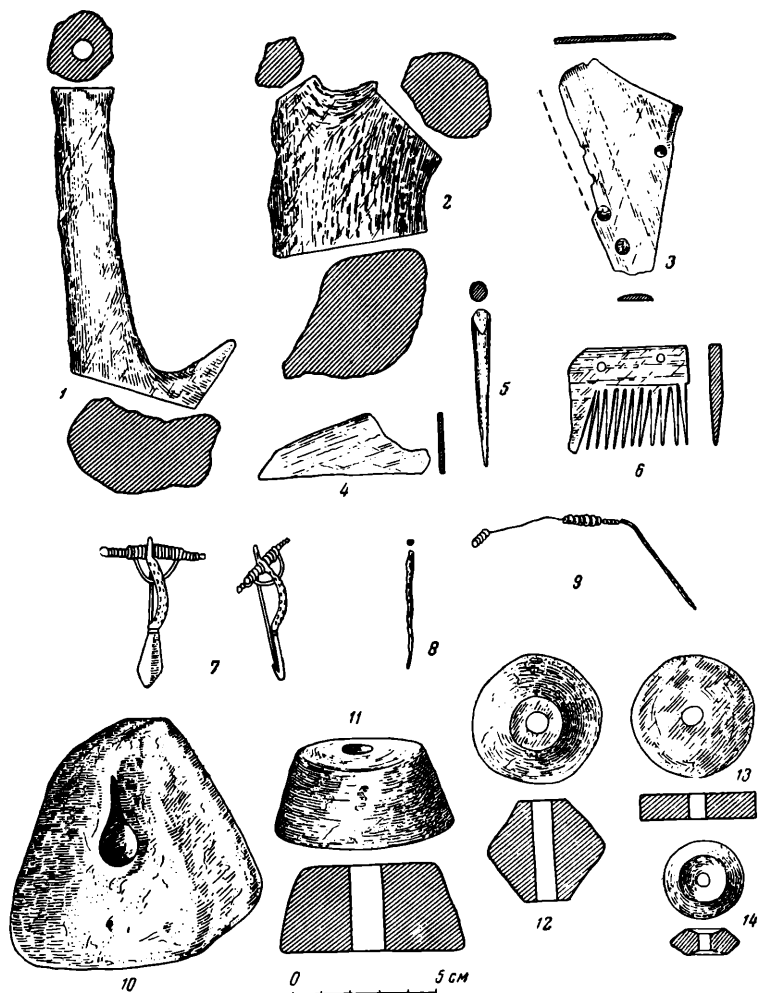

Рис. 28. Находки с поселения Пряжев 1.

1, 2 — опиленные куски рога оленя; 3 — костяная подставка с бронзовыми заклепками; 4 — костяная пластинка; 5 — обломок костяной проколки; 6 — фрагмент костяного гребня; 7 — бронзовая арбалетная фибула; 8 — обломок железного шила; 9 — бронзовая пружина от арбалетной фибулы; 10, 11 — глиняные грузила; 12, 14 — глиняные биконические пряслица; 13 — пряслице из черепка сосуда.

(рис. 28—5), вырезанная костяная пластинка (рис. 28—4), опиленные куски рога оленя (у одного из них, предназначенного, видимо, для рукоятки ножа, на торце проделано отверстие; рис. 28—1). Встречены также бронзовая пружина от фибулы и фрагмент железного шила (рис. 28—8, 9).

Кроме исследованных нами полуземляночных жилищ, на этом поселении Ю. В. Кухаренко в 1956 г. вскрыл остатки еще двух жилищ-землянок, приблизительно такой же планировки, как и описанные. Среди находок, кроме керамики и костей животных, были глиняные биконические пряслица,

две полированных костяных проколки и арбалетовидная фибула (рис. 28—7) ⁶.

Рассмотрим керамику поселения. Материалы, обнаруженные в наземных жилищах и полуземлянках, идентичны. Это дает возможность, учитывая однослойность памятника, говорить обо всей керамике в целом. Лепная

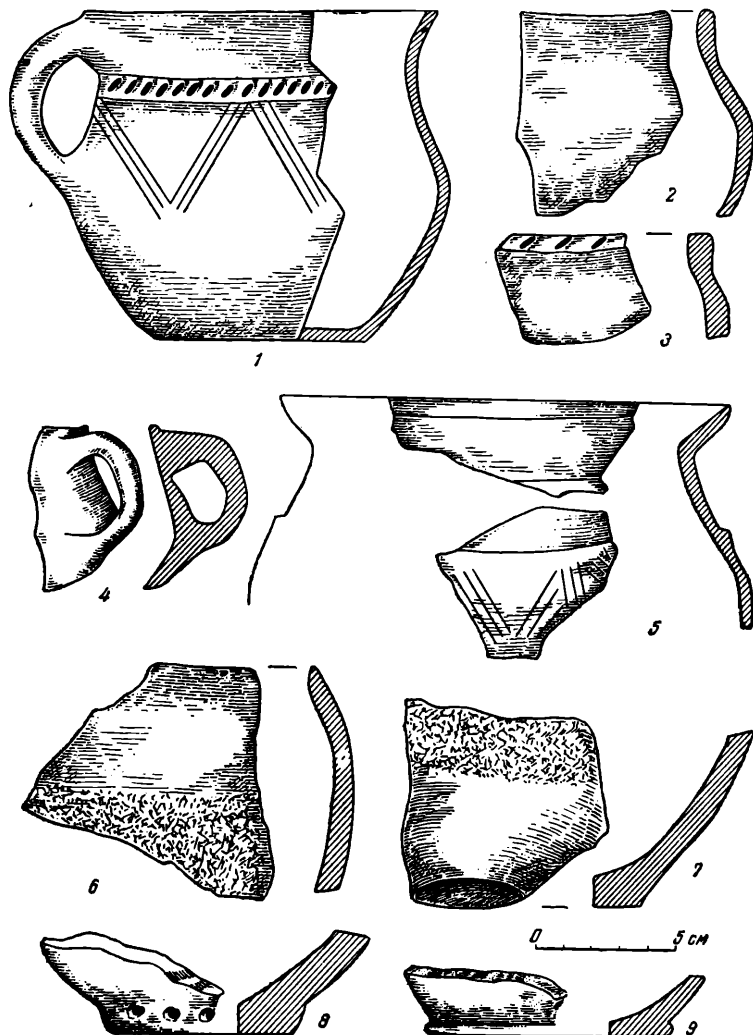

Рис. 29. Образцы керамики с поселения Пряжев 1^а (1—9).

посуда на поселении преобладает. Ее можно разделить на 3 подгруппы. Первая включает посуду с хорошо лощеной серо-черной поверхностью. В тесте — примеси дресвы. Формы сосудов — выпуклые (с прямыми или слегка вогнутым внутрь венчиком) горшки, ковши, небольшие миски (рис. 29—1, 2, 4). Эта керамика напоминает посуду пшеворского типа.

Вторую подгруппу составляет керамика желто-коричневого цвета. В тесте ее много песка и кварца; поверхность сглажена, иногда пролощена. Формы — выпуклые (с прямым или слегка отогнутым наружу венчиком) горшки, небольшие миски с отогнутым венчиком. По венчику горшков иногда

⁶ Публикуется с разрешения Ю. В. Кухаренко.

нанесен костяной палочкой орнамент в виде вдавлений, а по кольцу основания одного из горшков — вдавления, сделанные торцевой частью палочки (рис. 29—3, 8). Эта подгруппа очень своеобразна, однако по технике изготовления она находит аналогии в зарубинецких материалах, а некоторые элементы характерны для керамики корчакской группы памятников.

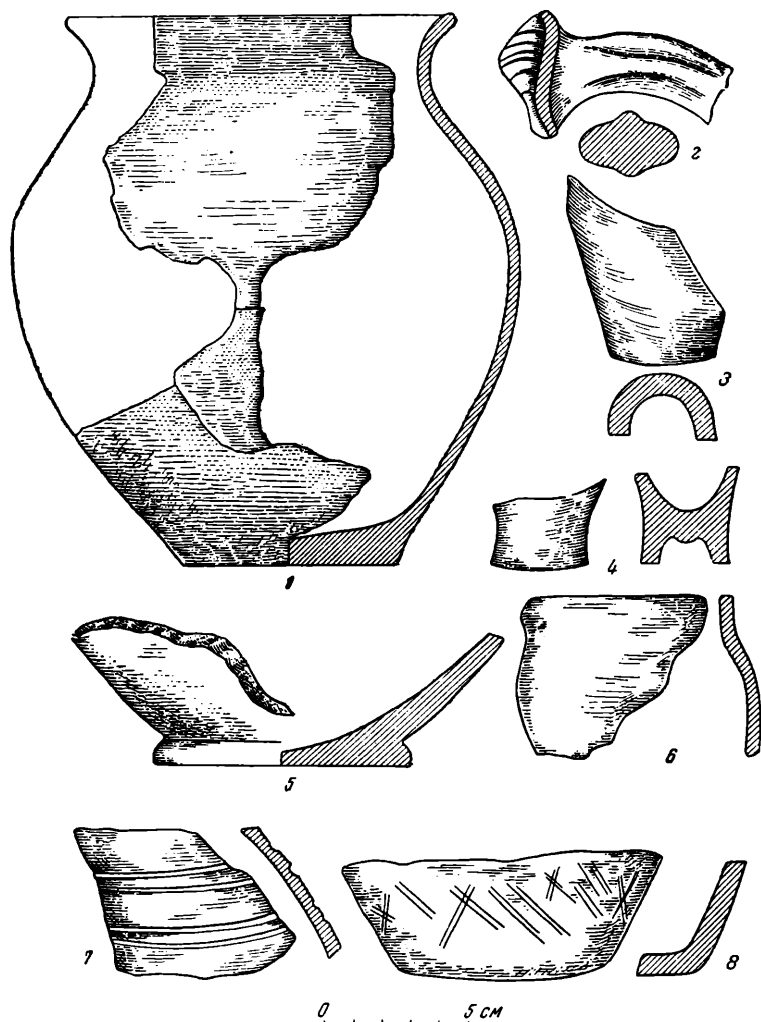

Рис. 30. Образцы керамики с поселения Пряжев 1 (1—8).

Третью подгруппу — самобытную, оригинальную и самую многочисленную на поселении Пряжев 1 — составляют сосуды с «комбинированной обработкой» поверхности. Отдельные части сосудов хорошо лощенные, а средняя или нижняя их часть дополнительно обработана. На влажную поверхность средней или нижней части намазывали глину, перемешанную с песком. В тесте много дресвы, кварца. Формы сосудов — выпуклые (с прямым или слегка отогнутым венчиком) горшки и небольшие миски с отогнутым венчиком (рис. 29—6, 7). Среди керамики этой подгруппы встречаются также сосуды со штрихованной поверхностью (рис. 30—8).

Керамику Пряжевского поселения, сформованную на гончарном круге, можно разделить на 2 подгруппы: сосуды, изготовленные из отмученной глины, с лощеной поверхностью серого и желтого цвета (миски и горшки), и сосуды с шероховатой поверхностью (горшки и миски), в тесте которых — примеси крупнозернистого кварца.

Посуда нередко украшена линейным орнаментом и сложным геометрическим узором. Вся эта керамика — черняховского типа (рис. 29—5, 9; рис. 30—1, 5, 7).

На поселении встречены хорошо датируемые вещи. Так, о существовании поселения в III—IV вв. свидетельствуют, например, находки фрагментов узкогорлых амфор с рифлеными стенками, реберчатыми ручками и полированными цилиндрическими ножками с выступом внутри (рис. 30—2—4). Элементы черняховской культуры, представленные в керамике, датируют поселение не ранее III в. н. э. На существование его в III—IV вв. указывает находка арбалетной фибулы с ромбической ножкой и полукруглой в сечении спинкой, украшенной фасетками, а также пружины, по-видимому, от подобной же арбалетной фибулы (рис. 28—7, 9). Аналогии фибулам этого типа находим, например, в материалах известного Черняховского могильника⁷. А. И. Фурманская относит фибулы, подобные пряжевским, к III—IV вв. н. э.⁸ Конструктивные особенности печей с каменной выкладкой в основании перекликаются с более поздними конструкциями печей из землянок поселения Лука-Райковецкая под Бердичевом⁹.

Таким образом, предложенная в свое время предварительная датировка Пряжевского поселения — III—IV и начала V вв. н. э.¹⁰ — находит в материалах наших раскопок новое подтверждение.

Археологическим материалам Пряжевского поселения можно найти аналогии в исследованном М. Ю. Смишко поселении культуры полей погребений у с. Великие Викнины Тернопольской области¹¹, в материалах могильника, открытого и частично исследованного у с. Деревянное Ровенской области¹², и т. д. Пряжевское поселение, таким образом, должно быть отнесено к воынской группе памятников культуры полей погребений, выделенной М. Ю. Смишко¹³.

Материалы Пряжевского поселения позволяют говорить о чертах самобытных, оригинальных, присущих только воынской группе раннеславянских памятников. Особенности эти на примере Пряжевского поселения прослеживаются довольно определенно. Территория, которую занимали памятники указанной группы, вырисовывается примерно так. На севере ее граница проходит приблизительно по линии Владимир-Воынский — Луцк — Ровно — Житомир, совпадая с переходом в Воынское Полесье. Восточная граница выясняется совершенно определенно. Поселения возле Пряжева являются как бы крайним северо-восточным пунктом воынской группы памятников.

Северная группа памятников Восточной Воыни известна в археологической литературе под названием памятников житомирского типа. Впервые

⁷ С. В. Коршенко. Черняхівський могильник. Рукопись. ИА АН УССР, табл. XX, 312, 314, 318.

⁸ А. И. Фурманська. Фібули з розкопок Ольвії. «Археологія», т. VIII, Київ, 1953, стр. 76—95.

⁹ В. К. Гончаров. Посад і сільські поселення коло Райковецького городища. АП УРСР, т. I, Київ, 1949, стр. 31—47.

¹⁰ Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 176.

¹¹ М. Ю. Смишко. Раннеславянские памятники на территории западных областей УССР. Доклады VI научной конференции Института археологии АН УССР, Киев, 1953, стр. 85.

¹² Zygmunt Leski. Prace archeologiczne na Volyniu. «Z otchlane wieków», rok XI, 1936, стр. 60—62.

¹³ М. Ю. Смишко. Указ. соч.

они были открыты С. С. Гамченко в с. Корчак под Житомиром¹⁴, где исследован курганный могильник. Под насыпями выявлены остатки урновых трупосожжений. Подобные же памятники С. С. Гамченко обнаружил и в других пунктах бассейна Тетерева (Перлевка, Катериновка, Денеси и др.). В 1925 г. И. Ф. Левицкий исследовал аналогичные курганы у с. Селец Народичского района¹⁵.

Сосуды из памятников житомирской группы, хранящиеся в Житомирском областном музее, опубликованы Ю. В. Кухаренко¹⁶. В настоящее время известно несколько новых пунктов находок подобных сосудов. Так, на поселении в урочище Лука-Райковецкая под Бердичевом, в некоторых жилищах-землянках В. К. Гончаровым выявлена лепная посуда, аналогичная житомирской¹⁷. Поселения с такой же керамикой мы обнаружили возле с. Слободище. Несколько поселений открыто по берегам р. Тня.

Известные сейчас неукрепленные поселения и курганные могильники дают возможность приблизительно очертить границы житомирской группы на территории Восточной Волыни. Южной границей их распространения является бассейн Тетерева. Вся территория Восточной Волыни на север от бассейна этой реки и была местом жительства населения, оставившего так называемую житомирскую группу памятников.

Датировка памятников данной группы пока еще определенно не выяснена Ю. В. Кухаренко, основываясь на западноевропейских аналогиях, относит их к IV—IX вв. н. э.¹⁸ По нашему мнению, пока нет оснований для такой поздней датировки этих памятников на территории Восточной Волыни. Керамика житомирского типа известна тут из курганных могильников и неукрепленных поселений; на городищах, которые появились здесь не ранее VIII—IX вв. н. э., она отсутствует. Типологически посуда житомирской группы имеет много общего с керамикой зарубинецкой культуры¹⁹. Надо учесть к тому же, что в одном из курганов у с. Корчак была найдена миска, относящаяся к черняховской культуре, а на поселении у г. Коростышева — фрагменты керамики черняховского типа. Все это, по нашему мнению, дает возможность предполагать, что на территории Восточной Волыни памятники житомирской группы существовали приблизительно одновременно с поселениями и могильниками черняховской культуры.

Рассмотренные археологические материалы рисуют картину хозяйственной жизни и социальных отношений у населения Восточной Волыни в первой половине и середине I тысячелетия н. э. На южных землях Восточной Волыни в это время широко бытовало пашенное земледелие. Об этом свидетельствуют находки частей железных наральных на Ягнятинском и Пряжевском поселениях²⁰. О земледельческом быте населения, оставившего памятники черняховской культуры и волинской группы, свидетельствует и топография селищ, связанных с плодородными почвами и удобными для обработки участками. Что же касается поселений житомирской группы, то здесь мы пока не знаем орудий пашенного земледелия. Поселения этой северной группы меньше по размерам, чем южные. Это должно указывать на конкретные отличия исторических условий в северных и южных районах Восточной Волыни.

¹⁴ С. С. Гамченко. Указ. соч., стр. 52, 53.

¹⁵ І. Ф. Левицький. Археологічні досліді в районі: Народичі — Ст. Шарно — Уманці — Булев — Селець — Болотниця Коростенської округи року 1925. Рукопись. Архив Житомирского краеведческого музея.

¹⁶ Ю. В. Кухаренко. Славянские древности V—IX вв. на территории Припятского Полесья. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 33—38.

¹⁷ В. К. Гончаров. Указ. соч., стр. 34.

¹⁸ Ю. В. Кухаренко. Указ. соч., стр. 37.

¹⁹ Ю. В. Кухаренко. Указ. соч., стр. 37.

²⁰ Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 168, 169.

Археологические памятники трех групп населения Восточной Волыни позволяют проследить взаимовлияния материальной культуры населения юга и севера. В материалах волынской группы, например, есть черты южной, черняховской культуры и вместе с тем — элементы памятников культуры северо-западных соседей.

Говоря о трех группах памятников Восточной Волыни и о присущих каждой из них отличиях материальной культуры, можно все же предполагать, что все эти группы принадлежали населению с одним общим славянским языком. Памятники волынской группы культуры полей погребений признаются славянскими²¹, а памятники житомирского типа исследователи связывают с литописными древлянами²².

---

²¹ М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры. СА, 1957, № 4, стр. 168—195.

²² П. А. Третьяков. Спорные вопросы этнического развития восточных славян. Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленуме Института истории материальной культуры, посвященных итогам археологических исследований 1955 г. М.—Л., 1956, стр. 6.

М. К. КАРГЕР

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК ДРЕВНЕГО ГАЛИЧА В 1955 ГОДУ

1

Галич был одним из наиболее выдающихся городов древней Руси. Галицко-волынские летописцы характеризуют Галич XII—XIII вв. как крупнейший центр Галицко-Волынской земли, тесно связанной со всеми другими древнерусскими землями периода феодальной раздробленности. Однако, как известно, от внимания летописцев ускользали важнейшие стороны жизни феодального города. Тщетно было бы искать в летописном повествовании, ярко раскрывающем события политической истории города, какую-либо характеристику развитого городского ремесла или даже самое краткое описание планировки города, оборонительных сооружений, массовых жилищ и многих других важнейших сторон жизни средневекового города.

Ответы на все эти вопросы могут дать лишь систематические археологические раскопки. Поиски руин Галича осложнялись тем, что местоположение древнего города до недавнего времени вызывало весьма разноречивые толкования. В течение XIX в. раскопки на территории Галича и его окрестностей сводились почти исключительно к поискам руин каменных церковных построек. Обнаруженные развалины церкви служили основным источником для решения вопросов исторической топографии города. В 30-х годах нашего века были начаты более систематические раскопки, в результате которых удалось обнаружить развалины главного храма Галича — Успенского собора, выстроенного князем Ярославом Осмомыслом, остатки городских жилищ, мастерских и пр.¹ Работы были прерваны Великой Отечественной войной и временной оккупацией Западной Украины немецко-фашистскими захватчиками. После окончания войны на территории городища проводились лишь незначительные эпизодические работы².

Большое значение Галицкого городища для изучения древнерусской культуры определяется не только крупной исторической ролью древнего Галича. Судя по разведочным данным, в Галиче достаточно хорошо сохранились древние культурные слои, что позволяет изучить разнообразнейшие стороны жизни средневекового города. Вокруг городища расположены многочисленные руины древних боярских усадеб и монастырей, раскопки которых также позволяют решить важнейшие проблемы истории Галицко-Волынской земли.

¹ Я. Пастернак. Старий Галич. Археологічно-історичні дослідження у 1850—1943 рр. Краків — Львів, 1944.

² В. Гончаров. Археологічні дослідження древнього Галича у 1951 г. АП УРСР, т. V, Київ, 1955, стр. 22—30.

Задачей сформированной в 1955 г. Галицко-Волынской экспедиции ИИМК является систематическое археологическое исследование городов Галицко-Волынской Руси X—XIII вв. В 1955 г. экспедиция работала совместно с Галицко-Волынской архитектурно-археологической экспедицией ЛГУ³.

В первый год работы раскопки проводились в основном на 4 участках городища: 1) в детинце, к западу и югу от развалин Успенского собора, открытого раскопками Я. Пастернака в 1936 г.; 2) на территории так называемого Золотого Тока; 3) в Окольном городе, вблизи от современного кладбища с. Крылос. На этих 3 участках вскрыто около 1500 кв. м площади. Кроме того, в 1955 г. были полностью повторно исследованы руины древнего белокаменного храма Ильи в урочище Прокалиев сад, уже подвергавшиеся раскопкам в 80-х годах XIX в.

Помимо перечисленного, экспедицией проведены разведки на значительной территории по течению рек Луквы и Ломницы, а также в районе сел Викторов и Шевченко, городов Галича и Жовтень (Езуполь).

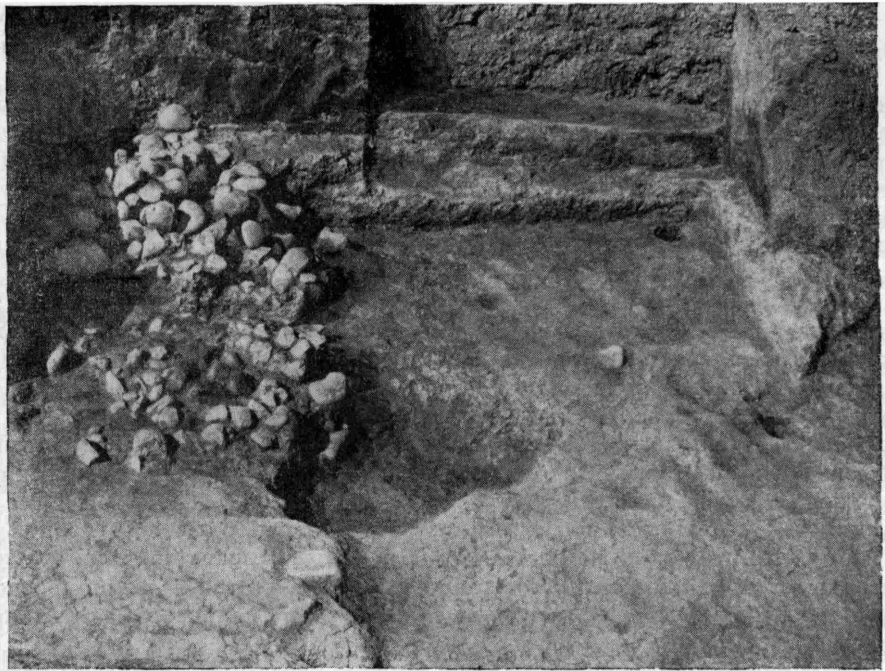
Раскопки на территории детинца носили разведочный характер, так как участок, расположенный к западу от руин Успенского собора, во время работ Я. Пастернака остался почти не исследованным, а участок к югу от собора изучен крайне недостаточно. Разведочные раскопы на участке западнее руин Успенского собора позволили неоспоримо установить важнейший для истории Галича факт наличия здесь остатков поселения, относящегося не позже чем к X в. Об этом свидетельствуют характерные фрагменты толстостенной лепной и раннегончарной керамики, обнаруженные в нижнем слое (глубина — 0,8—1,2 м) в ряде раскопов, и отлично сохранившееся жилище этой поры, полностью вскрытое нами (рис. 31).

Жилище № 1 — полуземлянка, вырезанная в материковой глине на глубину до 0,6 м, прямоугольная в плане, размером 3,7 × 4 м (рис. 31—2). Края углубления во многих местах повреждены поздними захоронениями; некоторые из них доходят по глубине до пола жилища. В углах полуземлянки и по середине каждой из ее стен расположены ямы от столбов диаметром около 0,2 м. В юго-западном углу — развал печи-каменки в виде значительной груды крупных валунов. После разборки завала открылся под печи, состоявший из 3 прослоек сильно обожженной глины. Нижняя, сохранившаяся лучше двух верхних, в плане была овальной формы (1,2 × 1,5 м). На всех 3 глиняных прослойках оказался слой плотно слежавшейся золы и угля. При расчистке нижнего пода в слое золы и угля найдено несколько фрагментов лепной и гончарной посуды, в том числе — один с клеймом на дне.

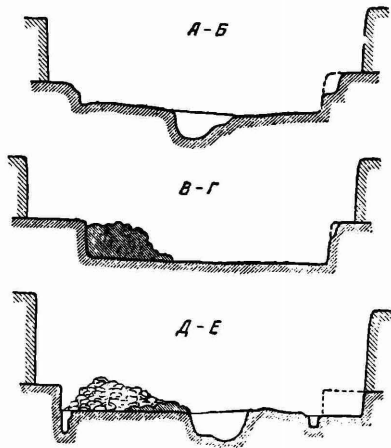
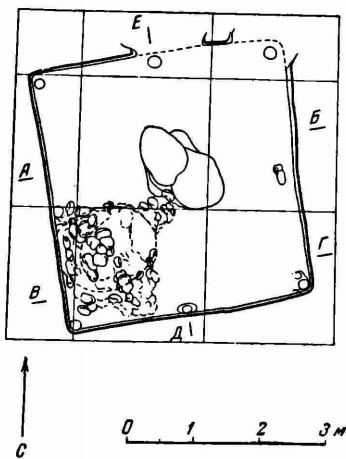
Перед печью, в средней части жилища, расположена неправильной формы яма глубиной до 0,3—0,4 м. В развале печи и в яме много золы и угля. Жилище ориентировано почти точно по странам света. Следов входа не обнаружено. На полу и под развалом печи найдены многочисленные фрагменты керамики. Среди них значительную часть составляют обломки гончарной посуды хорошего обжига, сделанной на круге. На нескольких донцах обнаружены клейма. Однако, наряду с гончарной керамикой, встречены и фрагменты лепной посуды. Среди них особенно важно отметить многочисленные обломки сковородок и толстостенных горшков со слегка отогнутыми или прямыми венчиками. Края венчиков гладкие или с зашипами. На полу найдены также 4 миниатюрных горшочка; два из них лежали под развалом печи, один — в северо-восточном углу и один — у север-

³ В составе совместной экспедиции принимали участие: начальник экспедиции — М. К. Каргер, научные сотрудники — П. А. Раппопорт, А. А. Драги, лаборанты — М. В. Малевская, А. Н. Кирпичников, Е. Д. Харитоновна, И. И. Плешанова, Т. М. Иванова, Г. К. Козьян, А. Н. Свешникова, Э. С. Смирнова.

1

2

Рис. 31. Детинец древнего Галича. Жилище № 1.

1 — общий вид; 2 — план и разрезы.

ной стенки. Кроме того, в жилище обнаружены: 3 глиняных пряслица и одно, очень крупное — шиферное, 4 костяных проколки, бронзовое кольцо, кусок бронзовой проволоки, кусок железного шлака и немногочисленные кости животных.

Необходимо подчеркнуть, что жилище столь раннего времени открыто на территории древнего Галича впервые. К тому же исследователи Галича до последнего времени были убеждены в том, что на городище безраздельно господствовал тип наземных построек, а самый факт существования жилища полужемляночного типа подвергался сомнению. Описанное выше жилище

№ 1 и два других, открытых в Окольном городе, позволяют утверждать, что по характеру массовых городских жилищ древнейший Галич существенно не отличался от других южнорусских городов. Наряду с этим нельзя не заметить и отдельных специфических особенностей (печи-каменки), которые отличают галицкие жилища от городских жилищ Поднепровья.

Вышележащие культурные слои на участке, где вскрыта полуземлянка, очень бедны находками. Керамики XII—XIII вв., стеклянных браслетов, шиферных пряслиц и металлических изделий здесь было крайне мало. По-видимому, в XII—XIII вв. к западу от собора располагалась большая площадь без каких-либо построек.

Однако именно на этом участке обнаружены, может быть, наиболее замечательные находки, очень важные для истории древней галицкой архитектуры. В непосредственной близости от жилища № 1, в верхних слоях, на глубине 0,3—0,6 м, найдено свыше 250 фрагментов керамических майоликовых плиток, лежавших в беспорядке на разной глубине. Поблизости не было остатков каменных или деревянных построек. Плитки лежали кучно, выброшенные сюда за ненадобностью из какого-то парадно украшенного сооружения.

Плитки — прямоугольной формы, близкой к квадрату, со стороной от 12,5 до 14 см при толщине от 1,2 до 1,8 см. Поверхность покрыта желтой, светло-зеленой или коричневой поливой. В изломе плитки — темно-красного цвета, отлично обожжены; на большей части их полива хорошо сохранилась.

В отличие от майоликовых плиток, широко известных по многим памятникам галицкого, киевского, волинского, смоленского, рязанского и владимиро-суздальского зодчества, лицевая поверхность большей части плиток, найденных в 1955 г., украшена невысоким рельефным рисунком, поверх которого лежит одноцветная полива. Из 250 фрагментов на 184 был рельефный рисунок; остальные — гладкие. Детальное изучение позволило установить 12 матриц с различным рисунком, в которых оттиснуты плитки с рельефами. На 9 матрицах — орнаментальные композиции, на одной изображен грифон, на одной — птица-сирин с человеческой головой и еще на одной — птица. Большую часть матриц удалось восстановить по многочисленным фрагментам полностью, некоторые — лишь частично.

Плитки были, по-видимому, выброшены из какой-то не найденной пока древней монументальной постройки либо во время ремонта, либо при разборке руин здания. Весьма вероятно, что рельефными плитками, не имеющими аналогий среди разнообразной строительной декоративной керамики древней Руси, был выстлан пол княжеского дворцового храма Спаса, руины которого, несмотря на многолетние поиски, до сих пор не обнаружены⁴. Существенно, что подобные плитки ни разу не встречены ни на одном другом участке Галицкого городища.

Неподалеку от завала плиток найдена крышка каменного саркофага, по форме полностью повторяющая крышку саркофага Ярослава Осмомысла, открытого раскопками Я. Пастернака в западной части развалин Успенского собора⁵. По-видимому, второй саркофаг находился в храме, из которого происходят и описанные плитки.

Небольшие разведочные раскопки на участке, расположенном к юго-западу и юго-востоку от развалин собора, не дали сколько-нибудь существенных результатов, а отдельные разведочные шурфы, заложенные к северо-западу, не могли дать чего-либо значительного из-за небольшого размера площади, доступной для исследования (усадебная Я. А. Легиня).

⁴ Подробное описание плиток из раскопок 1955 г. будет опубликовано в специальном исследовании автора, посвященном галицкой архитектурно-декоративной керамике.

⁵ Я. Пастернак. Указ. соч., стр. 132—140.

Территория Золотого Тока в значительной части подверглась раскопкам в 1938—1940 гг.⁶

В 1955 г. удалось исследовать лишь один свободный в то время участок, расположенный по средней оси Золотого Тока. Раскоп по условиям местности представлял вытянутый по линии север—юг прямоугольник (50 × 10 м), к которому в южном направлении сделана небольшая прирезка.

Культурный слой на этом участке (свыше 500 кв. м) оказался крайне бедным. Кроме массовых находок фрагментов керамики XII—XIII вв., следует упомянуть стеклянные браслеты, бусы, немногочисленные железные изделия — ножи, стрелы, шпоры, подковы, а также точильные бруски, пряслица. Подчеркнем, что значительная часть находок обнаружена в верхнем, многократно перепаханном слое, вне древней стратиграфии. Нижний культурный слой Золотого Тока, лежащий непосредственно на материке, по составу находок в основном также следует отнести к XII—XIII вв., хотя отдельные (случайные) находки керамики принадлежат более древнему времени. На этом же уровне расположено несколько печей, от которых сохранились обычно только плотный глинобитный под округлой или подковообразной формы и нижние части разрушившихся стенок из докрасна обожженной глины.

В южной части раскопа обнаружены 4 печи, от которых сохранились только под и самые нижние части глинобитных стенок. Под самой большой из них был слегка вогнутым, в отличие от плоских у других печей. При расчистке печей найдены фрагменты керамики XII—XIII вв. Печи не одновременны — одни из них перекрывают другие. Никаких построек, внутри которых они могли находиться, не обнаружено, несмотря на самые тщательные поиски. Аналогичная картина установлена раскопками Я. Пастернака на смежной территории⁷. Все это позволяет предположить, что печи находились, по-видимому, внутри наземных жилищ, остатки которых пока не удается уловить. Исследование жилищ другого города Галицкой земли — Плеснеска также привело к заключению о существовании там двух типов жилищ — полуземлянок (IX—XI вв.) и наземных построек (конец XI в. — XIII в.)⁸.

На исследованной территории Золотого Тока — на древнем горизонте обнаружена вымостка из кусков белого камня (известняка). Продолжение ее уходило в соседнюю усадьбу, недоступную в 1955 г. для исследования. Каменная вымостка подобного же типа обнаружена еще на одном участке городища (см. ниже).

Раскопками установлено, что по южному краю Золотого Тока был расположен земляной вал, срезанный распашкой. Вал состоял из прослоек желтой глины и темной земли, чередующихся весьма нерегулярно. Основание его лежит на глубине 0,85 м. Ниже основания вала — толстый слой гумуса с керамикой гальштатского типа. Материк в южной части находится на глубине 1,55 м.

Небольшой разведочный шурф (32 кв. м), заложенный у подножия Золотого Тока с южной стороны вала (почти у дороги, ведущей к р. Лукве), не дал древних находок, за исключением немногочисленных фрагментов керамики XII—XIII вв. Раскоп на усадьбе А. Михальчуковой (усадьба расположена к юго-востоку от Золотого Тока) был вызван сведениями о находке здесь развалин белокаменной постройки. Несмотря на то, что площадь раскопа была крайне ограничена фруктовыми деревьями, удалось

⁶ Я. Пастернак. Указ. соч., стр. 161—206.

⁷ Я. Пастернак. Указ. соч., стр. 171.

⁸ И. Д. Старчук. Розкопки городища Плеснеська в 1947—1948 рр. АП УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 379—394.

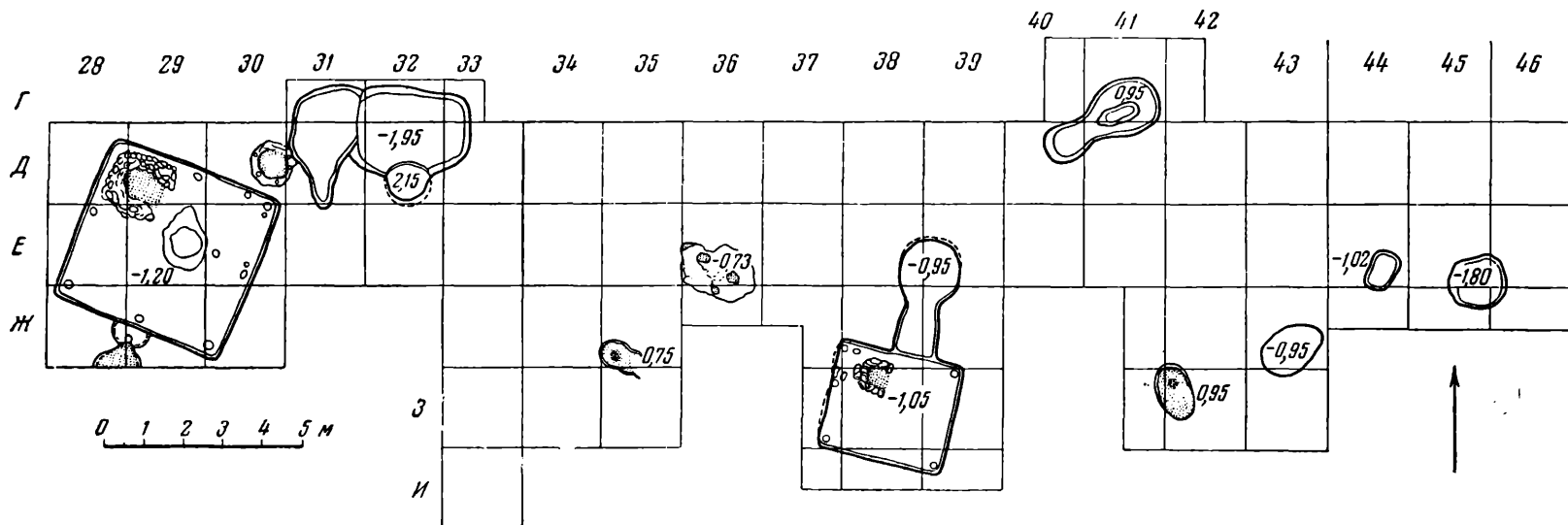

Рис. 32. План раскопа в Окольном городе.

Рис. 33. Общий вид жилищ в Окольном городе.

а — жилище № 2; б — жилище № 3.

установить, что слухи о белокаменных руинах возникли не случайно. На глубине 1,2—1,3 м на уровне материка обнаружена каменная вымостка из кусков известняка, частично раскрошившегося почти в порошок. Отдельные наиболее крупные куски достигают 0,2 м в диаметре. Вымостка сделана в один, иногда — в два, а местами — и в три ряда камня. Края ее не везде четко ограничены; встречаются и сквозные ямы, очевидно, позднейшего происхождения. На вымостке местами лежали кости животных, керамика XII—XIII вв., обломки железных предметов, в том числе конская подкова. Считать эту вымостку развалом древней белокаменной постройки, разумеется, нет оснований, но едва ли могут быть сомнения в том, что это следы благоустройства древнего Галича. Как отмечалось выше, аналогичная вымостка обнаружена в раскопе на Золотом Токе.

Отлично сохранившийся участок городского поселения удалось обнаружить в Окольном городе, вблизи от современного кладбища с. Крылос. Здесь отведен для расширения кладбища довольно большой участок земли, но он еще не использован для захоронений, и поэтому возможны раскопки

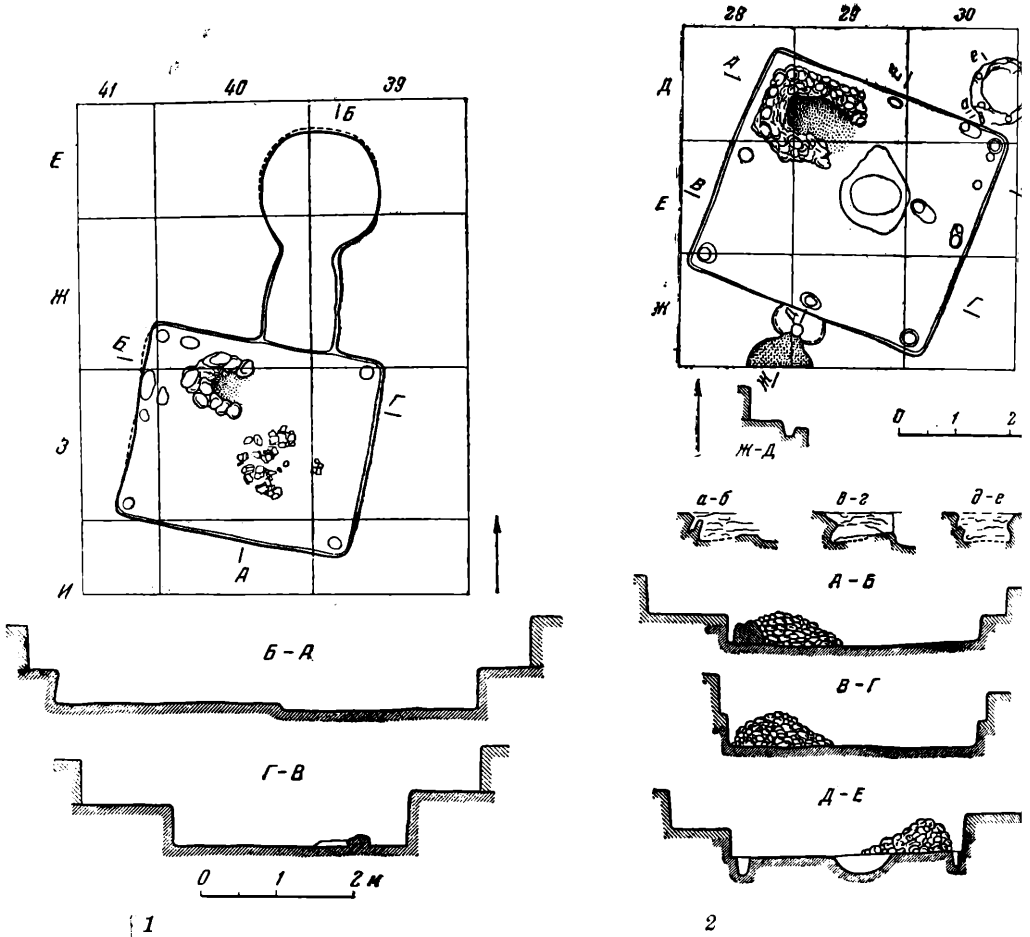

Рис. 34. Планы и разрезы жилищ в Окольном городе.

1 — жилище № 2; 2 — жилище № 3.

широкой площадью. Древний культурный слой, начинающийся непосредственно под дерновым покровом и уходящий на глубину до 0,6—0,8 м, очень небогат находками, однако в плотной материковой глине отлично сохранились нижние части жилищ № 2 и 3 (рис. 32). Жилище № 2 — прямоугольная в плане полуземлянка (3 × 2,6 м), нижняя часть которой вырыта в материковой глине на глубину до 0,6—0,7 м (рис. 33—1; рис. 34—1). Стенки вертикальны; ровный пол, покрытый тонким слоем чистого песка, лежит на глубине 1,05 м от современной поверхности. В углах жилища — ямки от столбов, диаметром 14—16 см, глубиной 24—25 см. В северо-западном углу — развал печи-каменки; под булыжниками и кусками обожженной глины обнаружено скопление золы и угля. За печью стенки жилища образуют небольшую впадину. Около печи — 4 ямы глубиной от 10 до 25 см.

В средней части жилища на полу — скопление крупных обломков гончар-

ной керамики с характерными для X—XI вв. профилями венчиков. Такая же керамика разбросана по всей площади пола и особенно возле устья печи. Наряду с гончарной, обнаружено несколько фрагментов толстостенной лепной посуды.

К основной камере жилища с севера примыкает узкий проход (шириной от 0,9 до 1 м), соединяющий ее с хозяйственной ямой. Уровень пола прохода и дна ямы на 10 см выше пола жилища. Яма круглая в плане, диаметр — около 1,5 м. На дне ее найдено большое количество обломков керамики такого же типа, как и обнаруженная в жилище. Никаких вещей в жилище не оказалось. Вблизи полуземлянки найден железный серп.

Жилище № 3, как и другие два, открытые раскопками 1955 г., — прямоугольная в плане постройка полуземляночного типа (4,5 × 4,1 м). Нижняя часть ее вырыта в плотной глине на глубину до 0,6 м от уровня древней поверхности (рис. 33—2; рис. 34—2). По углам и в середине каждой стороны — столбовые ямы диаметром около 0,25 м и глубиной до 0,4 м. Между северо-восточной угловой и средней ямами восточной стороны расчищены еще 3 ямки диаметром 14 см и глубиной 12 см. В северо-западном углу хорошо сохранилась большая печь-каменка, сложенная из крупных булыжников на глине. Под покрыт слоем золы и угля толщиной около 3 см. Пол жилища довольно ровный; в средней части — яма глубиной до 0,3 м.

В заполнении жилища, главным образом на полу, найдены обломки гончарной керамики с характерным профилем, позволяющим отнести их к X—XI вв.; несколько аналогичных фрагментов обнаружено под завалом печи. Встречено также небольшое количество обломков лепной посуды.

Возле южной стенки жилища, на уровне древней поверхности обнаружена глинобитная печь, у которой устье и предпечная яма обращены в сторону жилища. Предпечная яма частично перерезает южную стенку постройки; это свидетельствует о том, что печь сооружалась, когда жилище уже было заброшено и засыпано землей. У печи найдены обломки керамики XII—XIII вв. Возле жилища № 3 оказалась большая, глубокая яма, состоящая из двух примыкающих одна к другой ям (см. рис. 32). Назначение ее осталось невыясненным.

Несколько меньшая яма в форме двух соединенных овальных ям обнаружена неподалеку от жилища № 2. Глубина ее — около 0,3—0,4 м; в средней части одной из ям расчищено углубление еще на 0,2 м. В яме найдены много обломков гончарной керамики X—XI вв., несколько фрагментов лепной посуды и витой бронзовый перстень. Небольшие округлые ямы обнаружены и в других местах; в заполнении их — фрагменты керамики XII—XIII вв.

На том же участке, где расположены два жилища, вскрыты развалины глинобитных печей, сооруженных на древней поверхности. Одна из них — с хорошо сохранившимися нижними частями стенок и сильно обожженным глинобитным подом — несколько заглублена по отношению к уровню древней поверхности (рис. 32; квадрат Ж-35). Дно печи представляет впадину, заполненную скоплением золы и угля. Там же найдено несколько фрагментов гончарной керамики.

Другая печь сохранилась очень плохо (рис. 32; квадрат З-42). Она овальной формы (1 × 1,4 м); под ее также слегка углублен, по краям его уцелели на незначительную высоту глинобитные стенки. На поду — скопление золы и угля. Возле печи находилась яма (глубиной до 0,25 м), заполненная обломками керамики, относящейся в основном к XII—XIII вв. Заслуживает внимания, что здесь, как и на Золотом Токе, остатки наземных печей связаны с керамикой XII—XIII вв., тогда как в жилищах-полуземлянках керамика значительно древнее (X—XI вв.).

Многочисленные руины древних белокаменных храмов, расположенные по течению рек Луквы и Ломницы между с. Крылос и г. Галичем, были обнаружены и частично раскопаны археологами-любителями еще в конце XIX в. При обследовании руин, проведенном экспедицией, установлено, что

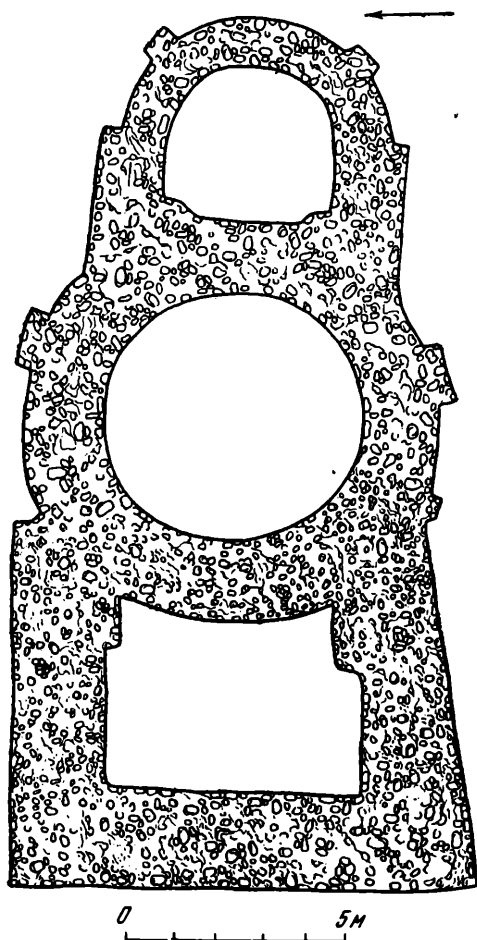

Рис. 35. План церкви Ильи
(по раскопкам 1955 г.)

в результате расхищения тесаного камня и распашки от большинства их почти не осталось следов. Только в урочище Прокалиев сад, к востоку от Галицкого городища, на горе за Мозолевым потоком, уцелели от распашки огражденные земляным валом руины древнего храма Ильи, подвергавшиеся раскопкам в 80-х годах XIX в. Поскольку единственным результатом этих раскопок был схематический план, не все детали которого были понятны, мы сочли необходимым провести новое, более тщательное исследование. Напомним, что в недавнее время В. К. Гончаровым было высказано сомнение в том, можно ли считать руины в Прокалиевом саду церковью. В. К. Гончаров считает, что это была круглая башня оборонительного характера, лишь позже превращенная в церковь⁹.

⁹ В. Гончаров. Отчет о раскопках в Галиче в 1951 г. Архив ИА АН УССР.

Новые раскопки руин церкви Ильи показали, что постройка достигает в длину (по оси восток — запад) 20,3 м, в ширину — несколько менее 10 м. Основная ее часть представляет ротонду, диаметр которой — 9,5 м (внутренний — 5,9 м). С запада к ней примыкает прямоугольный притвор, с востока — полуциркулярная апсида (рис. 35). Все эти части постройки, безусловно, одновременны.

Фундамент сложен из довольно мелких камней — булыжников; в небольшом количестве в кладке использованы мелкие рваные куски известняка. В известковом растворе — примесь песка и мелких угольков. Кроме того, в растворе встречаются мелкие кусочки известняка и довольно крупная галька. Сохранность фундамента плохая; особенно сильно разрушен наружный контур бутовой кладки. В верхней части фундамента, по его контурам, местами видна выкладка из булыжника без раствора, по-видимому, сделанная в качестве предохранительной после раскопок конца XIX в. — для предотвращения разрушения открытого фундамента.

Подошва фундамента залегает на глубине около 1,3 м от современной поверхности. Фундамент апсиды на 15 см выше, чем ротонды, а фундамент западного притвора, наоборот, несколько углублен в связи с тем, что уровень материка в западной части постройки падает. Шурфами, заложенными у западных углов церкви, обнаружено, что последние имеют более глубокий фундамент, чем стены (1,7 м). В земле найдено несколько обломков тесаного белого известняка из кладки стен здания. Основная масса древнего строительного материала — крупные, отлично тесанные квадраты белого камня — была использована при постройке сохранившегося донныне митрополичьего дома, расположенного к югу от церкви с. Крылос. Многие камни в стенах дома сохранили следы характерной древней тески. Длина камней различна — от 30 до 58 см (и даже до 60 см), высота — от 29 до 33—34 см.

В нижней части фундамента в северо-западном углу вложено несколько крупных тесаных камней, выше которых кладка фундамента целиком выломана. При каких обстоятельствах эти тесаные камни могли попасть в бутовую кладку, — неясно. Во время раскопок развалин церкви найдены кусок круглой колонки, плита с круглым отверстием (по-видимому, от пяты двери) и всего один маленький фрагмент штукатурки со следами синей краски. В южной части западного притвора церкви обнаружены остатки разрушенного каменного саркофага в виде обломков плит толщиной от 11 до 16 мм, красно-лилового цвета в изломе.

Открытие, наряду с остатками наземных построек, отлично сохранившихся жилищ полужемляночного типа с раннегончарной и лепной керамикой, замечательная коллекция майоликовых плиток с рельефной орнаментацией, происходящих из пока не обнаруженного монументального сооружения, новые материалы по истории различных разделов галицкого ремесла, полученные в результате новых раскопок, и, наконец, повторное исследование руин древнего храма Ильи — свидетельствуют о далеко еще не исчерпанных возможностях археологического изучения древнего Галича. Продолжение систематических раскопок этого городища следует рассматривать как одну из важнейших задач славяно-русской археологии.

К. Д. ЛАУШКИН

РАСКОПКИ В СТАРОЙ ЛАДОГЕ

В 1958 г. продолжались раскопки земляного городища Старой Ладogi (работами руководил член-корреспондент Академии наук СССР В. И. Равдоникас). Исследуемый участок площадью 440 кв. м находится в юго-западном углу земляной крепости. В 1957 г. экспедиция исследовала культурный слой городища до горизонта *д*, который был расчищен только с поверхности¹. В 1958 г. ставилась задача детально изучить горизонт *д* и исследовать нижележащие культурные напластования.

На раскрытой еще в 1957 г. и вновь расчищенной площади открылась хорошо знакомая по раскопкам прошлых лет картина плотно застроенного участка древнего города (рис. 36). Сохранившиеся нижние венцы жилых построек тесно примыкали друг к другу. Основания 3 построек составляли продолжение открытого в прошлые годы уличного ряда², который тянулся почти точно с севера на юг. Следует, однако, заметить, что отдельные постройки могли быть ориентированы и по-иному: сохранившиеся нижние, по-видимому, подкладочные бревна постройки в юго-восточной четверти раскопа позволяют догадываться, что ось ее была параллельна береговой линии р. Волхова.

Исследования показали, что сооружения горизонта *д* составляют не один, а несколько строительных ярусов (два-три, для разных построек). Не без труда удавалось расчленить разновременные постройки, совпадающие по ориентации и близкие по размерам. На месте исчезнувших по тем или иным причинам жилых домов возводились новые, на месте хозяйственных построек сооружались подобные же, старая уличная мостовая заменялась новой и т. д.

Дома небольших размеров (от 14 до 24 кв. м внутренней площади) возводились из нетолстых (16—22 см в диаметре) бревен, которые на углах врубались одно в другое с остатком («в обло»). По линии соединения бревен стены промазывались глиной. Срубы покоились на бревнах-подкладках; в других случаях для этой же цели применялись известняковые плиты. Под углами почти всегда можно найти берестяные листы, предохранявшие бревна от сырости и гниения. Для утепления домов возводились завалинки. Полы настилались из теса. Печи складывались из крупных и мелких валунов и занимали один из углов помещения. Надо полагать, что к IX—X вв. уже сложились техника домостроительства и устойчивые приемы сооружения определенных типов деревянных построек.

¹ О стратиграфии и плане земляного городища см. В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, XI, 1949, стр. 9—12; о работах 1957 г. — см. краткую информацию в КСИИМК, вып. 79, 1960.

² См. сводный план построек горизонта *Д* — Г. П. Гроздилов. Раскопки в Старой Ладогe в 1948 г. СА, XIV, 1950.

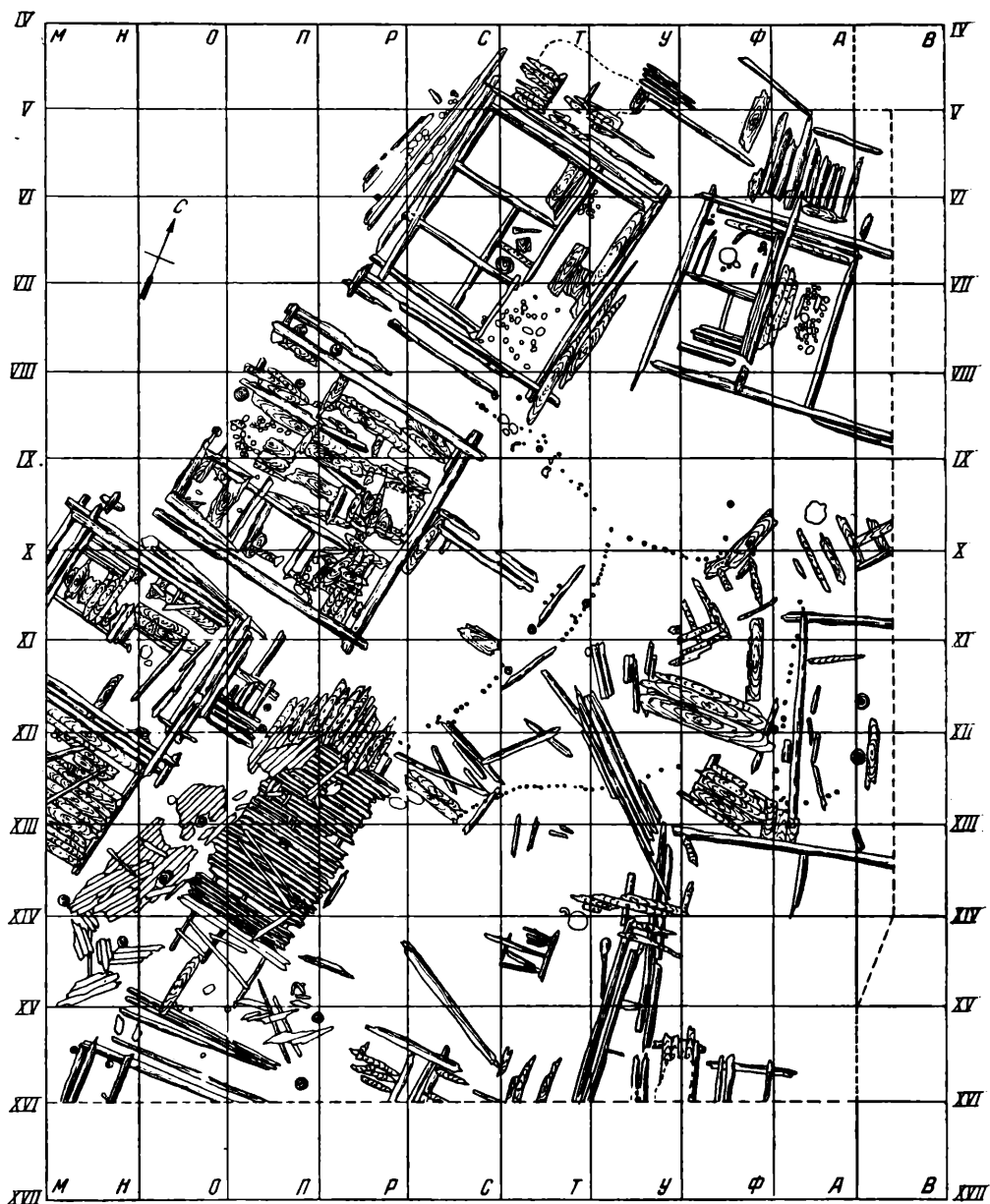

Рис. 36. Старая Ладога. План горизонта по раскопкам 1957 г.

(Размер квадратов — 2 × 2) м.

К домам примыкали хозяйственные дворики, огороженные плетнями, от которых уцелели ряды часто забитых в землю кольев и остатки прутьев.

Очень скромные размеры двориков (30—40 кв. м) и малая величина построек говорят об экономном использовании ладожанами строительной площадки.

В юго-западной четверти раскопа хорошо сохранился уличный настил: на три длинных жерди-лаги были уложены плотно пригнанные друг к другу тонкие бревна. Длина мостовой — 7,4 м, ширина — около 2,5 м. Под ней

раскрыт более древний бревенчатый настил, устроенный подобным же образом и по направлению совпадающий с вышележащим.

От уличного настила на северо-восток отходили пешеходные мостики, от которых сохранились подкладки — короткие чурки из обрубленных и иногда расколотых пополам бревен. В отдельных случаях они закреплялись вбитыми в землю колышками. Пешеходная бревенчатая дорожка шла между плетнями, огораживавшими дворы перед домами (начало ее открыто еще во время дореволюционных раскопок Н. И. Репникова).

Общий характер организации площади застройки, не отличающийся от того, который был выяснен для горизонта *д* в предыдущие годы, подтверждает вывод, что Ладога в X в. и, по крайней мере, во второй половине XI в. была городом.

Керамика горизонта исключительно лепная, сделанная из грубого теста с примесью крупного песка, толченого гранита, зерен кварца. Обжиг часто плохой, стенки сосудов толстые, цвет серый и темно-серый, почти черный. В подавляющем большинстве случаев — это печная (со следами нагара) посуда баночной и биконической форм. Найдены изготовленные из дерева ложки, мутовки для сбивания масла и пр. Заслуживает отдельного упоминания первая для Старой Ладоги находка «берестяной грамоты»: кусок бересты с процарапанным изображением фантастического зверя.

Наиболее интересно открытие в 1958 г. остатков избы, предназначенной для культовых действий. Нижний венец ее сохранился под остатками более поздних сооружений горизонта *д* (средний комплекс в упомянутом ряде из трех домов). Не отличаясь заметно от других построек горизонта *д* по величине (площадь — 16 кв. м), изба была очень своеобразна по внутреннему устройству. Кроме печи-каменки, расположенной в углу, в центре помещения находился очаг, ограниченный поставленными на ребро каменными плитами. Толстый слой золы в очаге содержал пережженные кости животных. Вблизи от него найдена фигурка антропоморфного существа, вырезанная из дерева с большой тщательностью и подлинным мастерством. Надо полагать, что очаг служил жертвенником, а деревянная скульптура — изображение языческого божества. Слой, в котором был обнаружен этот комплекс, датируется концом IX в. — началом X в.

Все постройки горизонта *д* после соответствующей фиксации были сняты. Нижний пласт культурного слоя (горизонт *е*) делится на 3 микрогоризонта — e_1 , e_2 и e_3 . В 1958 г. был изучен только горизонт e_1 (рис. 36а).

Здесь очень интересны 2 комплекса: жилая постройка в западной половине раскопа и сооружение в юго-восточной четверти. Жилая постройка состояла из 2 частей: северной, меньшей (13,4 кв. м) и южной (18,6 кв. м). В каждой из них была печь. В северной части печь сложена посередине помещения, т. е. занимала положение, характерное для построек нижней толщи культурного слоя Ладоги; в южной она помещалась в углу, т. е. как обычно в домах верхних горизонтов. Эта постройка, соединяющая древние и более поздние черты, может рассматриваться как переходный тип между большими жилыми домами нижнего горизонта Ладоги и маленькими избами верхних культурных напластований. Это еще один факт, который трудно совместить с концепцией, допускающей смену этнического состава населения Ладоги³. Можно предполагать, что в двухчастном доме жили две семьи, находившиеся в близких родственных отношениях и не порвавшие хозяйственных связей.

³ Например, шведский ученый Х. Арбман высказывает мнение, что большие дома принадлежали норманнам или, может быть, финнам, а небольшие избы — славянам. (H. Arbman. Svear i österviking. Stockholm, 1955. Рецензия на эту книгу Т. Арне — в журнале «Fornvännen», 1956, стр. 294).

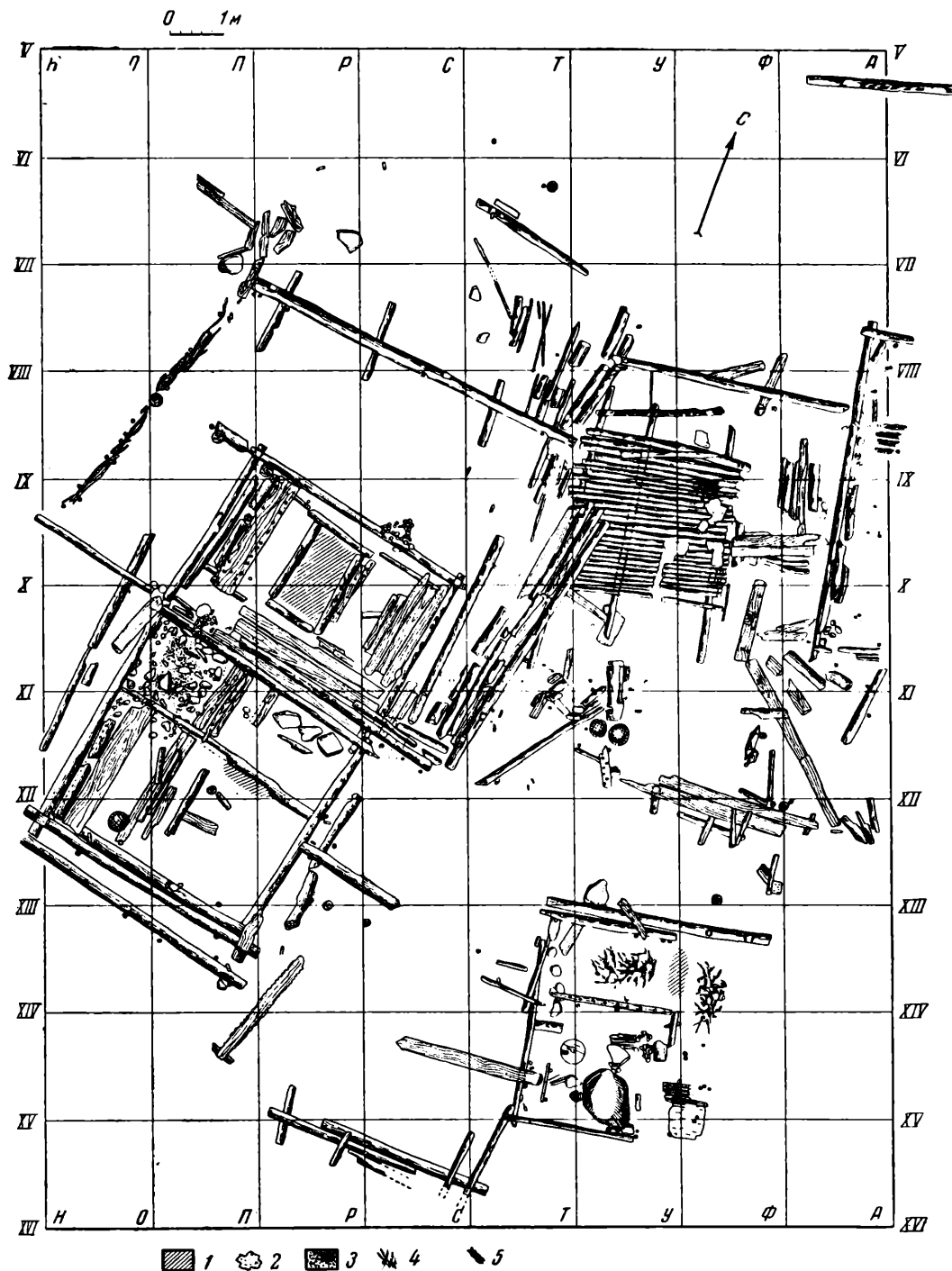

Рис. 36а. Старая Ладога. План горизонта е (верхний слой), 1958 г.

1 — длина; 2 — береста; 3 — зола; 4 — ветви хвой; 5 — обгорелое дерево.
 (Размер квадратов — 2×2 м).

В юго-восточной четверти раскопа вскрыта кузница. Она была оборудована горном и наковальней (от которой остался опорный столб); сохранились части бочки, где, по-видимому, производилась закалка железных изделий. В кузнице обнаружено большое количество железных шлаков. Интересна находка личины — человеческого лица, грубо вырезанного на куске лосяного рога.

Полностью горизонт не удалось изучить в 1958 г. Площадь раскопа с неснятыми остатками деревянных сооружений была законсервирована.

Л. А. ГОЛУБЕВА

БЕЛООЗЕРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Раскопки 1958 г., проводившиеся экспедицией ИИМК на территории «старого города» Белоозера (правый берег р. Шексны у ее истоков из Белоозера, у с. Крохино), были продолжением работ 1957 г. и предыдущих лет¹. Основным объектом выбран участок города (конца XI в.—XIV в.) у самого берега реки, где в 1957 г. вскрыта вторая замощенная улица, идущая от реки на юго-запад и расположенная в 30 м к востоку от так называемого пристанского взвоза, обнаруженного раскопками 1950—1951 гг. Небольшой отрезок выявленной мостовой был оставлен в 1957 г. неразобранным (раскоп XVII). Новые раскопы XVIII и XIX, площадью 460 кв. м, примкнули к нему с востока и расширили его в южном направлении. К реке и в сторону старого русла ручья площадь раскопов понижалась на 0,8 м. Мощность культурного слоя не превышала 1,6 м.

Первый и второй горизонты представляли собой задернованную гумусную почву (пласты 3—5 южной и центральной частей раскопа), содержащую следы построек последнего периода жизни города — конца XIV в. Из отдельных находок здесь следует отметить обломок шпоры с репейкой²; овальные кресала, повторяющие такие же кресала XIV в. из Новгорода; глиняные, покрытые желтой поливой косточки от счетов. Ближе к нижней границе слоя найдены подкова, коса, пластинчатые дужки ведер, типологически сходные с новгородскими находками из слоя XIII в.; костяные наборные двусторонние гребни, бытовавшие в Новгороде со второй половины XII в. почти до конца XIII в.³ Здесь же найдена свистулька в виде птички из обожженной глины — уже не первая находка на Белоозере. Сходная свистулька-птичка обнаружена при раскопках 1957 г. в Вологде в слое XII—XIII вв.⁴

В 1958 г. представилась возможность связать сохранившиеся основания построек следующих горизонтов — слоя с перегнившим деревом (пласты 5—6 южной и центральной частей раскопа) и залежавшего еще ниже слоя со щепой и навозом (пласты 7—9), с двумя ярусами уличной мостовой. Первый ярус мостовой лежал на границе слоя с перегнившим деревом и слоя со щепой. Следуя рельефу местности, мостовая повышалась к югу. Прослежена она на длину 20 м. Слабые следы ее были заметны на 5—6 м

¹ Л. А. Голубева. Белоозерская экспедиция 1957 г. КСИИМК, вып. 79, 1960; ее же. Отчет о раскопках на Белоозере в 1957 г. Рукопись. Архив ИА АН СССР, № 1505.

² Точную аналогию этой шпоре см. А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. Труды Новгородской археологической экспедиции, т. II, МИА, № 65, 1959, стр. 189, рис. 23, 11.

³ Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей. СА, 1958, № 2, стр. 100, рис. 5, 11 и стр. 101, 102.

⁴ Вологодский областной музей, № 734, раскопки А. В. Никитина.

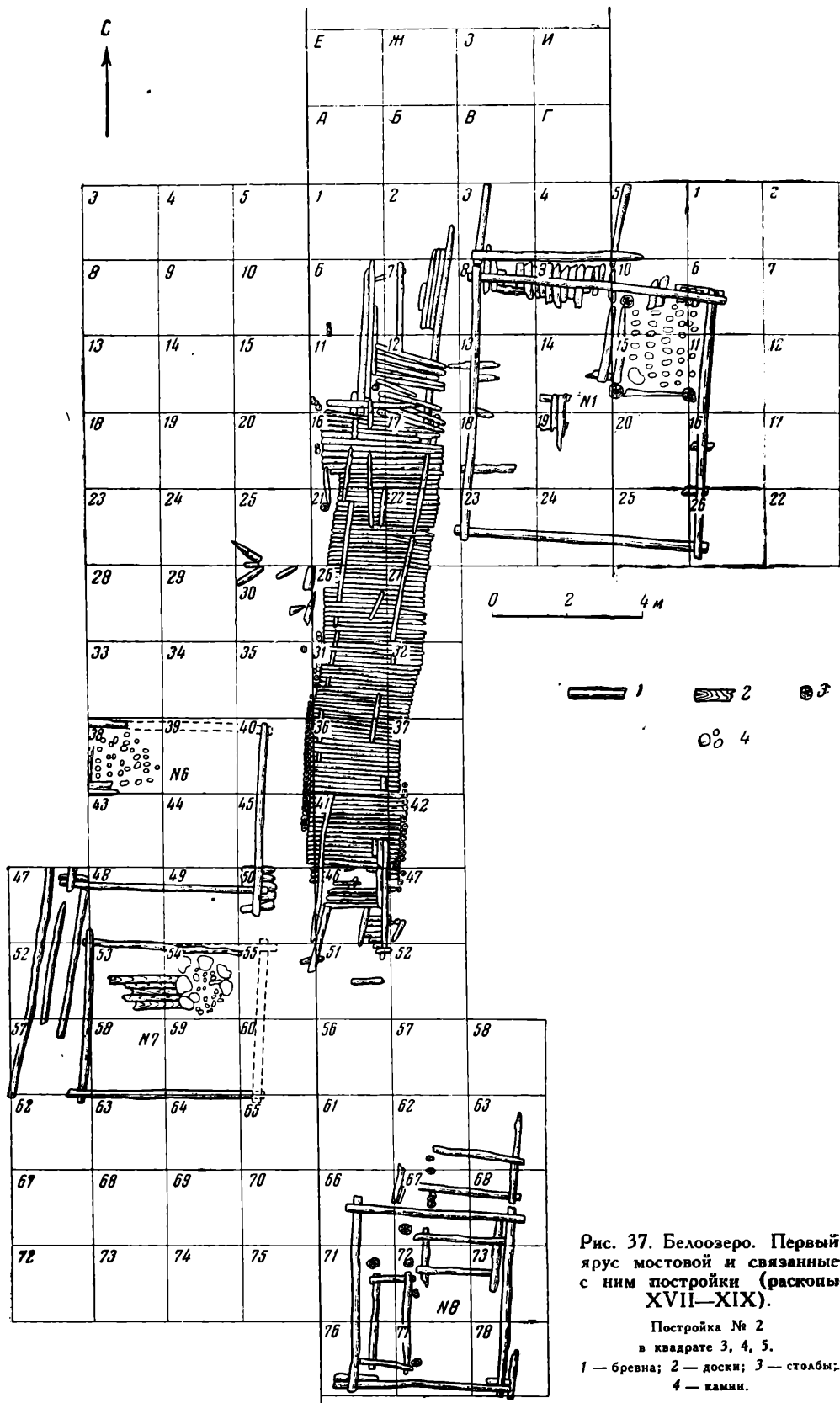

Рис. 37. Белоозеро. Первый ярус мостовой и связанные с ним постройки (раскопы XVII—XIX).

Постройка № 2
в квадрате 3, 4, 5.

1 — бревна; 2 — доски; 3 — столбы;
4 — камни.

южнее, где и заканчивались. Основанием настила служили 3 длинных лаги диаметром около 0,2 м, ориентированные с северо-северо-востока на юго-юго-запад. Расстояние между крайними лагами — 1,7 м. Поперек лаг плотно уложен накатник из тонкого круглого леса диаметром 0,1—0,15 м, длиной около 2,7 м (рис. 37). Вдоль части мостовой с востока и запада были вбиты вплотную друг к другу колья длиной более 0,6 м и диаметром 0,1 м, уходящие заостренными концами в материк. Возможно, это остатки забора.

С первым ярусом мостовой связаны расположенные вдоль нее основания 4 построек (№ 1, 2, 6 и 8), уцелевших только на один венец. Дерево срубов очень плохо сохранилось. Постройки, как правило, однокамерные, жилые; к зданию № 8 с севера примыкали сени, к зданию № 1 — хозяйственная постройка, судя по обилию навоза, — хлев. Срубы рублены «в обло» из сосновых бревен; под углы и бревна некоторых построек (№ 1 и 6) подведены нивелирующие подкладки. В доме № 8 уцелели прямоугольники переводин под доски пола. Остатки их прослежены и в других домах, но полы не сохранились. Размеры построек (здесь и ниже даются по внутреннему периметру) — от $3,6 \times 4,2$ до $6,4 \times 7$ м. Печи-каменки различной сохранности располагались в углах жилищ. В самом большом (№ 1) и размер печи был наибольший ($2,6 \times 2$ м). Печи в жилищах № 1 и 8 возведены на столбовом опечке, в двух других — на срубном. Столбовые опечки состояли из 3 столбов диаметром 0,2—0,3 м; внутренний, угловой столб отсутствовал. В пазы столбов забирались доски; под утрамбовывался светлой глиной.

Находки, связанные с первым ярусом мостовой, датируются периодом XII—XIII вв. (точнее — второй половиной XII в. — XIII в.). Такова дата четырех двусторонних наборных гребней и двустороннего трапециевидного гребня, на котором вырезаны знаки — двузубец с крестом в основании. Прямоугольная пряжка, судя по новгородским аналогиям, также характерна преимущественно для XIII в. Этой же дате соответствует литой бронзовый печатный перстень. Диаметр печатки — 0,08 м. Она покрыта патиной, отчего изображение неясно. Бронзовый бубенчик — шаровидный, с линейной прорезью, — принадлежит к изделиям, известным с XI в. и получившим распространение в XII—XIII вв.

Собрано 12 стеклянных бус разных типов: круглые шарообразные желтые (2 экземпляра), зонные желтые (2 экземпляра), синие (3 экземпляра), черная (1 экземпляр), битрапецидные голубые (2 экземпляра), эллипсоидная фиолетовая (1 экземпляр), цилиндрическая позолоченная (1 экземпляр); стекла — прозрачные. Время бытования таких бус — также XII—XIII вв. В этом ярусе значительно возросло количество обломков стеклянных браслетов. В верхнем горизонте культурного слоя их семь, здесь — 19 экземпляров (10 гладких и 9 крученых); преобладают одноцветные (зеленые, желтые, коричневые, голубые, черные; один — лиловый). Встречен обломок перстня из прозрачного зеленого стекла. К редким находкам следует отнести плохо сохранившуюся крышку сосуда, круглую, из тонкой листовой меди, также на круглом ободке. Сверху по центру крышки приклепана ручка. Обращают на себя внимание находки криц и шлаков, свидетельствующие о местном металлургическом производстве, в частности, — о процессах цементации железа в глиняных горшках. Около печи дома № 7 обнаружены скопление стекловидных шлаков серо-зеленого и коричневого оттенков и 2 обломка льячки, покрытых натечками стекловидной массы черного цвета. Форма льячки напоминает птичку. Такие предметы уже находили на Белоозере; они аналогичны льячке из киевского Вышгорода (XII в.)⁵.

Второй ярус мостовой залегал непосредственно под первым, в слое щепы. Дерево здесь сохранилось лучше, хотя сам настил сильно изношен и местами

⁵ Хранится в ГИМ.

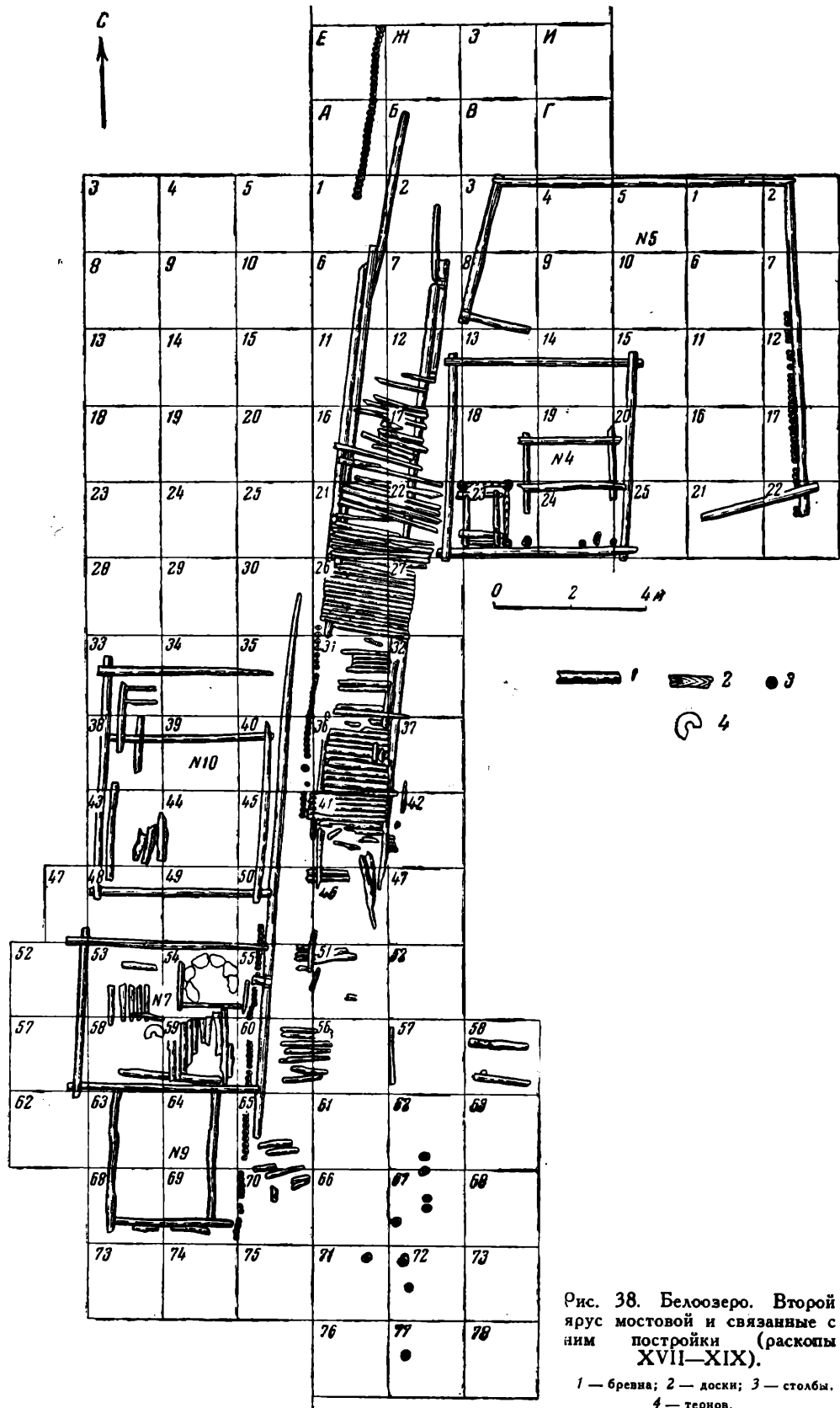

Рис. 38. Белоозеро. Второй ярус мостовой и связанные с ним постройки (раскопы XVII—XIX).

1 — бревна; 2 — доски; 3 — столбы.
4 — тернов.

ми выбит (рис. 38). С западной стороны мостовой располагались основания двух построек (№ 10 — в один венец и № 7 — в два венца), более поздних, чем здание № 4 с восточной стороны улицы. Этим в значительной степени объясняется плохая сохранность дерева в постройках № 7 и 10, особенно в последней, где северо-восточный угол сруба совершенно сгнил. Судя по остаткам печи-каменки на срубном подпечье, стоявшей в северо-западном углу, это был жилой дом (5,4 × 4 м). Здание № 7, меньших размеров (4,5 × 3,8 м), сохранилось несколько лучше, особенно — печь-каменка с поставленными по окружности 6 крупными валунами. Камни лежали на плотно утрамбованном желтой глиной срубном подпечье (1,6 × 1,6 м); устье обращено на юг. Около печи лежал жернов. С юга к дому примыкала сохранившаяся в один венец постройка № 9 без пола и печи, — очевидно, клеть.

Интересно, что восточные бревна срубов № 7 и 10 положены на своего рода фундамент из свай, вбитых заостренными концами в материк на глубину до 0,6—0,7 м вплотную друг к другу. Под восточным бревном (почти не сохранившимся) постройки № 7 было 26 свай. Под постройкой № 10 их сплошной ряд прерывался, но продолжался вдоль всей восточной стены здания № 9. Опорой стен построек служили не только сваи, но и ствол сосны свыше 14 м длиной, уложенный (комлем к югу) параллельно мостовой. На нем покоились восточные концы срубов № 7 и 10. Ствол был без коры, но с сучками. В 4 вырубки были вложены (перпендикулярно) бревна различной длины, служившие дополнительными опорами-подкладками под восточные бревна срубов. Южное бревно сруба № 7 также лежало на бревне-подкладке (см. ниже рис. 39), и ряд свай там, где лежали эти бревна, прерывался. Возможно, что сваи представляли собой остатки более раннего частыкола, перекрытого позднейшей жилой постройкой и использованного в качестве конструктивного элемента при возведении сооружений. Целесообразность такого строительного приема, вероятно, оправдывалась топкостью грунта, а может быть, и тем, что у зданий был второй этаж.

При укладке ствола сосны и сооружений мостовой было вынуто восточное бревно из нижнего венца постройки, к этому времени уже не существовавшей. Этот сруб, расположенный в северной части раскопа XVIII, был открыт при раскопках 1957 г.⁶ (показан на рис. 39, постройка № 12).

Постройка № 4 погибла от пожара, о чем свидетельствуют сплошной слой угля на поверхности и обгоревшие бревна верхнего венца. Нижние 4 венца уцелели от огня и остались неразобранными. Сруб стоял в слое щепы, на материке. Хорошо сохранившиеся 3 нижних венца были проконопачены; в верхней части бревен вырублены продольные пазы. Как и другие постройки, сруб рублен «в обло», с чашкой в нижнем конце. На уровне третьего (снизу) венца сохранились переводины пола. Печь-каменка на подпечье столбового типа занимала юго-западный угол. Три столба впущены в материк до 0,7 м; в их вертикальные пазы вставлены массивные тесаные доски; выше уложен четырёхугольник из одного ряда бревнышек (не скрепленных рубкой), перекрытый плотно утрамбованной серой глиной. Судя по нескольким ярусам обожженного пода, печь неоднократно перекладывалась. Устье печи, вероятно, выходило на север по ее длинной оси. Окно, по-видимому, было обращено на западную, уличную сторону, а дверь — на восточную, во двор.

К жилому срубам с севера и востока примыкала постройка, служившая, насколько можно судить по обилию навоза, хлевом и хозяйственным двором. Сохранились 3 массивных бревна нижнего венца, связанных «в обло»; восточная и северная стены двора параллельны стенам дома и отстоят от

⁶ См. Л. А. Голубева. Белоозерская экспедиция 1957 г. КСИИМК, вып. 79, 1960.

них на равном (5 м) расстоянии. Западное бревно — короткое (около 4 м); на его южном конце — чашка; очевидно, постройка с севера не примыкала к дому и имела самостоятельную южную стену, впоследствии разобранную.

Таким образом, можно предположить, что перед нами — очень интересный дом с крытым двором, объединенный в одно целое, или дом-двор (хорошо известный на русском Севере по этнографическим данным), но построенный не в одну связь, а глаголем. Въезд во двор был, вероятно, с юга, параллельно восточной стене дома. Второй ярус настила мостовой проходил на уровне верхнего венца сруба, а ориентировка дома и мостовой несколько не совпадают; поэтому можно полагать, что мостовая была уложена спустя значительное время после постройки дома. Культурный слой успел за это время закрыть 2 венца, т. е. нарасти почти на 0,4 м. В Новгороде такой прирост соответствует в среднем периоду в 40—50 лет⁷.

Помимо домов № 4 и 12, поставленных до сооружения мостовой, существовала еще одна ранняя постройка — дом № 11 (рис. 39). Сруб его лежал в слое щепы, на материке. Ко времени устройства второго яруса мостовой здание уже было разобрано. Настил перекрывал северо-западный угол уцелевшего нижнего венца сруба размером 3,38 × 3,43 м. Печь не сохранилась, но, судя по развалу обожженных камней и угля, она помещалась в юго-восточном углу.

Находки, связанные с постройками второго яруса мостовой, датируют его временем не ранее XII в. Здесь найдены такие же, как и в первом ярусе, двусторонние наборные гребни (3 экземпляра); встречена литая из биллона подвеска-лунница, замкнутая, украшенная врезным зигзагообразным орнаментом, аналогичная новгородским лунницам конца XII в.⁸

Собрано 25 обломков стеклянных браслетов; из них семь — гладкие. Преобладают одноцветные — голубые, коричневые, синие, фиолетовые, черные, зеленые; есть браслеты черного и зеленого стекла, обвитого желтой стеклянной нитью; найден обломок перстня из прозрачного зеленого стекла.

Среди бус (16 экземпляров) преобладают распространенные и в XII в., и в XIII в. Это зонные: желтые (2 экземпляра), синяя, двойная синяя и эллипсоидные желтые (2 экземпляра) — все из прозрачного стекла. Но есть бусы, характерные главным образом для XII в. (зонные фиолетовые и битрапециодная фиолетовая) и для XI—XII вв. (круглая гладкая глазчатая); найдены также янтарная ромбовидная восьмигранная бусина и 9 пряслиц из розового шифера.

Во втором ярусе много изделий из кости: шашка, точенная на токарном станке; рукоятка и накладки к рукояткам ножа, пуговица с циркульным орнаментом, игла. Особенно интересна ложка, четырёхгранный черенок которой орнаментирован в лицевой части изящной резной плетенкой, а по остальным граням — простым зигзагом. В границах сруба № 4 обнаружены обрывки остроносой кожаной обуви и обрезки кроя из кожи. Почти на материке, в юго-западной части сруба и за его стенкой, найдены не так часто встречающиеся при раскопках вязаные шерстяные изделия: прекрасно сохранившаяся домашняя туфля-шлепанец, детский башмачок, обрывки носка. Вязка очень тщательная и красивая. По способу вязки изделия аналогичны старинным русским чулкам без пятки, которые еще в середине XIX в. вязали вкруговую при помощи одной (часто костяной) иглы⁹. Здесь же были и куски мешковины; как и вязаные изделия, они — коричневого цвета.

⁷ П. И. Засурцев. Постройки древнего Новгорода. Труды Новгородской археологической экспедиции, т. II. МИА, № 65, 1959, стр. 263.

⁸ М. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода. Труды Новгородской археологической экспедиции, т. II. МИА, № 65, 1959, стр. 228, 229.

⁹ Г. С. Маслова. Народная одежда русских, украинцев и белоруссов в XIX в.— начале XX в. В кн. «Востоочнославянский этнографический сборник». Труды Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия, т. XXXI, 1956, стр. 716.

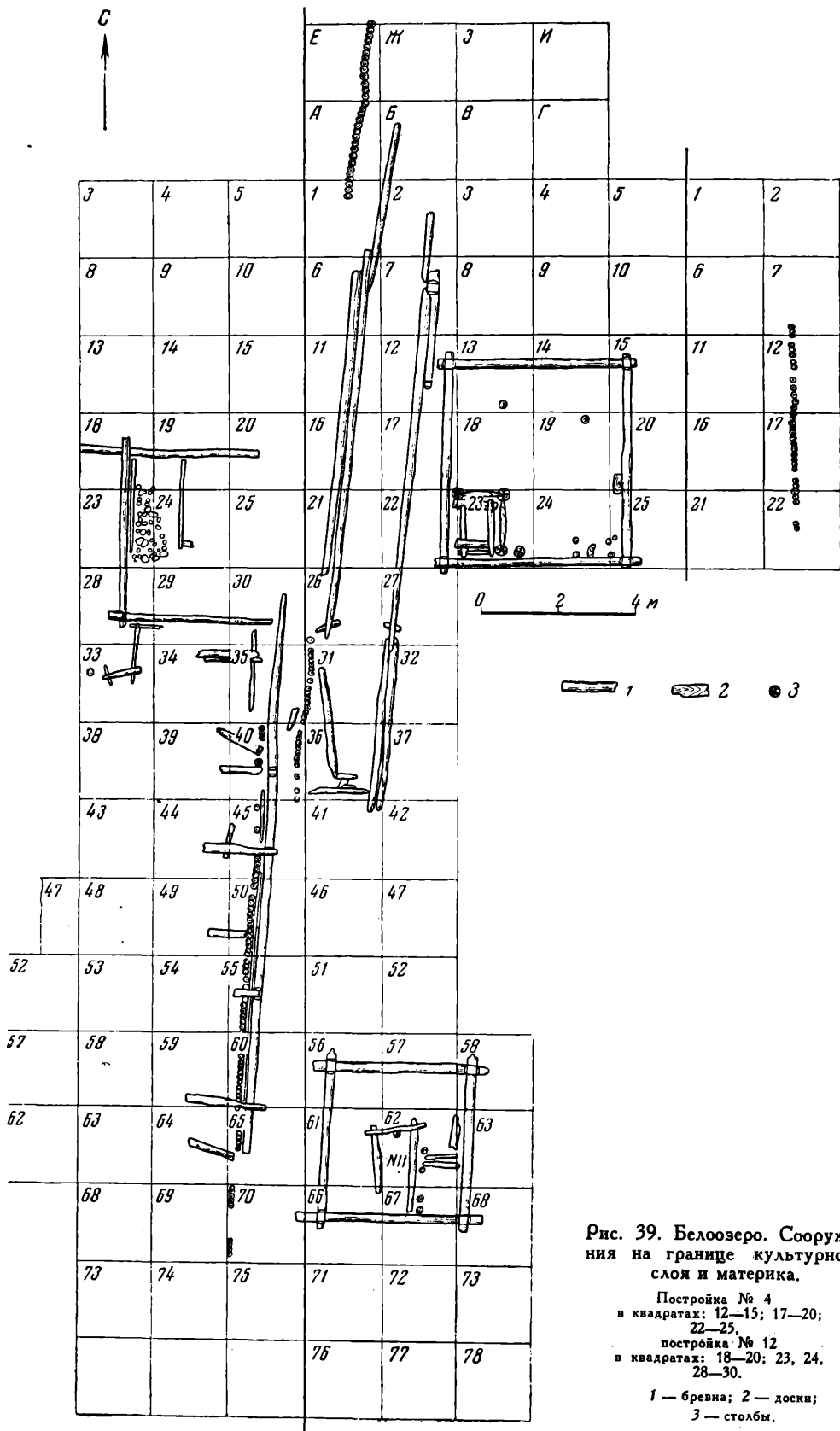

Рис. 39. Белоозеро. Сооружения на границе культурного слоя и материка.

Постройка № 4
в квадратах: 12—15; 17—20;
22—25,
постройка № 12
в квадратах: 18—20; 23, 24,
28—30.

1 — бревна; 2 — доски;
3 — столбы.

Обилие подпочвенных вод обеспечило хорошую сохранность во втором ярусе и ниже изделий из дерева. Обнаружено много поплавок из дерева и бересты, затычки, донца, крючок, ободья и пр.

Ниже мостовой второго яруса, на границе слоя щепы и материка встречены изделия, которые можно отнести к XI в. Среди них — ромбовидный черешковый наконечник стрелы и бусины: фиолетовая ребристая и две зонных синих (обе — из непрозрачного стекла), бочонкообразная, посеребренная. Часть этих бусин и 4 шиферных пряслица найдены в срубе № 4. Посуда и в этом, и во всех верхних горизонтах культурного слоя сделана на гончарном круге. Находки лепных сосудов единичны.

Подводя итоги, остановимся коротко на истории планировки вскрытого участка. Древнейшие постройки здесь — 3 жилых дома, одинаково ориентированных и расположенных: дома № 4 и 12 — наискосок друг друга, на расстоянии около 4 м, а дом № 11 — в разрез между ними, на 11—13 м южнее; он замыкает собой уличный порядок. Дата домов — конец XI в. — начало XII в. Постройки первых поселенцев стояли просторно, разделенные улицей, по ширине не уступавшей Холопьею в Новгороде, хотя и короткой.

Мы не знаем точных границ усадеб, но на юг от дома № 12 во всю длину исследованного участка (18 м) построек больше не было. Не было также застроено пространство между домами № 4 и 11¹⁰, занятое в древности, видимо, огородами.

При сооружении в середине XII в. древнейшего (второго) яруса мостовой участок в юго-восточном конце улицы оставался некоторое время незастроенным. На западной стороне улицы, вместо исчезнувшей постройки № 12, возникли два дома (№ 7 и 10), конструктивно связанные общим основанием и, возможно, находившиеся в одном владении.

В период постройки верхнего (первого) яруса мостовой в конце XII в. — начале XIII в. дом № 7 продолжал существовать, но дома № 10 уже не было. На его месте выстроен новый, причем при строительстве использованы южное и восточное бревна старого сруба, но поверх них выложены нивелирующие подкладки. Южный конец улицы замкнул дом № 8. У северо-восточного конца мостовой, на месте сгоревшей постройки № 4, возведен большой дом № 1. Между ним и домом № 8 по-прежнему оставалось незастроенное пространство, и приусадебные участки к востоку продолжали использоваться под огороды.

В последний период существования поселения мостовой и построек первого яруса уже не было.

В 236 м к востоку от раскопа XIX заложена траншея длиной 103 м для определения южной границы поселения в целом и границы древнейшего Белоозера. Направление траншеи с севера на юг выбрано с таким расчетом, чтобы пересечь наиболее возвышенную часть правого берега р. Шексны при впадении в нее ручья Васильевского (в прошлом речки Васильевской), на его западном берегу. Здесь вплоть до 30-х годов XX в. стояла часовня, выстроенная, по преданию, на развалинах древней церкви св. Василия. Летописец местного Троицкого Усть-Шехонского монастыря¹¹ относит постройку этой первой на Белоозере церкви к X в. и сообщает, что она была возведена на том самом месте и возле того камня и березы, где стояли языческие кумиры. Раскопками 1951—1952 гг. здесь обнаружен компактный слой конца IX—X вв. с рядом хорошо датированных находок и остатками

¹⁰ Это удалось установить по восточному профилю раскопа XVIII и по наблюдению за контрольной траншеей (16 × 1 м), заложеной для исследования территории к востоку от раскопа XVIII. Восточный конец траншеи достиг старого русла ручья.

¹¹ Рукопись восходит к XVII в. Один из списков (древнехранилище Погодина, № 1579, 4) хранится в Государственной Публичной библиотеке. Копии имели широкое распространение в Белоозере. Одной из таких копий, снятой в 1860 г. и сохранившейся у местной жительницы Н. А. Ширшевой, я и пользовалась.

домов¹². В приречной части города такой слой отсутствует. К сожалению, именно этот участок древнего города в значительной мере испорчен позднейшими перекопами¹³, для Белоозера вообще не характерными. Холм в основании часовни также перекопан; в нем вырыта в 40-х годах XX в. большая силосная яма. Поэтому траншея была заложена в 55 м к западу от развалин часовни — там, где можно было рассчитывать найти непо потревоженный участок культурного слоя.

Всего вскрыто 274 кв. м. К северу от реки на протяжении 34 м наблюдалась насыщенность почвы находками, остатками жилых и хозяйственных построек; мощность слоя доходила до 1,6 м. Стратиграфия сходна с наблюдавшейся в раскопах XVII—XIX. Далее к северу культурный слой постепенно уменьшался до 0,8—0,6 м. Здесь в XI—XIII вв. не было интенсивной застройки, а располагались сады или огороды. Поэтому между 44 и 56-м метрами траншеи отчетливо выявлен слой древнейшего поселения IX—X вв.

На невскрытом участке между южной и северной частями траншеи, в самой высокой точке прибрежной полосы, культурный слой XI—XIII вв. (судя по раскопам 1951—1952 гг.) значителен; это связано с проходившей здесь улицей. Затем мощность слоя вновь падает и на 129-м метре от берега р. Шексны составляет всего 0,6 м. Здесь определилась граница и древнейшего, и более позднего поселений. Далее в южном отрезке траншеи идет уменьшающийся слой почвы без культурных остатков. Таким образом, разрезка траншеи подтвердила наблюдения, сделанные ранее по материалам шурфов, что городская застройка простиралась от реки в сторону поля не более чем на 130—120 м. Поселение XI—XIV вв. было вытянуто вдоль Шексны; древнейший же поселок занимал наиболее возвышенную часть берега и тяготел не к Шексне, а к Васильевскому ручью.

Выявленный в траншее слой древнейшего поселения залегал (в виде тонкой — 0,2 м — полосы черной земли с песком) в основании верхнего горизонта культурного слоя. На участке между 46 и 54-м метром он перекрывал слой со щепой и навозом, заполнявший углубление в материке (глубиной до 1,3 м и шириной 6 м), с крутым склоном с севера и пологими краями с других сторон. На поверхности этого слоя вскрыт плохой сохранившийся настил из 23 бревен, длиной до 4,8 м, положенных вплотную друг к другу на двух лагах в направлении, перпендикулярном впадине. По центру настила перекрывали 9 бревен, уложенных в направлении северо-восток — юго-запад. Местами под настилом сохранились большие куски бересты и прослойки серой глины, которые, очевидно, должны были предохранять его от влияния подпочвенных вод. Находки в слое над настилом и под ним — одновременны. Видимо, настил служил в качестве вымостки-перехода через топкое место (или ров).

Находки 1958 г. подтвердили правильность первоначальной датировки древнейшего поселения. В слое преобладала лепная керамика с характерной для Белоозера ornamentацией твердым штампом, образующим строенные и двосенные вдавления, зигзаги и др. Здесь же найдены бусы-«лимонки» — желтые и синие, одинарные, двойные и тройные (12 экземпляров), а также круглая полосатая бусина. В слое щепы сохранилось много поделок из бересты и дерева: днища туесков (некоторые из них орнаментированы), поплавки, обломки ковша, весла и пр. Можно проследить преемственность форм и ornamentации от лепной к гончарной посуде, что существенно для выводов об этническом составе древнейшего населения Белоозера.

¹² Отчеты о раскопках на Белоозере за 1951 и 1952 гг. хранятся в архиве ИА АН СССР.

¹³ У самой часовни в 60-х годах XIX в. находилась усадьба купца Меркутина, а на берегу ручья, у запруды, стоял его дегтярный завод. В раскоп 1951 г. вошла часть построек усадьбы, разрушивших древний культурный слой.

*Н. Н. ВОРОНИН, Л. П. ГУССАКОВСКИЙ, А. В. НИКИТИН,
П. А. РАППОПОРТ, В. В. СЕДОВ*

СРЕДНЕРУССКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

В 1958 г. Среднерусская экспедиция работала в составе 6 отрядов: Суздальского (начальник — Н. Н. Воронин), Владимирского и Смоленского (начальник — В. В. Седов), отряда по изучению крепостных сооружений (начальник — П. А. Раппопорт), Кировского (начальник — Л. П. Гуссаковский) и Вологодского (начальник — А. В. Никитин). Публикуемая ниже информация написана руководителями соответствующих отрядов.

Суздальский отряд¹ вел исследование северо-западной трети Суздальского кремля в связи с предполагавшимся превращением этой незастроенной его части в парк. Первоочередное внимание привлекла площадь двух больших тиров (около 2 000 кв. м), открытых в 1942 г. и сохранивших культурный слой.

Еще при первых раскопках в этом участке кремля в 1936 г. вскрыта довольно странная картина слабой выраженности или исчезновения древнейшего, дорусского (мерянского) культурного слоя IX—X вв.; оставались лишь заполненные булыжником и углем ямы очагов-огнищ в материке и единичные обломки лепной посуды в этих ямах и около них. Прорезка контрольными поперечными траншеями северного тира, идущего непосредственно вдоль северного вала, показала ту же картину — древнейший культурный слой почти отсутствовал или отдельные ранние находки встречались вместе с вещами XII—XIII вв. и позднейшего времени. В материке обнаружены также ямы очагов-огнищ. Причины этого вскрылись при глубокой прорезке северного вала (рис. 40).

Как выяснилось, первоначальный древнейший мерянский поселок в лучине Каменки не имел земляных ограждений и, возможно, защищался легкой оградой типа тына. Впервые вал был насыпан на рубеже XI—XII вв. Его насыпь, скрытая теперь в толще существующего вала, сравнительно невысока (около 2,5 м) и была лишена внутренних деревянных конструкций. Грунт для насыпи не возили издалека, брали здесь же, снимая, вместе с материковой глиной, и весь культурный слой древнего мерянского поселка. В этой насыпи встречены обломки лепной керамики и отдельные вещи X—XI вв., перемещенные вместе с грунтом на вал. Любопытно, что с внутренней стороны вала местами были заметны как бы земляные ступени высотой 0,2—0,3 м, облегчавшие подъем. Вал сооружен, видимо, вскоре после феодальной войны 1096 г., когда князь Олег захватил Суздаль и сжег его деревянные укрепления («город»). Под насыпью вала прослежен слой пожара, а в насыпи — прослойки угля в снятом с пожарища грунте. В погреб-

¹ В составе отряда работали Г. К. Вагнер, архитектор Э. Р. Пчелкина, Т. В. Равдина, П. А. Раппопорт и В. Л. Янин.

бенном под валом слое найдены рельефная глазчатая бусина, двойная продольно-полосатая стеклянная пронизка X—XI вв. и лепная керамика.

Небольшой вал был позднее усилен, расширен и повышен новой мощной подсыпкой с внутренней стороны. При этом грунт снова брали с внутренней площадки города, срезая культурный слой с участков около вала и более

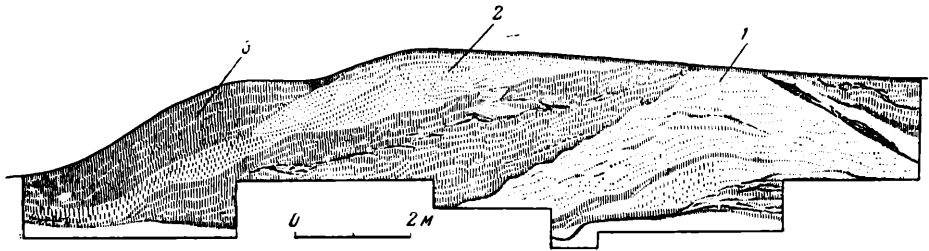

Рис. 40. Суздаль. Разрез вала в северной части детинца.

1 — ядро вала (вторая половина XI в.); 2 — слой усиления (XII—XIII вв.); 3 — поздняя подсыпка. (Лицевая сторона вала).

удаленных. В составе находок в слое присыпки встречены обломки строительных материалов и штукатурки с фреской, связанных с перестройкой собора Мономаха в 1222—1225 гг. Очевидно, усиление обороны города произведено после 1225 г. и до 1238 г.— времени татаро-монгольского нашествия. Видимо, владимирские князья знали о приближавшемся ударе и заблаговременно готовились к встрече с врагом. Можно думать, что к тому же времени относится и сооружение земляных валов посада, образовавших полукольцо укреплений, примкнувшее к кремлю с востока. Верх вала был срезан в XVIII в. для устройства ходовой дорожки; срезанный грунт спущен по лицевому склону вала.

История сооружения кремлевского вала в конце XI в.— начале XII в. и его усиления в 20—30-х годах XIII в. объясняет плохую сохранность или исчезновение культурных отложений IX—XII вв. на участках, ближайших к валу.

На площади южного тира, расположенного ближе к собору, сохранились более мощные культурные отложения, однако они связаны главным образом с поздним временем — XVII—XVIII вв., когда северо-западный угол кремля был занят огромным четырехугольником служб, сараев и конюшен архиерейского дома. Тем не менее в восточной части тира при раскопках А. Д. Варганова были открыты остатки печи для обжига извести XI—XII вв.²

В раскопках 1958 г. здесь наиболее интересными оказались следы двух крайне деформированных жилищ. Одно из них вскрыто на участке, примыкавшем к западному валу. Это наземная постройка со слегка углубленным (на 0,2—0,4 м) в материк полом и очагом-каменкой, аналогичным очагам из раскопок 1936 и 1958 гг. в северном тире. Этот тип жилища хорошо известен теперь по раскопкам мерянских поселений VI—IX вв. в Ярославском и Костромском Поволжье³. Лепная керамика, связанная с древнейшим слоем Суздальского кремля, также аналогична керамике этих поселений. Теперь совершенно бесспорно, что русскому Суздалью предшествовал мерянский поселок IX—X вв. в излучине Каменки. Подобная же картина смены мерянского поселения русским вскрылась при раскопках в Ростове и

² А. Д. Варганов. Обжигательные печи XI—XII в. в Суздале. КСИМК, вып. 65, 1956.

³ Раскопки Е. И. Горюновой.

на Сунгиревском городище около с. Доброе под Владимиром⁴. Второе жилище в виде крайне бесформенной и оплывшей ямы в материке, раскопанное лишь частично, относилось к типу полуземляночных, изученных А. Ф. Дубыниным в 1936—1940 гг. в Суздале⁵. В заполнении преобладает русская гончарная керамика X—XI вв. Видимо, население древнейшего Суздаля было в эту пору уже смешанным, мерянско-русским.

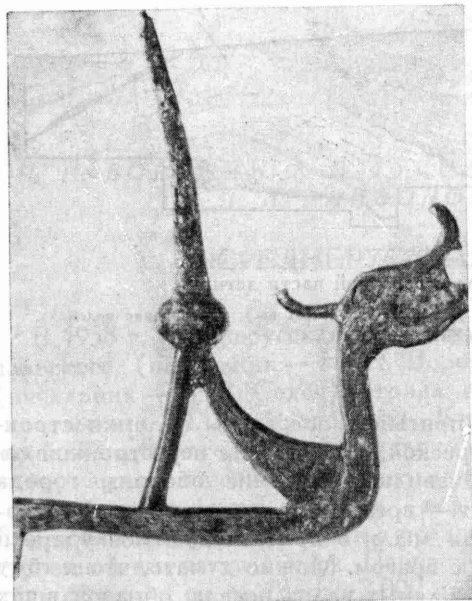

Рис. 41. Суздаль. Деталь хороса.

Кроме рядовых находок, типичных для древнерусского города XI—XIII вв., следует отметить часть бронзового литого хороса из утвари собора XIII в.; это «ветвь», оформленная в виде дракона (рис. 41) и служившая для укрепления свечей.

Особой темой работ 1958 г. была раскопка обнаруженного А. Д. Варгановым к западу от архиерейских палат развала плинфы, который, по предположению исследователя, мог относиться к кирпичному княжескому дому, построенному Владимиром Мономахом одновременно с собором в начале XII в. К сожалению, раскопки развеяли эту заманчивую гипотезу. Оказалось, что развал древней плинфы представляет собой забутку фундамента какой-то постройки XVI в., для которой был использован материал рухнувшего в

XV в. и перестраивавшегося в начале XVI в. собора. Среди собранных фрагментов интересны обломки штукатурки с фресковой росписью XIII—XV вв.

Разведочный раскоп к юго-востоку от собора (в сторону участка раскопок А. Ф. Дубынина) показал, что ближе к центру кремля, вдали от валов, культурный слой хорошо сохранился и достигает значительной мощности. Здесь собрана коллекция гончарной керамики, позволяющая уточнить ее типологическую хронологию.

При разведках в с. Кидекше — городке Юрия Долгорукого — установлено наличие к югу и северу от церкви Бориса и Глеба (вне ограды) культурного слоя XII—XIII вв., довольно бедного находками.

Владимирский отряд продолжал раскопки в г. Владимире. Раскопки, произведенные под руководством Н. Н. Воронина в 1955 г., как и его исследования в предшествующее время, показали, что нижний культурный слой древнего города целиком потревожен в результате перепланировок и городского строительства последних двух-трех столетий. В 1958 г. Владимир отмечал свое 850-летие. В связи с юбилеем Владимирский музей принял очередную попытку поисков древних напластований. Были заложены два небольших раскопа (общей площадью 200 кв. м): один — в центре города, в парке имени Пушкина, другой — на улице Козлов Вал, недалеко от Золотых ворот.

⁴ Раскопки Н. Н. Воронина.

⁵ А. Ф. Дубынин. Археологические исследования г. Суздаля (1936—1940 гг.). КСИИМК, вып. XI, 1945.

В первом раскопе древнерусского слоя не оказалось; он был полностью нарушен в более позднее время, главным образом — в XVII—XVIII вв. Под слоем XVI—XVII вв. в материке были открыты и изучены остатки полуземляночного жилища киевского типа, предварительно датированного XII в.

Раскопками у Золотых ворот исследован домонгольский слой незначительной толщины (от 0,1 до 0,4 м) и с небольшим количеством находок. В отдельных местах прослежен слой пожара 30-х годов XIII в. Изучена небольшая жилая постройка, слегка углубленная в землю.

Близ Успенского собора, в месте, размываемом весенними и дождевыми водами, обследован Мономахов вал.

В 1958 г. продолжались раскопки древнерусского поселения (Пировоселище) близ г. Вязники Владимирской области. Вскрыто свыше 1 000 кв. м площади. Изучались остатки наземных жилых построек и хозяйственные сооружения. К богатой коллекции находок прошлых лет прибавились многочисленные орудия рыболовства, серпы и косы-горбуши, изделия железообрабатывающего ремесла, разнообразные предметы украшений и вооружения, в том числе железная булава, византийская свинцовая печать и др.

Разведывательной шурфовкой обследовано новое селище, открытое на восточной окраине г. Вязники (местечко Толмачево) и названное Толмачевским. Предварительная дата его — XII—XV вв.

Смоленский отряд продолжил археологическую разведку древнерусских сельских поселений в центральных районах Смоленской земли. Обследовались бассейны рек Ливны, Свиной и Россажи и междуречье Волости и Свиной. В результате открыто свыше 30 сельских поселений, относящихся ко времени от IX до XV в., около 20 поселений раннего железного века и несколько курганных могильников. Славянских памятников старше VIII—IX вв. в обследованных районах не обнаружено.

Разведки 1958 г. подтвердили выводы, сделанные в итоге полевых работ прошлых сезонов, о приречном расположении деревень IX—XV вв. и о сравнительно крупных их размерах. Велись наблюдения также над планировкой. По характеру застройки поселения принадлежали к двум типам: большая часть имела рядовую прибрежную планировку, остальные — кучевую застройку.

Археологические раскопки велись в двух районах Смоленщины. Завершены раскопочные работы на городище Церковище (Красноармейский сельсовет Смоленского района). Еще в прошлые годы удалось доказать, что это поселение является древнерусской Войщиной, упомянутой в Новгородской летописи под 1258 г. Раскопанное теперь целиком городище было феодальным замком XII—XIII вв. Здесь изучены небольшое наземное жилище столбовой конструкции и бревенчатая стена, ограждавшая поселение с восточной стороны, где земляной вал отсутствовал. Бревенчатая стена была простейшего устройства — горизонтально положенные друг на друга бревна диаметром 28—35 см были зажаты между двумя рядами вертикальных столбов. Стена уничтожена пожаром при разорении городища литовцами в 1258 г.

В слое XII—XIII вв. найдены сошник, обломки серпов, кос-горбуш, зерна ячменя, шпоры, копья, стрелы и другие предметы.

Нижний слой городища Церковище относится к первым столетиям I тысячелетия н. э. Среди керамики десятую часть составляют обломки штрихованной, изредка встречаются фрагменты чернолощенной, характерной для среднеднепровских полей погребений.

Другим объектом раскопочных исследований было Бородинское городище и рядом расположенное селище (Дубосищенский сельсовет Глинковского района). Городище однослойное и датируется XII—XIV вв. Исследована восточная его треть, где вскрыто несколько наземных построек, распо-

ложенных по юго-восточному краю. Срединная часть площадки городища оставалась незастроенной. В отличие от жилых построек столбовой конструкции, исследованных в 1955—1957 гг. на Смоленщине (городище Церковище, селища Дросенское, Богородицкое, Березинское и Наготьское), здесь жилища строились без угловых столбов и по устройству напоминали наземные жилища Старой Рязани и других вятичских поселений (без угловых ступьев) с глинобитными печами. Наличие построек нестолбового типа на Бородинском городище объясняется тем, что восточные районы Смоленщины являются этнически смешанными — кривичско-вятичскими районами. На городище найдены и предметы, определяющие племенную принадлежность его населения — семилопастные височные кольца, решетчатые перстни, хрустальные шарообразные бусы. В 6 км севернее городища близ с. Дубосище еще в 1956 г. был раскопан вятичский курган (с кольцевой канавкой) второй половины I тысячелетия н. э.

При раскопках Бородинского городища собран разнообразный материал. Большую часть находок составляют орудия сельскохозяйственного труда: сошник, серпы, косы-горбуши, мотыги. Кроме того, найдены шпоры, стремена, удила, копья, наконечники стрел, шиферные пряслица, очень много различных предметов украшения и др.

Изучение материалов из раскопок Бородинского городища, Церковища, как и исследованного ранее Ковшаровского городища, позволяет считать их поселениями сельского типа. Вместе с тем некоторое своеобразие находок и вскрытые укрепления выделяют из среды основной массы сельских поселений Смоленщины эти городища, которые следует считать древнерусскими феодальными замками. Возникновение феодальных замков на Смоленщине относится к концу XI в. — первой половине XII в.

Исследования Бородинского селища не дали значительных результатов. На раскопанном участке каких-либо построек не оказалось. Найдены медные привеска-конек и витой браслет, а также шиферное пряслице, ножи и др.

Отряд по изучению крепостей, как и в предыдущие годы, свою работу полностью подчинил плановой теме, посвященной изучению древнерусского военного зодчества. Обследовались остатки древних русских укреплений на территории Псковской области⁶. Закончено начатое в 1956 г. обследование древних псковских пригородов, а также древних укреплений, расположенных на юго-западной границе Новгородской земли. По согласованию с экспедицией Академии наук СССР по уточнению места Ледового побоища обследованы древние городища на восточном берегу Чудского озера, всего — 24 пункта.

Работа отряда заключалась главным образом в глазомерной съемке и нивелировке городищ, изучении остатков оборонительных сооружений и сборе подъемного материала. В тех случаях, когда вопросы датировки вызывали сомнение, закладывали разведочные шурфы, а на двух городищах (Старое Порховское и Котельнское) проведена частичная прорезка валов.

Несколько особняком стоит работа на двух раннеславянских поселениях — городище у дер. Митковицы и поселении у Чернецкого погоста.

1. Городище Городачек близ дер. Митковицы (Печорский район) расположено на отдельной горе с крутыми склонами, возвышающейся над широкой долиной. Площадка городища — неправильно овальной формы, соответствующей форме горы. Ни валов, ни следов подрезки склонов нет. Размер площадки — 55×30 м; средняя часть ее выше, края понижаются к северо-востоку и юго-западу. В настоящее время площадка задернована, но, по словам местных жителей, раньше распахивалась. Судя по зачистке обре-

⁶ В работе принимали участие И. Н. Коробков и А. М. Голотон.

зов ям, в средней части площадки культурного слоя нет и прямо под дерном лежит материковая глина.

По краям площадки культурный слой сохранился⁷. В северной части ее заложен шурф, показавший, что толщина культурного слоя достигает 0,2—0,25 м. Слой, по-видимому, сильно поврежден распашкой; он насыщен

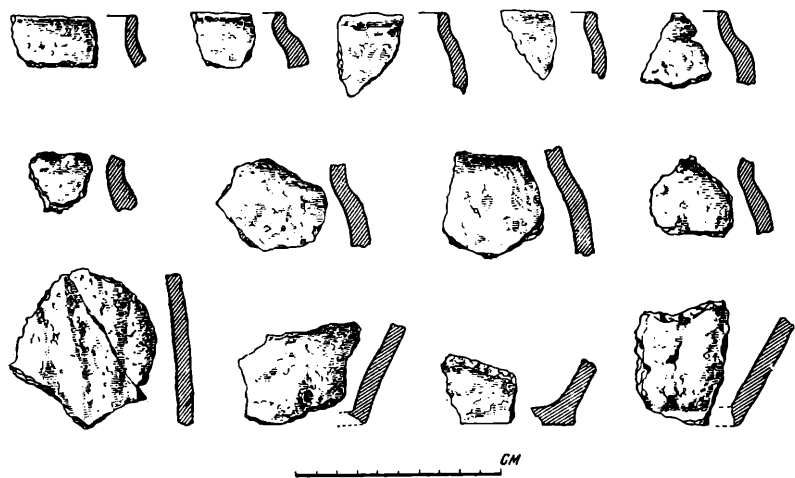

Рис. 42. Керамика с городища у дер. Митковицы.

костями животных (обнаружены кости медведя, лося, грызуна, овцы, свиньи, крупных рыб), углями, кусочками обожженного дерева, мелкими фрагментами березовой коры. Встречаются фрагменты керамики (рис. 42). Вся она лепная. Сосуды (по-видимому, — исключительно горшки) имеют стенки толщиной от 6 до 14 мм. Поверхность их неровная, слегка бугристая, не орнаментированная. Тесто грубое, оранжево-коричневое снаружи, серое в изломе, с большой примесью довольно крупных зерен кварца. Венчики сосудов слегка отогнутые, плечики слабо выражены. Судя по тождественности с керамикой нижних слоев Труворова городища в Изборске, а также с сосудами Старой Ладоги, найденные образцы керамики можно датировать в пределах от VIII до X в.

2. В 1 км к юго-западу от Чернецкого погоста (теперь у дер. Алексино Опочецкого района), на левом берегу р. Черницы расположена площадка размером приблизительно 190×90 м, слегка приподнятая над окружающей низиной (рис. 43). Здесь на пашне встречается подъемный материал — славянская лепная керамика того же типа, как на городище у дер. Митковицы. Там же попадают единичные фрагменты керамики XIV—XV вв.

В северной части площадки возвышается насыпь, называемая местными жителями «сопка». Насыпь круглая в плане; диаметр ее по основанию — около 30 м. В средней части насыпи — углубление. Максимальная высота в восточной части достигает 3,6 м. Шурфы показали, что «сопка» насыпана из темно-коричневой земли с пятнами черной земли и супеска. Здесь найдено несколько фрагментов лепной посуды, идентичной керамике, встречающейся и на площадке вокруг «сопки». Очевидно, «сопка» представляет собой курганную насыпь, сооруженную на месте поселения VIII—X вв. и относящуюся ко времени не древнее IX—X вв.

⁷ Городище Городачек у дер. Митковицы впервые было обследовано в 1935 г. Л. Ф. Зуровым.

Приблизительно в 0,5 км от площадки сохранилась группа курганов, имеющих форму полушария.

На самом Чернецком погосте никаких следов городища не сохранилось, а все находки относятся ко времени не древнее XVII—XVIII вв. Таким образом, точное местоположение городка Черница; упомянутого в «Списке русских городов», осталось невыясненным⁸.

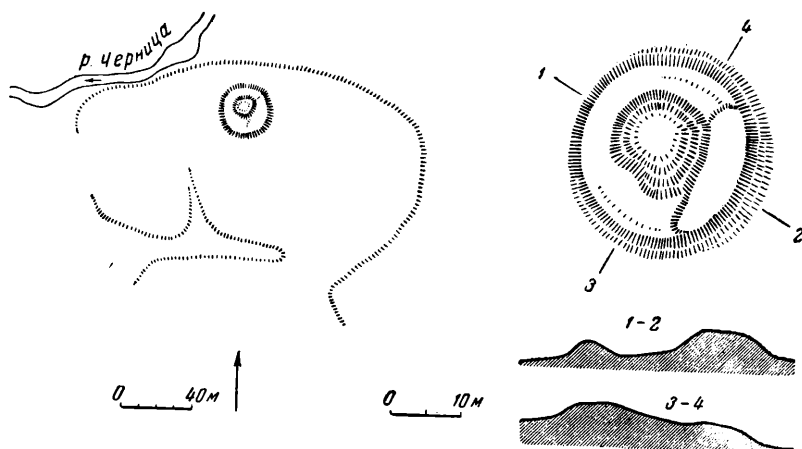

Рис. 43. Поселение на берегу р. Черница.

Кировский отряд (работающий совместно с Кировским областным краеведческим музеем) продолжал археологические исследования на территории города Кирова и в Кировской области⁹.

В результате работ 1956—1957 гг. на территории кремля города Кирова обнаружен мощный древнерусский культурный слой, содержащий остатки мостовых, жилых и хозяйственных сооружений XIII—XVI вв. Материалы 1958 г. подтвердили эти даты.

Основные работы были сосредоточены на древнерусском городище в с. Никульчино Кировского района. Городище расположено на высоком правом берегу р. Вятки, недалеко от устья р. Чепцы. С севера и северо-запада мыс городища отделяется от плато глубоким оврагом. С напольной стороны площадка защищена высоким валом и глубоким рвом (с южной стороны вал частично разрушен). Мысовая часть ограждена вторым, — очень оплывшим, — внутренним валом. Городище обрушивается со стороны реки, и сейчас его площадь равна примерно 10 000 кв. м.

В северной части городища заложено несколько небольших раскопов общей площадью 220 кв. м. В ходе работ вскрыты плохо сохранившиеся остатки наземных и полуземляночных жилых и хозяйственных построек, подпольные и хозяйственные ямы, развалы печей и очагов.

Остатки полуземляночного жилища представляли прямоугольную в плане яму глубиной от уровня материка на 0,6 м и ориентированную с северо-запада на юго-восток. В северо-восточной стороне жилища — широкие, невысокие ступеньки входа. У юго-восточной стенки обнаружен небольшой полукруглый выступ с развалом обожженной глины, по-видимому, от разру-

⁸ М. Н. Тихомиров. «Список русских городов дальних и ближних». «Исторические записки», т. 40, 1952, стр. 256.

⁹ В работе отряда принимали участие студенты Кировского педагогического института, пионеры и школьники города и области, а также краеведы — рабочие завода имени 1 Мая.

шенной печи. Дно полуземлянки перекрыто сплошным слоем сгоревшего дерева и угля. Материалы в нижней части заполнения позволяют датировать жилище XIII—XIV вв.

Интересно другое, — сильно разрушенное, — жилище, сохранившееся в виде ямы неправильной формы (3,5×3,5 м при глубине 1,1 м). В юго-западной части вскрыты остатки разрушенной вспашкой печи (или горна?) — развал обожженной глины, крупных кусков обмазки и многочисленных шлаков. Керамика, непосредственно связанная с печью, позволяет отнести ее к XIV—XV вв. Центральная часть ямы была перекрыта тонкой глиняной прослойкой, под которой в заполнении найдены вещи и керамика XII—XIII вв. (копье, 2 ножа, нож с костяной рукояткой, ножницы, пробой, остатки цепи, часть металлической шпильки, железное кольцо, обломок костяного кочедыка, два каменных пряслица, обломок калачевидного кресала с язычком, относящегося к X—XII вв.). Вторая глиняная прослойка (6—8 см) отделяла слой донной части ямы (10—12 см), где найдены предметы иного облика (каменное пряслице со сверленным ямочным орнаментом, тонкая выпуклая бронзовая бляха, обломки железной трубы, обух топора раннего типа, железный наконечник стрелы XI в.). Вероятно, яма, вырытая в X—XII вв., вторично использовалась в XII—XIII вв.

От третьего жилища уцелела подпольная яма (4×3,5 м при глубине 1,6 м), где обнаружен развал печины, вероятно, от сползшей сюда печи. Найдены обломок костяной рукоятки ножа, железная шпора XIII—XIV вв., часть жернова, куски обгорелой бересты, обломки железной сковороды и трубчатого замка XIII—XIV вв., костяная поделка. В нижней части ямы встречены шиферное пряслице, подвеска-образок, железные квадратные пряжки от конской сбруи XII—XIII вв. На дне второй хозяйственной ямы (2×2 м при глубине 0,6 м) найдена пластинка от панцирного доспеха XII—XIII вв. Характер находок позволяет определить раннюю дату этого комплекса рубежом XII и XIII вв.

Древний Никулицын, видимо, был в первую очередь военно-административным центром. Об этом свидетельствуют остатки мощных оборонительных укреплений и большое количество находок оружия и предметов военного снаряжения: железные наконечники стрел различных типов XII—XIV вв. (9 экземпляров), наконечник копья и вток, пластинки от панцирных доспехов XII—XIV вв. (4 экземпляра), колечко от кольчуги, удила и их части, псалий XII—XIII вв., шпора конца XIII в. — начала XIV в.¹⁰, звездочка от шпоры, квадратные пряжки от сбруи XII—XIV вв. (3 экземпляра).

В городке была развита и ремесленная деятельность. На обработку железа указывают многочисленные железные шлаки и крицы, найденные в комплексе с вещами XIII в. — XIV в. Местные ремесленники обрабатывали кость и камень. Особого внимания заслуживает производство пряслиц из мягкого серого камня; найдены заготовки и отходы этого производства, позволяющие почти полностью проследить весь технологический процесс, сходный до деталей с выделкой шиферных пряслиц. Предметы ювелирного дела представлены подвеской-образком с погрудным изображением, вероятно, св. Николая, обломком пластинчатого браслета, наконечником от пояса, покрытого чернью, обломком серебряной накладки от пояса; небольшим серебряным перстнем. О местном производстве подобных изделий свидетельствуют находки фрагментов небольших тиглей.

Гончарное производство включало широкий ассортимент глиняной посуды, начиная от небольших мисок и кончая довольно крупными (до 35 см в диаметре) горшками. Керамика распадается на 3 группы: 1) лепная дорусская; 2) русская XII—XIII вв., аналогичная керамике русского поселения в Березовке XII—XIII вв. и других древнерусских памятников; 3) русская

¹⁰ Дата псаля и шпоры определены А. Н. Кирпичниковым.

XIV—XVI вв., аналогичная керамике из соответствующих слоев древнерусских городов.

Среди бытовых предметов, представленных довольно широко, встречены 22 железных ножа, ножницы, 3 трубчатых замка, 2 ключа, врезной замок, замок XV—XVI вв., сковорода, бронзовая дужка от котла, долото, тесло, крючки и шпильки, глиняные и каменные пряслица (одно — из красного шифера), пряслица, сделанные из стенок сосудов, детская глиняная свистулька, глиняный хлебец и т. д. Особо интересна находка металлического стиля для письма на бересте, подобного стилям из раскопок в Новгороде.

Сельскохозяйственное производство характеризуется пока немногочисленными материалами (коса-горбуша, часть жернова, обгорелые зерна ржи).

Материалы раскопок позволяют относить возникновение русского города Никулицына к рубежу XII и XIII вв. Незначительная толщина культурного слоя (до 0,4 м), нарушенного неоднократной глубокой вспашкой, не позволяет на большей части раскопанной площади четко проследить стратиграфию, хотя во многих местах на материке замечены вкрапления древнего, дорусского культурного слоя. Можно полагать, что русский город Никулицын был основан на месте древнего удмуртского поселка.

Вологодский отряд провел раскопки курганов близ дер. Степаново (Бабаевский район), а также археологические разведки по р. Сухоне и в прилегающих к ней районах.

В курганной группе на берегу р. Вешары из 115 насыпей типа «жальников» раскопаны четыре. Две оказались пустыми, но с хорошо видной подсыпкой из белого речного песка и включениями угля. Следов трупосожжения нет. Два других кургана — с групповыми труположениями, без вещей. Ориентация большинства погребений — головой на восток. В первом кургане один из погребенных положен в ногах группы, головой на север; во втором — один из трех костяков обращен головой на запад. Датировать курганную группу можно XI—XII вв., так как в одном из курганов школьниками найдены германские монеты X—XI вв., использованные как подвески, а также витые браслеты и кольца.

До настоящего времени на Сухоне было известно только приблизительное расположение городищ и укреплений. Разведочные работы по Сухоне между Вологодой и Великим Устюгом ограничились осмотром памятников, съемкой планов и сбором подъемного материала. Всего обнаружено 9 городищ двух типов.

Городища Шуйское, Верхне-Толшемское, Спасское, Тарногское и Ивасское относятся к традиционному виду городищ, расположенных на мысах при впадении рек или крутых изгибах русла. У большинства городищ хорошо сохранились следы глубоких рвов и валов со стороны плато. Все ли они принадлежали славянам, — решить трудно, но на некоторых городищах (Шуйском, Тарногском, Спасском) была найдена славянская керамика.

Второй тип — это укрепления позднего времени (возможно, XV—XVI вв.). К ним относятся Брусенецкое, Бобровское, Старо-Тотемское, Городишна. Все они очень свободно расположены на местности, лишены валов, а иногда и связи с водными преградами; заметны следы эскарпирования (Брусенецкое, Бобровское) и искусственного приспособления к местности. Характерно, что до настоящего времени почти все они сохранили название «городок» или «город», а не городище. Можно предполагать, что укрепления этого типа носили военный характер и, вероятно, первоначально были связаны с новгородской колонизацией бассейна Сухоны, а затем — с Московским государством, стремившимся контролировать наиболее важные водные артерии Севера.

Л. В. АЛЕКСЕЕВ

РАСКОПКИ ДРЕВНЕГО БРАСЛАВА

Город Браслав (современный районный центр Витебской области БССР) — средневековый Бряславль (по предположению некоторых, — древний Брячиславль) — не был упомянут древнерусскими летописями XII в. Первое сообщение о нем мы находим лишь в малоизученных, сравнительно поздних западнорусских летописях, достоверность сведений которых после тенденциозного использования их М. Стрыйковским в XVI в. принято считать сомнительной. В так называемом Летописце Быховца сообщается, что владения литовского князя Кернуса простирались до Браслава и до Двины. Однако, если верить этому источнику, Браслав, по-видимому, оставался русским городом, так как позднее «Кернус и его брат Гимбут, желая увеличить свои земли, собрали силы свои литовские и жмудские и пошли на Русь к Браславу и Полоцку и Руси много зла причинили»¹. Рассказывая об этой первой победе Литвы над Русью, М. Стрыйковский датирует ее, по неизвестным нам источникам, 1065 г.²

О том, как долго просуществовал Браслав в качестве русского города, — летопись молчит. Судя по известию Генриха Латвийского о построении магистром Эрнестом возле русско-литовской границы крепости Динабург (около 1248 г.), можно предполагать, что Браслав, расположенный в 50 км к востоку от этого города, находился еще в пределах Полоцкой земли³.

В состав Литовского государства Браслав вошел, по-видимому, в конце XIII в., и с этого времени некоторые скудные сведения о нем изредка начинают мелькать в документах⁴. Известно, что в начале XIV в. этим городом непосредственно владел великий князь литовский, а вскоре после объединения Литвы и Польши по Кревской унии (1385 г.) Браслав-Литовский (в отличие от Браслава-Подольского) стал во главе повета.

С XVI в. начинают поступать сведения об упадке Браславского замка как «фортеции», с одной стороны, и о расширении и увеличении города вокруг Замковой горы, — с другой. Так, в документе 1520 г. замок назван уже «городищем», в городе же, у его подножия, судя по «Инвентарю г. Браслава 1554 г.», были Великая улица (над озером Дривято — современная ул. Ленина), Рынок, 110 домов и т. д.

Через 135 лет Варшавским сеймом 1655 г. было признано, что браславская фортеция «z dawna opadła» (давно пришла в негодность), и на нее перестали обращать внимание.

¹ ПСРЛ, т. XVI (СПб., 1907), стр. 476, 477.

² М. Strzykowski. Hronika, I, стр. 86.

³ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Л., 1938.

⁴ Все дальнейшие архивные сведения по истории Браславского повета добросовестно собраны и опубликованы историком Браславского повета О. Гедеманом (O. Hede-man n. Historia powiatu Braslawskiego. Wilno, 1930).

Таковы краткие сведения из истории Браславского городища по письменным данным.

В исторической литературе Браслав неоднократно упоминался исследователями, из которых большинство безоговорочно связывало его название (и возникновение) с полоцким князем Брючиславом (1001—1044 гг.). В упомянутом специальном исследовании О. Гедемана история Браслава занимает немалое место, однако и здесь, вследствие скудности письменных источников, его ранней истории уделена лишь половина страницы.

Археологические остатки древнего Браслава мало привлекали внимание исследователей. Упоминание М. Балинского и Т. Липинского, довольно подробное сообщение о городище в «Виленском вестнике», указание М. Мельникова на находку там древних (судя по описанию, — каннелированных) кирпичей⁵ — вот почти все, чем мы располагаем.

Браславское городище находится в центре города, на перешейке между озерами Дривято и Новято, на высокой горе (14 м), доминирующей над местностью (рис. 44). Вал городища, окружавший в древности площадку со всех сторон, достигает теперь высоты от 3—4 м (на юго-востоке, где он распахан) до 9 м (на северо-западе, у памятника Нарбурту)⁶. В юго-восточном углу площадка понижается — здесь брали землю для постройки городской церкви в начале XX в. Площадка (200×100 м) не застроена и представляет обширный луг.

В окрестностях городища в трех местах известны остатки погребений, которые, вероятно, можно связывать с древним городским некрополем⁷. Ближайшие археологические памятники — обширная курганная группа в Бальмонтах, а также городище и курганы в Рацком бору (все — на берегах озера Дривято)⁸.

Археологическое изучение культурных слоев древнего Браслава проводилось Полоцко-Прибалтийским отрядом Прибалтийской комплексной экспедиции Академии наук СССР в 1955—1956 гг.⁹ После зачистки в юго-восточной части городища, где были обнажения и удалось установить наличие домонгольских слоев, работы перенесены на северную часть площадки. Здесь в течение 2 лет были заложены траншея трехметровой ширины, перерезавшая вал (под прямым углом) и площадку, а также раскопы I—V (общей площадью с раскопом на валу — около 400 кв. м).

В ходе работ выяснено, что культурный слой городища, в общем хорошо сохранившийся, достигает максимальной мощности (1,6 м) возле валов, по-

⁵ М. Baliński, T. Lipiński. *Starożytna Polska*, III. Warszawa, 1846; стр. 286; «Виленский вестник», Вильно, 1892, № 161; М. Мельников. *Новые вести из Браславской окраины*. Ковно, 1908, стр. 20.

⁶ На северо-западной части вала, на самом высоком его месте, в 1930-х годах возведен огромный цементный обелиск — памятник местному врачу Нарбурту.

⁷ Из 10 курганов, расположенных в 2 км к юго-востоку от Браслава (пригород — Заборные Гумны), в 1893 г. Ф. В. Покровским было раскопано шесть (Ф. В. Покровский). Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии. *Труды IX АС в Вильне*. М., 1898, стр. 176—180). Выяснилось, что могильник состоял из двух частей: западной, содержавшей сожжения, и восточной, где находились труположения на материке; это позволило автору раскопок, а вслед за ним Е. и В. Голубовичам предположить совместное захоронение на данном могильнике литовцев и славян (Е. Голубович и В. Голубович. Славянские поселения правобережной Дисны в Вилейском округе БССР. КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 127, рис. 53 — карта). По свидетельству местных старожилов гр. Жаррика и П. П. Янушкевича, какие-то захоронения обнаружены ими на территории современного города при земляных работах 20-х годов у здания почты и у железнодорожной станции узкоколейки.

⁸ Ф. В. Покровский. Указ. соч., стр. 181—197.

⁹ В работах принимали участие Л. В. Алексеев (начальник отряда), кандидат филологических наук Г. С. Кнабе (1955—1956 гг.), Т. В. Равдина (1956 г.), М. Д. Жигалина (1955 г.), В. Г. Будай (1956 г.), А. З. Чекалова (1956 г.), чертежник В. Лукьянова (1955—1956 гг.), топограф Н. В. Чувашев (1955 г.). Большую помощь отряду оказал учащийся браславской школы-десятилетки И. Петровский.

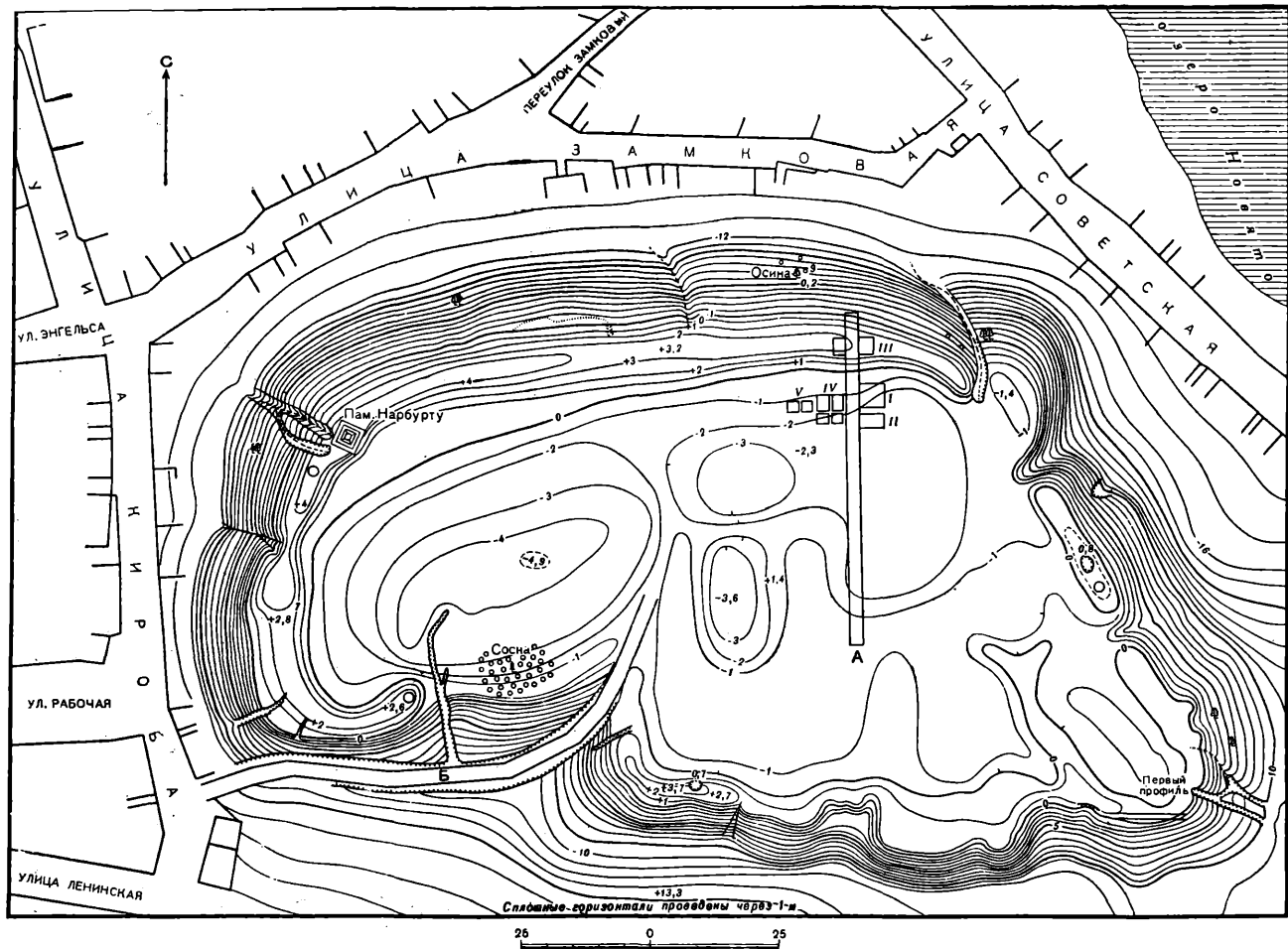

Рис. 44. Браслав. План городища.

I-V — раскопки; А — траншея I.

степенно выклинивается к центру городища (0,25 м) и состоит из трех, отчетливо видимых в профилях, культурных напластований (рис. 45)¹⁰.

Верхний культурный слой. Цвет культурного слоя, начинающегося под пахотным, — коричнево-бурый. Следует полагать, что мощность слоя (сейчас — 0,2—0,25 м) некогда была значительно больше. На глубине

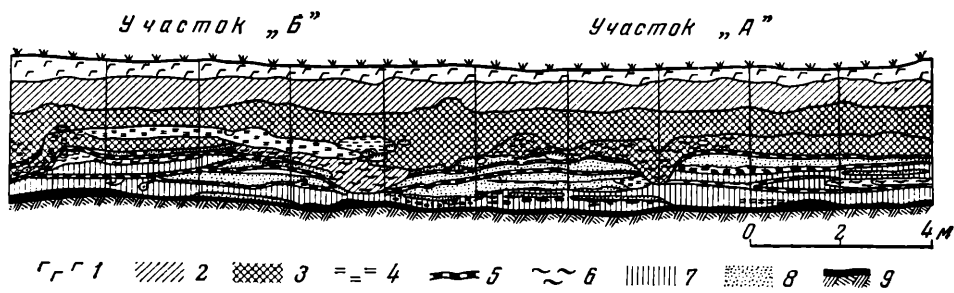

Рис. 45. Браслав. Северный профиль бровки 2 раскопа IV.

1 — гумус и пахотный слой; 2 — верхний культурный слой XIV—XV вв.; 3 — средний культурный слой XI—XII вв.; 4 — обожженная глина; 5 — прослойка пожара; 6 — зола; 7 — нижний культурный слой; 8 — песок; 9 — материк и слой погребенной почвы.

около 0,3 м, например, в слое обнаружено погребение человека, которое, несомненно, залегало гораздо дальше от поверхности¹¹.

Остатков каких-либо сооружений не найдено. Мало и находок; они не оригинальны и в большинстве случаев относятся к XIV—XV вв. Здесь обнаружены: литовская монета («кейстувка»), датируемая XV в. или самым концом XIV в.¹², ромбовидная стрела так называемого «гнездовского типа второй разновидности» (рис. 46—6) по классификации А. Ф. Медведева (XIV—XV вв.)¹³, ключи от лабиринтообразного замка (XV в.) и от пружинного замка (XIV в. и позднее; рис. 46—5)¹⁴, очень большое количество гвоздей и т. д. Среди вещей более раннего времени, попавших в слой в результате перекопов, можно указать бронзовый бубенчик с крестообразной прорезью (XI—XII вв.), фрагмент трапециевидного костяного гребня (XI—XII вв.) и несколько пряслиц из розового шифера. Более интересна керамика слоя.

Встречено большинство видов гончарной керамики, характерной для памятника. Однако наиболее часто попадались лишь некоторые; укажем главные из них:

1. Уступчатая керамика (рис. 46—1). Представлена горшками, чаще буро-коричневого цвета, с резким уступом на плечике, наклонной или

¹⁰ Следов современных сооружений, кроме упомянутого памятника Нарбурту, на городище нет. По свидетельству бывшего владельца браславской Замковой горы гр. Жарыка, площадка ее искони распахивалась владельцами [при этом постоянно находили древние предметы — «костяшки от счетов из розового камня» (как здесь называют шиферные пряслица), ножи и т. д.]. В 1927 г. городской магистрат откупил гору для устройства городского сада, следы дорожек которого хорошо видны при косом, освещении солнца и обнаружены нами при снятии дерна.

¹¹ Сохранились лишь череп и верхняя левая часть скелета; таз и ноги отсутствовали, уничтоженные позднейшей ямой. Очевидно, погребение надо связывать со зданием церкви, некогда стоявшей на Браславском городище, фундаменты которой частично обнаружены в центре площадки в траншее 1.

¹² Монета любезно определена заведующей отделом нумизматики ГИМ Н. Д. Мец.
¹³ А. Ф. Медведев. Оружие Новгородского Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 165, рис. 13, 17.

¹⁴ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгородского Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 84; его же. Хронология новгородских древностей. СА, 1958, № 2, стр. 96. Первый ключ — типа Е, второй — типа Ж. Определение второго ключа принадлежит Б. А. Колчину.

вертикальной шейкой и небольшим венчиком, всегда оттянутым наружу. Стенки довольно толстые (7—9 мм). В качестве отощителя в тесте часто использовались крупные зерна кварца. Обжиг хороший, однако в изломе черепка нередко видна слоистость — результат неравномерного нагревания в горне.

Венчики подобных сосудов публиковались неоднократно. Есть они в «ранних городищах Москвы», где П. А. Раппопорт датирует их XIV—XV вв.¹⁵ Встречаются они, по-видимому, и в Новгороде¹⁶. В собственно Белоруссии подобные сосуды обнаружены А. Н. Лявданским в Орше¹⁷.

2. Слабопрофилированная керамика. Представлена горшками светло-серого или бурого цвета; горло широкое, ярко выраженная шейка отсутствует. В целом сосуд часто имеет «тюльпановидную» форму. Обжиг — средний; в качестве отощителя в тесте чаще применялась мелкая дресва (рис. 46—4). Сосуды подобных форм известны в слоях XIII—XIV вв. Владимира¹⁸, XI—XIII вв. — Ярославля¹⁹. В Новгороде, судя по указанной публикации Г. П. Смирновой, их нет.

3. Сосуды с раздутым туловом, без шейки и с венчиком в виде валика (рис. 46—3). Горшки этого типа обычно хорошо обожжены, поверхности их заглажены. В качестве отощителя к глине примешивались песок или мелкая дресва. Цвет черепков — серо-желтый, иногда бурый. В Браславе находки их не слишком часты и встречаются, главным образом, в верхнем слое. Подобные сосуды найдены в слоях XIII—XIV вв. Гродно и в слоях XV в. Ярославля²⁰.

4. Сосуды с вертикально поставленной шейкой и выпуклым округлым туловом (рис. 46—2). Горшки данного типа тонкостенные, хорошо обожженные. При выработке их применялась дресва в виде довольно крупных зерен кварца. Разновидности этого типа встречаются в слоях XII—XIII вв. Виты Поштовой (верхняя «прослойка»)²¹ и Старой Рязани²²; образцы таких горшков известны на раннемосковских городищах, обследованных П. А. Раппопортом²³. Известны они в Ярославле (слои XI—XIII вв.)²⁴, в Чернигове²⁵, на древнерусском поселении XIII—XIV вв. в Болгарах²⁶, в ярусах XIV и XV вв. Новгорода²⁷ и других местах.

На основании перечисленных выше находок, — индивидуальных и массовых, — представляется правильным датировать верхний слой Браслава XIV в. (может быть, — концом XIII в.) — XV в. (вероятно его началом).

¹⁵ П. А. Раппопорт. Обследование раннемосковских городищ в 1954 г. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 126, рис. 46. Прямую аналогию браславскому первому типу представляют только 2 фрагмента (рис. 46—3 с городища Баранова Гора). Среди опубликованных материалов, на которые опирается П. А. Раппопорт при датировке своей 1-й группы, прямых аналогий браславским типам нет.

¹⁶ Г. П. Смирнова. Опыт классификации керамики древнего Новгорода. МИА, № 55, 1956, стр. 246, рис. 8, 4 (и правее, без номера).

¹⁷ А. Н. Лявданский. Археологічнія дослѣды у Аршанскай акрузе. Записки адзелу гуманітарных навук, кн. II. Працы археологічнай камііі, Менск, 1930, стр. 39, табл. I, 2.

¹⁸ Н. Н. Воронин. Оборонительные сооружения Владимира XII в. МИА, № 11, 1949, стр. 235.

¹⁹ Н. Н. Воронин. Раскопки в Ярославле. МИА, № 11, 1949, стр. 86, рис. 10, 2.

²⁰ Н. Н. Воронин. Раскопки в Ярославле, рис. 9, 9; его же. Древнее Гродно. МИА, № 41, 1954, стр. 169, рис. 90, 3; j. Jodkowski. Świętynia warowna na Kotozu w Grodnie. Grodno, 1936, стр. 39.

²¹ П. А. Раппопорт. Обстеження городищ в районі Київа у 1950 р. «Археологія», т. VII, Київ, 1952, стр. 144.

²² А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, № 49, 1955, рис. 85, 1, 2.

²³ П. А. Раппопорт. Обследование..., стр. 126, рис. 46, 22, 23, 25.

²⁴ Н. Н. Воронин. Раскопки в Ярославле, рис. 9, 10 (шестой и девятый слева).

²⁵ Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, № 11, 1949, рис. 30.

²⁶ Т. А. Хлебникова. Древнерусское поселение в Болгарах. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 145, рис. 51—5.

²⁷ Г. П. Смирнова. Указ соч., стр. 245, рис. 7, 5 (рисунок сосуда без номера между № 8 и 9); стр. 246, рис. 8, 3.

Средний слой. Мощность его — до 0,6—0,7 м. Окраска темно-серая, золистая. В нижних горизонтах часто видны включения небольших угольков. В самом верхнем горизонте — в траншее 1 и раскопе I (1955 г.) — обнаружены остатки нижнего венца небольшого (4×4 м) деревянного дома, рубленного «в обло», углы которого покоились на небольших камнях-стульях. Дом был ориентирован по валу; глинобитный пол состоял из утрамбованных кусочков плотной глины. Печь находилась, по-видимому, вблизи северного угла, где найдено большое скопление красной глины. Непосредственно под домом выявились остатки обгорелых досок пола более раннего сооружения, погибшего от пожара; они лежали в направлении юго-восток — северо-запад. Нижний дом (№ 2) был расположен несколько иначе, чем предыдущий; сохранившаяся часть его пола выходила за пределы предыдущего сруба. Других остатков нижнего сооружения обнаружить не удалось; очевидно, они были уничтожены при возведении верхнего.

В раскопе IV (1956 г.), в 2 м к юго-западу от дома № 1, расчищены остатки небольшого сруба, от которого сохранились лишь следы северного и западного бревен нижнего венца. Уровень залегания сруба, его расположение, размеры (длина северо-западной стенки — 2,2 м), отсутствие печи и характер находок вокруг позволяют предположить хозяйственное назначение сооружения, может быть, входящего в комплекс построек, относящихся к дому № 1 (1955 г.) и, во всяком случае, одновременного с ним.

Среди датирующих предметов в среднем слое встречены: большинство из найденных шиферных пряслиц, почти все трапециевидные гребни (XI—XII вв.), несколько калачевидных кресал с язычком (до XI в.), ключ от висячего цилиндрического замка XI в. (рис. 46—17)²⁸, почти все многослойные ножи (X—XI вв.), довольно много ножей с торцовой наваркой, боевой топор XI в. (рис. 46—25)²⁹ и др. Здесь же обнаружены 2 железных писала-стиля, форма которых, по мнению А. Ф. Медведева, характерна для второй половины XII в.—XIII в. (рис. 46—13, 27). К среднему же слою относится большинство украшений, среди которых датирующими являются бусины (синестеклянная, зонная — X—XI вв.³⁰; сердоликовая призматическая и бипирамидальная, золотостеклянные), несколько бронзовых подковообразных пряжек, ряд бронзовых браслетов и перстней (рис. 47) и др.

К верхнему горизонту среднего слоя относится единственная находка в Браславе гладкого стеклянного браслета. Большинство предметов домашнего обихода, украшений и т. д., т. е. вещей хранившихся, как правило, в доме, обнаружено в раскопах I и II (там, где вскрыто жилище); напротив, в раскопе IV преобладали ножи, долота, кресала, предметы конской упряжи и найден также боевой топор и т. д. Там же впервые обнаружено большое количество обгорелых зерен различных культур.

Керамика среднего слоя кардинально отличается от керамики верхнего. Здесь встречены сосуды мягкопрофилированных форм (так называемый «курганый тип»; рис. 46—7—9, последний — из верхнего горизонта), со сравнительно развитым венчиком, дающим в разрезе плавную изгибающуюся линию, часто напоминающую латинскую букву S. В зависимости от наклона венчика или от его прямого положения сосуды разделены нами на 2 подтипа. Сосуды хорошо обожжены, желтоватого или бурого цвета, поверхности аккуратно заглажены. В качестве отошающей примеси использованы либо мелкая дресва, либо песок, либо то и другое вместе. Посуда из нижнего горизонта слоя сделана несколько грубее.

²⁸ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого, стр. 80, рис. 6.

²⁹ Там же, стр. 25.

³⁰ Ю. Л. Шапова. Стеклоплавильное ремесло древнего Новгорода. МИА, № 55, 1956, стр. 166, 167.

Керамика этого типа весьма широко распространена, хорошо известна и многократно публиковалась. Наиболее близкие аналогии ей можно найти в средневековых городищах Восточной Литвы (Асоте — слой XI в. и Герцике)³¹. Она также распространена в нижних слоях Полоцка и Минска³²; подобная керамика известна, например, в слоях X в. Чернигова³³, в слоях

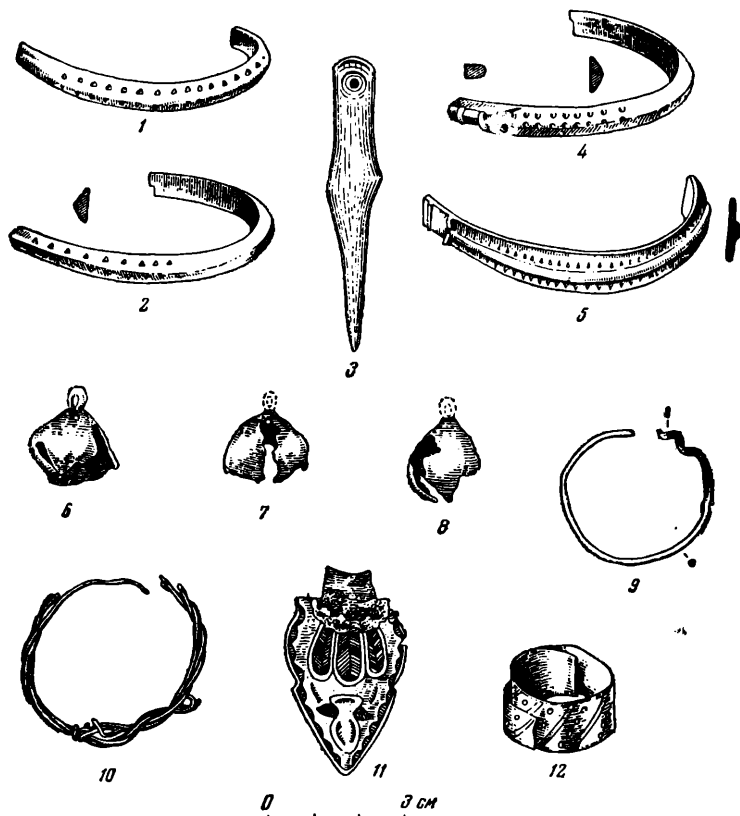

Рис. 47. Браслав. Различные находки.

1, 2, 4, 5 — бронзовые браслеты; 3 — предмет из дерева; 6—8 — бубенчики; 9, 10 — бронзовые проволочные височные кольца; 11 — серебряная пластинка; 12 — перстень бронзовый.

XI—XIII вв. Москвы, в подмосковных курганах XII в.³⁴, в Ярославле (слой XI—XIII вв.)³⁵ и т. д.

Перечисленные находки датируют средний слой (его верхний и нижний горизонты) XI—XII вв. (может быть, — началом XIII в.).

Средний слой отделяется от нижнего четко определяемой во всех профилях прослойкой пожара (мощностью от 5 до 15—20 см), которая полностью перекрыла нижний слой городища. В пожарище обнаружены следующие предметы: наконечник сулицы железной с листовидным пером,

³¹ С материалами Асоте мы знакомы благодаря любезности Э. Д. Шноре. О Герцике см.: Ф. Валожа. *Jersika*. Riga, 1940, табл. XXI.

³² Свидетельство М. К. Каргера и Э. М. Загорюльского.

³³ Б. А. Рыбаков. Указ. соч. стр. 42, рис. 15.

³⁴ М. Г. Рабинович. Московская керамика. МИА, № 12, 1949, стр. 60, рис. 1, 1; О. Н. Бадер. Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей. МИА, № 7, 1947, стр. 138, рис. 8. (Курганы в Черемушках).

³⁵ Н. Н. Воронин. Раскопки в Ярославле, рис. 10.

такой, какие в Новгороде появились в середине X в. (рис. 46—31)³⁶, калачевидное кресало с язычком XI в. (рис. 46—32), ключ железный от трубчатого замка X—XI вв. (рис. 46—35)³⁷, височное кольцо дреговичского типа (рис. 46—33)³⁸ и т. д. Прослойку пожара, таким образом, следует датировать, видимо, XI в.

Нижний слой Браслава. Мощность слоя — около 0,25 м; он — интенсивно черного цвета, залегает на слое погребенной почвы. Жилищ не найдено, но обнаружено большое количество круглых магериковых ям, по-видимому, хозяйственных, большинство которых оказалось пустыми.

В слое собрано гораздо меньше вещей, и его основным признаком является большое количество лепной посуды (см. ниже). Среди интересных находок — калачевидное кресало с язычком (до XI в.; рис. 46—37), железная булавка с загнутым концом, железное долото (?) (рис. 46—42), односторонний (X в.) и трапециевидный (XI—XII вв.) гребни, костяной кочедык (рис. 46—41), костяное острие, льячка (рис. 46—40), янтарная битрапециевидная бусина, бубенчик с простой прорезью (рис. 46—38) и др. Особо следует отметить 4 предмета, найденных в материковой западине раскопа IV, — железный многослойный нож (X—XI вв.), калачевидное кресало с язычком, браслет (?) из бронзовой проволоки и часть витой железной гривны (?).

Наряду с гончарной, встречалась и лепная керамика. Первая по форме отличается от керамики предыдущих слоев. Здесь доминируют толстостенные и рифленные сосуды довольно грубой и примитивной выработки, похожие на лепные. Форма их напоминает банку; венчик сильно отогнут наружу и имеет характерный косой срез по краю, плечики сильно опущены. Диаметр тулова часто равен диаметру устья или даже меньше его. Обжиг плохой; в качестве отощителя использованы крупные зерна кварца.

Подобные раннегончарные сосуды известны на памятниках X в. Близкую аналогию можно указать, например, в находках В. В. Хвойки из раскопок кургана с трупосожжением X в. в Коростени в 1911 г.³⁹; есть подобные горшки в слоях X в. Новгорода⁴⁰ и Старой Ладogi⁴¹.

Основная часть лепной керамики нижнего слоя Браслава — исключительно грубого вида: толстые стенки, сильно бугристая поверхность и т. д. Венчик весьма невелик и слегка отогнут наружу (рис. 46—43). Сосуды плохо обожжены; в изломе черепка — заметная слоистость; в тесто примешивались крупные зерна кварца. Керамика эта типичная для северо-белорусских городищ I тысячелетия н. э. Окончательная датировка ее еще не ясна; в Браславе, где эта керамика сопутствует гончарной посуде, ее следует датировать самым концом I тысячелетия н. э.⁴²

Наконец, следует упомянуть крайне интересную находку, обнаруженную также в нижнем слое Браслава, — фрагмент венчика типично мазовецкого сосуда из белой глины, с крупным рифлением, попавший в Браслав из

³⁶ А. Ф. Медведев. Указ. соч., стр. 128, 129, рис. 4, 9.

³⁷ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого, стр. 80, рис. 1—3. Замок — типа А, «с вертикальной щелью первого вида».

³⁸ А. Ф. Медведев. Указ. соч., стр. 185, рис. 23, 3.

³⁹ Р. І. Виезжев. Розкопки курганів у Коростені та поблизу Овруча в 1911 року. «Археологія», т. IX, Київ, 1954, табл. I—31.

⁴⁰ Г. П. Смирнова. Указ. соч., стр. 229, рис. 1, тип IV-A.

⁴¹ В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, XI, 1949, рис. 31 (левый ряд, второй сверху).

⁴² Следует думать, что в дальнейшем, при большей площади раскопок, в Браславе будут найдены более древние напластования, так как уже и теперь среди массовых находок керамики нижнего слоя встречено несколько черепков, очень близких северо-белорусской керамике середины I тысячелетия н. э. Городища этого времени в окрестностях Браслава известны [Зазоны, Мизеры (последние — со штрихованной керамикой; разведки автора) и другие].

Польши, с которой в то время уже имелись, по-видимому, связи (рис. 46—44)⁴³.

В заключение, используя систему графического изображения количественного соотношения находок в культурном слое (первоначальная идея которой принадлежит Б. А. Рыбакову), мы помещаем диаграмму, отража-

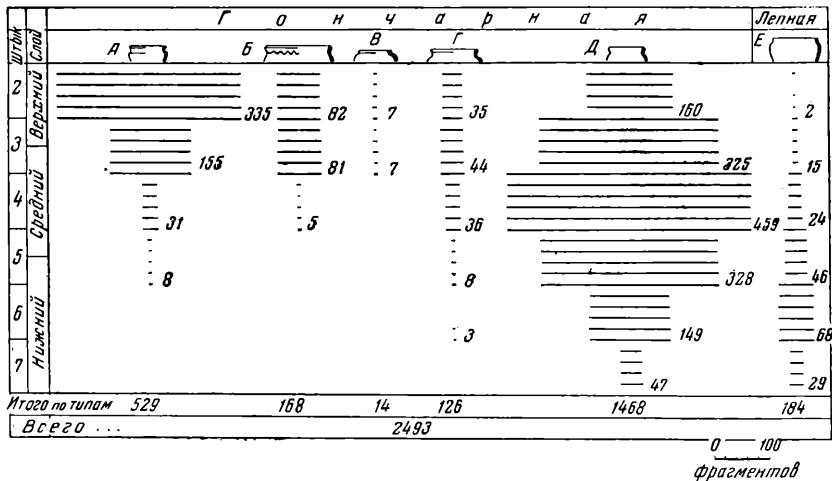

Рис. 48. Браслав. Статистическая таблица находок керамики из раскопов IV и V (1956 г.).

А — уступчатая керамика; Б — слабопрофилированная; В — керамика с раздутым туловом и маленьким венчиком; Г — с вертикальным венчиком; Д — мягкопрофилированная керамика; Е — лепная.

ющую предварительные подсчеты керамических типов по «штыкам» на раскопанной площади в 140 кв. м (раскопы IV и V). Из диаграммы (рис. 48) следует, что керамика уступчатая (А), слабопрофилированная (Б), с раздутым туловом (В) доминирует в верхнем культурном слое. Сосуды с вертикальным венчиком и выпуклым туловом (Г) появились несколько раньше (верхний горизонт среднего слоя). Мягкопрофилированная керамика (Д) доминирует в среднем слое, в нижнем слое преобладает лепная (Е).

Раскопки Браславского городища, начатые в 1955—1956 гг. (и еще не законченные), позволяют лишь предварительно наметить историю этого небольшого провинциального центра Полоцкой земли.

Первые поселенцы появились на браславской Замковой горе, по-видимому, в конце первой половины или в середине I тысячелетия н. э. Пока трудно что-либо сказать о жизни аборигенов, так как постройки их еще не найдены; вещевых находок мало, и основным материалом является керамика. Судя по определению костного материала (данные В. И. Цалкина), преобладающее место в животноводстве занимала свинья (что характерно для соседних латгальских племен); крупный и мелкий рогатый скот занимал меньшее место. Охотились, главным образом, на лося, благородного оленя, кабана и выдру. Следует полагать, что первые поселенцы Браслава были этнически весьма близки населению других синхронных городищ, разбросанных в Западновинском бассейне, к северу от северной границы сплошного распространения городищ со штрихованной керамикой (Орша — р. Усяж — Бук — севернее Лепеля — Докшицы —

⁴³ Ср. К. Musianowicz. Wyniki Badań porównawczych w 1956 r. na osadzie podgrodowej w Drohiczyńcu, pow. Siemiatycze. Wiadomości Archeologiczne, XXIV, 4, 1957, стр. 340, рис. 11.

Дуниловичи — Поставы). Такие городища известны на севере Молодечненской области (Язно), в Витебской (Девички под Полоцком; оба раскапывались А. Г. Митрофановым) и в других местах по среднему течению Западной Двины.

Славянские жители появились в Браславе, по-видимому, в конце I тысячелетия н. э. Жилищ этого населения также не обнаружено, но с ним, вероятно, могут быть связаны находки нижнего слоя, бугристая лепная и рифленая раннегончарная керамика, а также, судя по заполнению, некоторые материковые ямы, вероятно, хозяйственного назначения.

Давно уже замеченная близость названия «Браслав» с именем полоцкого Брючислава (по-видимому, князя Брючислава, XI в), объясняемая из законов лингвистики⁴⁴, позволит, вероятно, при дальнейших исследованиях, действительно, связывать возникновение Браслава как пограничного пункта Полоцкой Земли с этим князем, что сейчас делать еще преждевременно⁴⁵.

В конце X в. или в первой половине XI в. в древнем Браславе произошел крупный пожар, следы которого, как было показано, перекрыли все культурные отложения более раннего времени. Возможно, что при дальнейших исследованиях это бедствие удастся приурочить либо ко времени построения города Брючиславом в начале XI в., либо к середине века (1065 г.), когда, по мнению М. Стрыйковского, опирающегося на Летописец Быховца, Браслав подвергся нападению литовских князей.

Расцвет поселения относится к «послепожарному» периоду — XI—XII вв. В это время необычайно оживляются связи с Киевской Русью (шиферные пряслица, предметы общерусского домашнего обихода и т. д.) и с Прибалтикой, из которой (вероятно, через соседних латгалов) поступают многочисленные серебряные и медные украшения, а также с другими странами.

Браславское население этого времени живет в наземных бревенчатых домах, поставленных для предохранения от сырости на камни — ступья; возводятся деревянные бревенчатые постройки, также положенные на камни, по-видимому, для хранения зерна. Общий характер основного инвентаря позволяет считать что, в XI—XII вв. в Браславе жило русское население.

Находки зерна в этом слое (определение и обработка А. В. Кирьянова) позволяют установить, что первое место в земледелии того времени занимала рожь, затем — ячмень и лишь незначительное место — овес. Наличие среди ржаных зерен сорняка — костра ржаного определяет рожь как озимую культуру, что, по мнению А. В. Кирьянова, может свидетельствовать о паровой системе земледелия.

Остатки костей указывают на резкое возрастание роли крупного рогатого скота, который теперь занимает первое место; свинья — на втором месте, мелкий рогатый скот — на третьем (явление для древней Руси

---

⁴⁴ *Брячьславль*, после падения слабых глухих в XI в. — *Бряславль*, после отвердения р в последующее время — *Браславль* — *Браслав*.

⁴⁵ Любопытно, что в современной Белоруссии и пограничных с ней районах существуют другие поселения с подобного рода названиями, и все они расположены, как и Браслав, у полоцких границ: Браслово (б. Мариенгаузенская волость Люцинского уезда — «Список населенных мест Витебской губернии». Витебск, 1906, стр. 193, № 239); Браслоя (б. Ужвалдская волость Двинского уезда, на горе у озера Сивер, где, по сведениям 1873 г., при распашке находили «человеческие кости и топорики» (ИАК, вып. 5, 1903, стр. 12), Брославль (б. Высочанская волость Оршанского уезда — «Список населенных мест Могилевской губернии». Могилев, 1910, стр. 109, № 23). Возможно, что название приграничных крепостей по имени построившего их князя было в ходу у некоторых древнерусских и, в частности, полоцких князей. Так, по сведениям В. Н. Татищева («Российская история...», кн. II, СПб., 1774), город Борисов был построен князем Борисом в 1102 г.

закономерное, по свидетельству В. И. Цалкина). Первое место в охоте по-прежнему принадлежит лосю. Найдены кости и других животных.

Литовский период Браславского городища отражается верхним культурным слоем; распаханность верхних горизонтов и малое количество обнаруженных материалов позволяют ответить пока лишь на самые общие вопросы, связанные с населением древнего города в этот период, и с верхней датировкой памятника вообще. Значительная перемена состава верхнего культурного слоя, обусловленная, очевидно, изменениями в его строительной технике и хозяйстве в XIV—XV вв., большая разница в керамике, отличающейся от находок в синхронных слоях Новгорода, и т. д. указывают, очевидно, на какие-то важные перемены в жизни Браслава со времени его включения в Великое Княжество Литовское.

Обращаясь к находкам зерна из этого слоя, следует указать, что, по определению А. В. Кирьянова, рожь также занимает первое место; есть свидетельства, что рожь — озимая, и, следовательно, система земледелия была паровой. Среди яровых культур первое место занимает ячмень, затем — овес (роль которого возросла); пшенице уделяется теперь значительно меньше внимания. Интересна находка зерен гороха и гречихи.

В остеологическом материале соотношение костей крупного рогатого скота, свиней и других животных осталось прежним. В охоте упало значение лося и некоторых других животных.

Судя по раскопкам, интенсивная жизнь на Браславском городище, в полном соответствии с разобранными выше письменными источниками, прекратилась в XV в. Отсутствие же на раскопанном участке более поздних слоев и находка в пахотном слое нескольких монет XV—XVII вв. указывают лишь на частичную заселенность или частичное использование браславской площадки в это время, что также подтверждается документами.

Таковы предварительные данные, которые удалось получить в результате браславских раскопок. Дальнейшие исследования пополнят и уточнят наши сведения и помогут восстановить историю этого маленького полоцкского приграничного пункта в его древнейшую эпоху; это в известной мере расширит наши знания о малоизвестных сейчас «нелетописных» периферийных городках древней Руси.

А. В. КИРЬЯНОВ

ЗЕРНА ХЛЕБНЫХ РАСТЕНИЙ ИЗ РАСКОПОК
ДРЕВНЕГО БРАСЛАВА

Материалы по земледелию из раскопок Браслава представлены находками зерен различных сельскохозяйственных культур. Они немногочисленны, но позволяют все же выяснить состав культур, возделывавшихся в древности в Полоцкой земле.

В ранних слоях, восходящих к XI—XII вв., по количеству зерен первое место занимает рожь (*Secale cereale* L.) — 47%, затем — ячмень (*Hordeum sativum* Jess.) — 36%, овес (*Avena sativa* L.) — 13,5%, пшеница мягкая (*Triticum vulgare* Vill.) — 2,5 % и небольшое количество гороха (*Pisum sativum* L.) и гречихи (*Fagopyrum esculentum* L.).

Среди ржи обнаружены зерна костра ржаного (*Bromus secalinus* L.) — типичного сорняка, имеющего одинаковый цикл развития с озимой рожью. Присутствие его характеризует рожь как озимую культуру. Это дает основание полагать, что к указанному времени на Полоцкой земле уже сложилась паровая система земледелия; рожь вышла на первое место по размерам посевных площадей и стала главнейшей культурой, что вполне закономерно. В Новгородской земле и на смежных с ней территориях паровая система земледелия сложилась на рубеже X и XI вв.¹ и в это время была господствующей почти на всей территории лесной полосы древней Руси.

Из яровых культур ячмень занимал первое место, затем — овес, роль же пшеницы была незначительна. Особо интересна находка зерен гречихи. Надо отметить, что по материалам раскопок в Гродно гречиха уже в XII в. была широко распространена в Гродненской земле². Возможно, находки зерен гречихи в слоях XI—XII вв. характеризуют один из ранних этапов ее появления в Полоцкой земле.

В более поздних слоях (XIV—XV вв.) найдено в 3,5 раза больше зерен хлебных растений. Состав возделывавшихся культур не изменился. Рожь продолжала занимать ведущее положение. Ее зерна составляют 50% всего количества находок, что свидетельствует о прочном утверждении паровой системы земледелия в более позднее время. Из яровых культур на ячмень приходится 33,5%, овес — 14,2%, пшеницу — 2,3%, и столь же незначительное место в составе культур принадлежало гороху и гречихе.

Таким образом, материалы из раскопок Браславского городища позволили проследить состояние земледелия в Полоцкой земле на протяжении ряда столетий. Оно прогрессивно развивалось на основе паровой системы.

¹ А. В. Кирьянов. История земледелия Новгородской земли X—XV вв. МИА, № 65, 1959, стр. 333.

² А. В. Кирьянов. Материалы по истории земледелия из раскопок в Гродно. МИА, № 41, 1954, стр. 206, приложение 1.

Э. А. СЫМОНОВИЧ

ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕКОЧЕВНИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ
В ПОДНЕПРОВЬЕ

При раскопках поселений и могильников первых веков нашей эры в Поднепровской степи обнаружены своеобразные, почти не изученные памятники начала II тысячелетия н. э. Один из них — грунтовой некрополь в поселке Каменка Запорожской области — был опубликован¹. Антропологические материалы оттуда свидетельствовали о генетической близости погребенных с сарматскими племенами, в первую очередь — с типом сарматов Нижнего Поволжья (брахикранный европеоидный тип с примесью монголоидных элементов)². Другой грунтовой могильник в с. Каиры Херсонской области исследовался в 1954 г.³ Для этих памятников оказались характерны одиночные захоронения, ориентированные головой на запад; положение рук неустойчиво; ноги обычно вытянуты. Сопровождающий инвентарь очень скуден — это, главным образом, украшения и только в редких случаях некоторые другие предметы домашнего обихода. Грунтовые, долгое время существовавшие могильники, свидетельствуют о переходе кочевников-степняков к оседлому и полуседлому образу жизни. Новые находки захоронений в с. Лески в районе г. Черкасы и жилого комплекса неподалеку от с. Гавриловка Херсонской области дополняют представление о группе подобных памятников.

В 1958 г. Черкасским отрядом Кременчугской древнерусской экспедиции исследовалась прибрежная полоса черняховского поселения в с. Лески. Там на одном из участков обнаружено 7 захоронений, расположенных в определенном порядке на достаточно большом пространстве, что не позволяет считать их связанными с курганными насыпями. Все костяки были ориентированы головами на запад или восток; руки положены вдоль боков или на животе; ноги вытянуты. Возле ног погребения № 3 найден череп лошади. Сопровождающий инвентарь очень небогат: железные ножички, серьги, астрагалы баранов. Возле головы скелета в погребении № 5 найдено металлическое зеркало, а под левой кистью руки в детском погребении № 2 — две монеты со следами прикипевшей к ним ткани.

Одна из монет — медная золотоордынская с тамгой, которая впервые появляется на монетах Абдуллаха (1362—1369 гг.) и может быть отнесена к концу XIV в.; другая, — плохо сохранившаяся, из низкопробного серебра, видимо, тоже золотоордынская, — также может быть датирована XIV в. —

¹ Э. А. Симонович. Погребения X—XII вв. Каменского могильника. КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 99—106.

² Т. С. Кондукторова. Палеоантропологические материалы из средневекового Каменского могильника. СА, 1957, № 1, стр. 55—59.

³ Е. В. Махно. Раскопки могильника в с. Каирах в 1954 г. КСИА АН УССР, вып. 5, 1955, стр. 46—48.

началом XV в.⁴ Этой дате соответствует поздний тип серег, изготовленных из низкопробного серебра и в одном случае (погребение № 5) инкрустированных бирюзовыми, голубоватого цвета вставками в гнездах каплевидной формы (рис. 49—1).

Интересно, что зеркало оказалось иным по времени. Оно изготовлено из какого-то металлического белого сплава. Посередине предмета — след от-

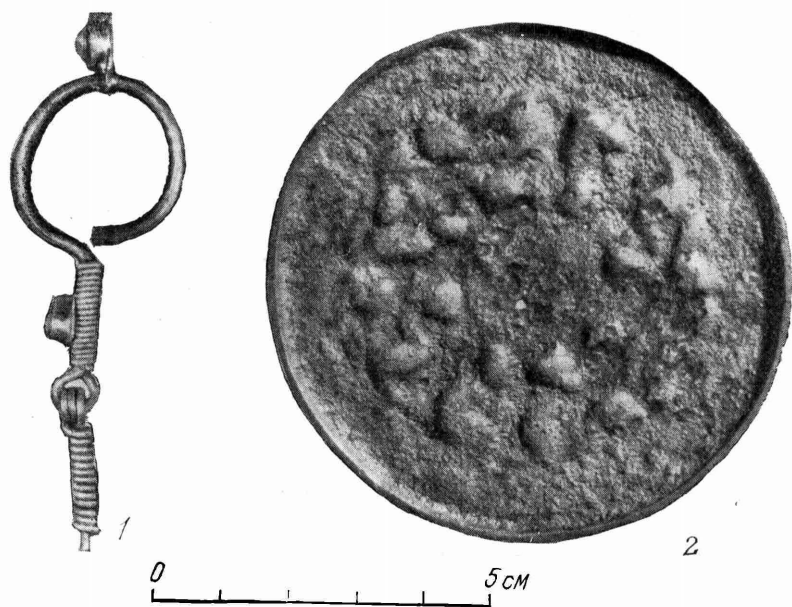

Рис. 49. Серьга и зеркало, найденные в погребении № 5 в с. Лески.

павшего ушка. Поверхность украшена недостаточно четким изображением, где все же усматриваются рельефные фигуры зверей, скачущих друг за другом, — мотив, хорошо известный по китайским зеркалам танской династии (618—906 гг.). Однако зеркало это, — несомненно, лишь копия, которая, вероятно, сделана даже не с современного танской эпохе образца (рис. 49—2). Оно очень напоминает одну из находок в Болгарах⁵. Все это заставляет пересмотреть датировку Каменского могильника, где зеркало танского времени явилось основой для установления нижней хронологической границы — X в. По-видимому, прав А. П. Окладников, который приводит примеры многовекового употребления китайских зеркал⁶.

Погребения в с. Лески на основании монетных и других находок следует датировать временем не ранее XIII—XIV вв. При этом интересно отметить, что указанные захоронения обнаружены в лесостепной зоне, под Черкасами, не намного южнее Киева. Постоянная борьба киевских князей со степью, даже в период феодальной раздробленности, не создавала условий для расположения стойбищ кочевников в непосредственной близости от киевских областей. К тому же после удачных походов русских князей 1190—1193 гг. напор половцев на южнорусские земли уменьшился⁷. Это

⁴ По определению научного сотрудника ГИМ С. А. Яниной.

⁵ А. П. Смирнов. Волжские булгары. Труды ГИМ, вып. XIX, М., 1951, стр. 117, табл. III, 46.

⁶ А. П. Окладников. Бронзовое зеркало с изображением кентавра. СА, XIII, 1950, стр. 171.

⁷ С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, № 62, 1958, стр. 223, 224.

обстоятельство говорит о том, что могильник следует относить к эпохе наибольшего ослабления Киевской державы, к периоду, следующему за монгольским завоеванием, т. е. к XIV в., и связывать со стойбищами Золотой Орды. Не менее интересна другая, близкая по времени находка в районе

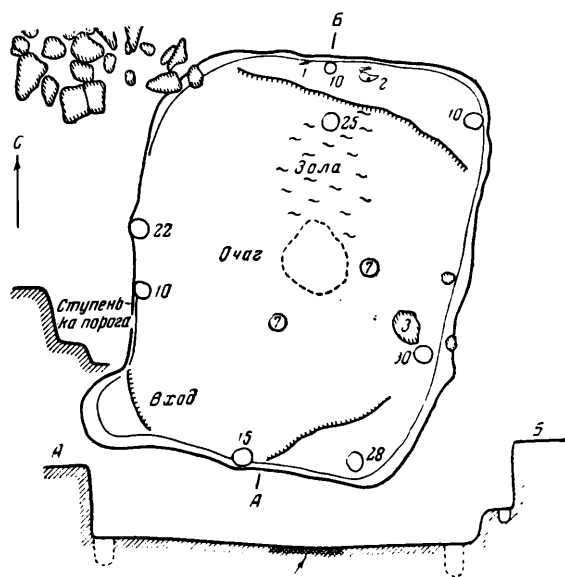

Рис. 50. План и разрез полуземляночного жилища в районе с. Гавриловка.

1 — место находки железного ножа; 2 — находка черепа собаки; 3 — заглаженный камень (Кружками обозначены ямы, цифры в кружках — глубина ям).

с. Гавриловка. При раскопках могильника черняховского типа у овчарни совхоза Приднепровского обнаружена в 1954 г. древняя полуземлянка (рис. 50). Ее, так же как и захоронения могильника, перекрывал слой глинистых отложений, нанесенных с близлежащего склона после вырубki деревьев; это способствовало сохранности древних комплексов. Полуземлянка перекрывала два позднечерняховских погребения, залегавших ниже уровня ее пола. Жилище было прямоугольной формы, размерами 3,1 × 2,4 м. Конструкция его столбовая — ямы от столбов прослежены у стен. Ступени входа находились в юго-западном углу. Пол земляной, утрамбованный. Посередине жилища — остатки очага, со скоплением золы с северной стороны. Возле очага замечены следы двух небольших ямок.

В золистом заполнении полуземлянки найдено много костей животных (около 400). Определенные кости принадлежали следующим видам животных⁸:

	Число костей	Число особей
Крупный рогатый скот	51	6
Лошадь (в том числе 3 молодые особи)	149	6
Мелкий рогатый скот	3	1
Собака	3	1
Благородный олень	2	1
Птица	3	?
Рыба	4	?

⁸ Определение В. И. Цалкина.

В жилище обнаружены обломок бронзовой пластинки с двумя заклепками; железный наконечник стрелы, почти совсем плоский вытянутый, ромбической формы, с обломанным черешком, и железный ножик (рис. 51—1—3). Датировку полуземлянки послемонгольским временем по обломку железного наконечника стрелы с ромбическим острием подкрепляют и другие находки: костяная заготовка для изготовления наконечника копьа или дротика и костяной наконечник стрелы — удлиненных пропорций, с ромбическим в сечении острием и суживающимся книзу черешком (рис. 51—4). Подобные типы железных и костяных наконечников стрел характерны для кочевников. По мнению А. Ф. Медведева, такие наконечники стрел распространились на наших землях после монгольского завоевания⁹.

По-видимому, полуземлянку следует датировать XIII—XIV вв. Жилище оставлено скотоводами, основную пищу которых составляли домашние животные, характерные для состава стада, принадлежавшего кочевникам. В частности, много значила в пищевом режиме лошадь. Кости лошадей преобладали в жилище, причем обращают на себя внимание остатки трех молодых особей. Полуземлянка, вероятно, служила недолговременным убежищем в период выпаса скота в плавнях, куда истари через проток Днепра (речку Пидпильну) переняли скот на лето¹⁰.

Какими племенами оставлены памятники, обнаруженные в Поднепровье — в с. Лески и в районе с. Гавриловка, — сказать трудно. Древние западноевропейские путешественники и летописи говорят в это время о племенах половцев в южнорусских степях; на смену половцам пришли монгольские орды. Среди поздних пришельцев — половцев и затем монголов — растворились потомки предшествующего населения, в частности, — сарматоаланского. Население степей этого времени было чрезвычайно смешанным. Сопоставление антропологических материалов, очевидно, поможет со временем дать ответ на вопрос о составе и антропологическом типе кочевого населения, переходившего к оседлости.

Все известные памятники подобного рода найдены в непосредственной близости от воды. После подъема уровня Днепра в связи с гидростроительством они стали недоступными для исследования. Между тем каждая находка малоизученных памятников такого типа очень интересна.

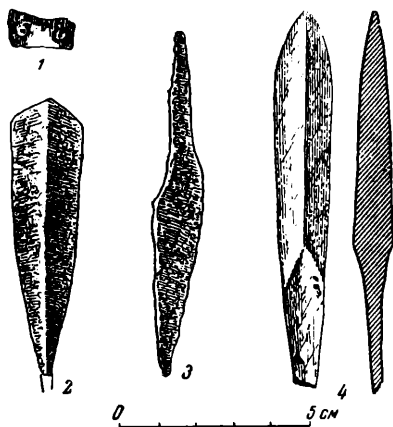

Рис. 51. Различные находки в районе с. Гавриловка.

1 — бронзовая бляшка; 2 — обломок железного наконечника стрелы; 3 — нож из заполнения полуземлянки; 4 — костяной наконечник стрелы с площади могильника в районе с. Гавриловка.

⁹ А. Ф. Медведев. Новгородское оружие. Доклад на славяно-русском секторе ИИМК 7/III — 1957 г.

¹⁰ По любезному сообщению С. А. Плетневой, при раскопках Салтовского поселения в с. Дмитровском VIII—IX вв. обнаружены жилища, близкие по типу описанной полуземлянке.

III. МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ И СООБЩЕНИЯ

М. Ю. БРАЙЧЕВСКИЙ, Ю. С. АСЕЕВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПЕРЕЯСЛАВЕ-ХМЕЛЬНИЦКОМ В 1958 ГОДУ¹

Одно из наиболее интересных в археологическом отношении мест г. Переяслава-Хмельницкого — площадь Воссоединения занимает северную часть территории древнего Переяславского детинца. Северную сторону площади ограничивает вал детинца, с запада — усадьба Успенской церкви. Под полом современной церкви Успения (1898 г.) находится фундамент небольшой древнерусской церквушки, которую иногда по традиции отождествляли с Успенским (Богородичным) храмом на княжьем дворе, построенным в 1098 г. Владимиром Мономахом. В настоящее время у исследователей древнерусского зодчества нет сомнений в том, что эта церквушка не могла быть храмом 1098 г., так как ее тип, кирпичная кладка и архитектурные формы характерны для середины XII в.

Традиционное название церкви Успения (первые сведения о деревянной Успенской церкви, стоявшей на данном месте, относятся к 1586 г.) позволяло предполагать, что переяславский княжой двор с богородичной церковью 1098 г. находился где-то по соседству. Однако разведки, ведшиеся на протяжении ряда лет, практических результатов не дали; более того, выяснилось, что на площади Воссоединения до настоящего времени почти не сохранился древнерусский культурный слой.

Летом 1958 г. директор Переяславского исторического музея М. И. Сикорский обнаружил на площади Воссоединения вышедшие на поверхность строительные остатки домонгольского времени. Шурфовкой здесь выявлен фундамент из крупного бутового камня на цементном растворе. Некоторые детали, — в частности, характер раствора и размеры найденных в завале кирпичей, — позволили датировать сооружение концом XI в. — началом XII в. Организованная вслед за этим экспедиция Института археологии Академии наук УССР, Института теории и истории архитектуры Академии строительства и архитектуры УССР и Переяславского исторического музея на протяжении августа — сентября 1958 г. произвела раскопку, в результате чего удалось полностью раскрыть остатки сооружения².

¹ Краткое изложение доклада, прочитанного на славянской секции пленума ИИМК 9/IV 1959 г.

² В работе экспедиции принимали участие М. Ю. Брайчевский, Ю. С. Асеев, М. И. Сикорский, А. К. Козин, Е. С. Нестеровская, Л. А. Пляшко, Т. А. Григорович. Консультантом экспедиции был академик архитектуры В. И. Заболотный.

Это был трёхнефный, четырёхстолпный храм около 20 м длиной и 12 м шириной (рис. 52). От него сохранились только фундаменты, ибо уровень современной поверхности почвы здесь соответствует уровню пола постройки, а местами даже ниже его. Лишь в одном месте, где бутовая кладка фундамента южной стены оказалась несколько пониженной, сохранились один-два ряда кирпича *in situ* (рис. 53).

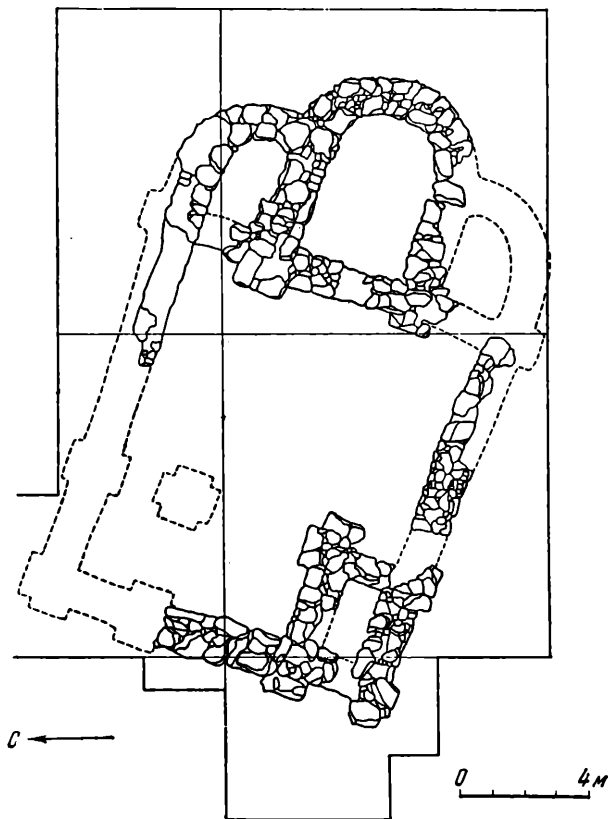

Рис. 52. Переяслав-Хмельницкий. План церкви, раскопанной в 1958 г.

Фундамент сложен из колотого камня (местный песчаник) различного размера, на известковом растворе с примесью толченого кирпича (цемянки), по своему характеру близком растворам, примененным при строительстве других переяславских храмов конца XI в. (Михайловского, Спаского); в частности, следует отметить значительный размер фракций цемянки (от 5 до 10 мм в диаметре). Размеры кирпича-плинфы: $28\text{—}33 \times 22\text{—}26 \times 2,9\text{—}4$ см. От разрушенных стен и перекрытый церкви местами прослеживались мощные завалы строительного мусора.

Ширина фундаментов внешних стен достигала 1,1 м; сохранившаяся высота их — около 0,7 м. Уцелели они не полностью и местами уничтожены позднейшими сооружениями XVII—XIX вв. (погребями, хозяйственными ямами, подвалами домов, гончарной печью). В частности, выбранными оказались южная апсида (рис. 54), почти вся северная стена, большая часть западной стены и северо-западный внутренний столп. Однако сохранившихся остатков вполне достаточно для общей реконструкции плана постройки.

Основу плана составлял прямоугольник, разделенный на три продольных нефа с помощью двух пар крестообразных в сечении столпов. Все три нефа заканчивались апсидами, из которых центральная несколько выдвинута вперед. Фундаменты апсид залегали немного мельче, нежели фундаменты стен. Алтарная часть отделялась поперечным ленточным фундамен-

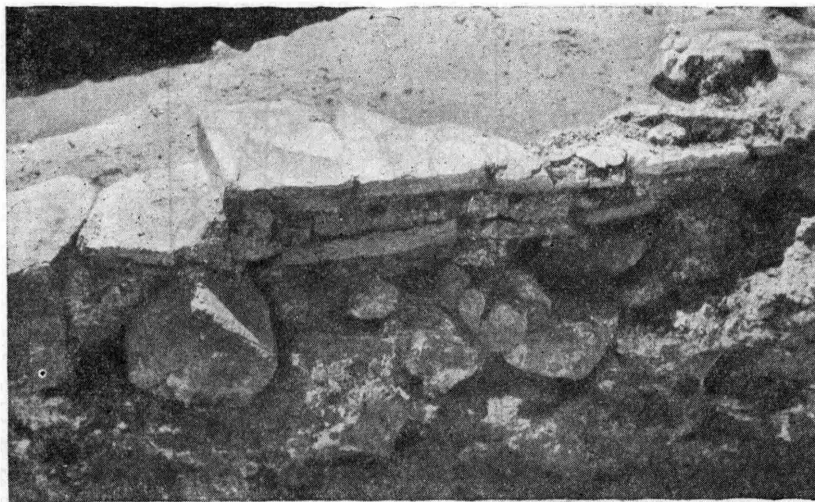

Рис. 53. Кладка фундамента южной стены с двумя рядами кирпичей, сохранившимися *in situ*.

тов, несколько более узким. В местах пересечения его с фундаментами центральной апсиды находилась восточная пара столпов, поддерживавших перекрытие.

Западная пара столпов, симметричная восточной, располагалась на расстоянии 2,1—2,2 м от западной стены. От нее, как сказано, уцелел только южный столп, основание которого было соединено с южной и западной стенами ленточными фундаментами, отделявшими в юго-западном углу небольшое помещение площадью около 2,2×1,2 м (крещальня или южная часть нартекса?). Северо-западный столп не сохранился, поэтому неизвестно, соединялся ли он фундаментом с северной и западной стенами, или нет.

Центральная часть внутреннего пространства храма, ограниченная обеими парами столпов, оказалась в плане не квадратной, как это обычно бывает в древнерусских храмах крестовокупольной системы, а прямоугольной (около 6,5×4 м). Последняя черта вообще может считаться одной из особенностей переяславской школы церковного зодчества. Это ставит важный вопрос о характере перекрытия постройки, ибо очевидно, что крестовокупольная система в ее чистом виде в данном случае не могла быть применена. Возможно предположение о базиликальном типе постройки или о варианте, близком так называемому псковскому типу. Решение этого важного вопроса требует специального исследования.

Церковь, вероятно, имела обычных три портала — в западной, южной и северной стенах. Однако отсутствие сохранившейся части стен выше уровня пола не позволяет сейчас решить окончательно вопрос о наличии или отсутствии проемов в той или иной стене и их точном местонахождении.

Фасады здания членились плоскими лопатками-пилястрами — черта, характерная для переяславского зодчества XI в. Такие лопатки были и на внутренней поверхности стен, и на столпах.

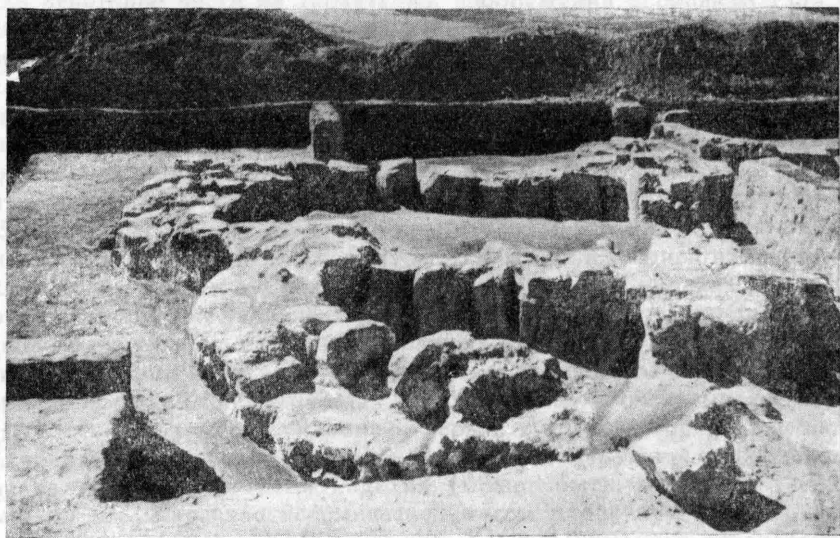

Рис. 54. Фундаменты апсид.
1 — вид с юга; 2 — вид с севера.

Раскопки дали сравнительно мало материала для суждения о декоративном оформлении храма. Интересно, что почти полностью отсутствуют фрагменты штукатурки с фресковой росписью: найдены буквально единичные обломки без выразительных следов раскраски. Но попадалось большое количество выстилавших пол глиняных поливных плиток, покрытых глазурью желтого, зеленого и вишневого цвета; их размеры — $11 \times 11 \times 1,5$ см (что несколько меньше размеров аналогичных плиток Михайловской и Спасской церквей).

Материал, обнаруженный раскопками, обычен для древнерусских слоев Переяслава: фрагменты гончарной керамики древнерусского типа (есть

черепки с клеймом мастера), обломки амфор XI—XII вв., светильников, стеклянные браслеты, немногочисленные железные изделия, шиферные пряслица и т. д. Интересны находки обломков типичных древнерусских круглых оконных стекол, по-видимому, из церкви. Обилен и выразителен материал (особенно керамика), относящийся к XVII—XIX вв. и происшедший из указанных выше сооружений, частично уничтоживших фундаменты древнерусского храма.

Вопрос об атрибуции раскрытой исследованиями 1958 г. церкви на площади Воссоединения нельзя считать окончательно решенным, но есть основания предполагать в нем Успенскую церковь 1098 г. В пользу этого свидетельствуют традиция наименования близ стоящей церкви Успения, несомненно, восходящая к древнерусскому храму этого же имени, и датировка раскопанной церкви концом XI в., основанная на особенностях типа, строительной техники и форм здания. Важна и локализация княжеского двора в северной части Переяславского детинца.

Одновременно с раскопками экспедицией 1958 г. проведены небольшие разведочные работы в непосредственной близости от основного раскопа; последние подтвердили фрагментарность сохранившегося древнерусского культурного слоя, который, по-видимому, в значительной части был уничтожен при реконструктивных работах, начавшихся в XVII—XVIII вв.

Исследования 1958 г. вносят существенные дополнения в топографию древнего Переяслава и в историю архитектуры Переяславской земли домонгольской эпохи.

Ю. П. СПЕГАЛЬСКИЙ

ПСКОВСКИЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ КИОТЫ

Среди остатков старинной керамики, находимых в Пскове в глубине культурных напластований, часто попадаются обломки керамических плит, назначение которых до сих пор не установлено. Отличительные особенности их — отсутствие румпы или других приспособлений для закрепления в кладке, довольно большие сквозные вырезы в середине и отсутствие поливы. Для некоторой части их характерны изображения церковных глав над обрамлениями вырезов. Судя по количеству находок, этот вид керамических изделий был весьма распространен в Пскове. Следует отметить, что лишь очень небольшая часть этих находок была зафиксирована, и немногие из подобных плит попадали в музей; основная же их часть бесследно исчезала, оставшись неотмеченной. Распространенность плит и находки их внутри жилых зданий показывают, что для древних псковичей это был обычный предмет быта.

Обломки 1 и 2 (рис. 55—1, 2) хранились до Великой Отечественной войны в Псковском краеведческом музее¹. В музейной описи отмечено, что первый обломок найден в Довмонтовом городе, около Смердых ворот. Место находки второго не указано. Оба обломка происходят, очевидно, от плит одинакового рисунка, но сделанных в разных формах. На это указывает разница в направлении витков жгута, в обрамлении среднего выреза и ширине боковых обрамлений. Керамическая масса содержала очень много гверсты (дресвы). Цвет обломков в изломе — серый. Лицевая сторона плиток покрыта тонким слоем белого вещества с матовой наружной поверхностью, прочно связавшегося с телом изделия (может быть, — ангоб). Толщина плиты — 45 мм. Характер керамической массы и рисунок изделий позволяют относить находки к XVI в. и даже XV в. Примерная реконструкция плиты может быть выполнена на основании сопоставления найденных фрагментов (рис. 56—1).

Несомненно, к тому же времени относился третий обломок (рис. 55—3), также хранившийся в Псковском музее. Его масса и обработка лицевой стороны аналогичны описанным. При сравнении этого фрагмента со вторым² можно видеть, что плита в какой-то степени повторяла рисунок и, вероятно, общую композицию предыдущей. Судя по размерам, она была, очевидно, составной. Обломки 4, 5 и 6 (рис. 55—4—6) — от плит одинакового рисунка и композиции, но выполненных в разных формах. По составу массы они несколько отличались от первых трех; содержание гверсты меньше, цвет массы иной; наружная поверхность бледно-оранжевая; лицевая

¹ Все обломки изразцов во время Великой Отечественной войны взяты из музея оккупантами и пропали.

² Ср. также с рис. 55—1.

сторона, как и в предыдущих случаях, была покрыта тонким слоем светлого вещества. Толщина плит была несколько меньше.

Два наиболее крупных из этих обломков находились в Псковском музее, причем о меньшем из них (рис. 55—5) указано, что он найден «у Смердых ворот». Самый маленький обломок (рис. 55—6) обнаружен внутри наибо-

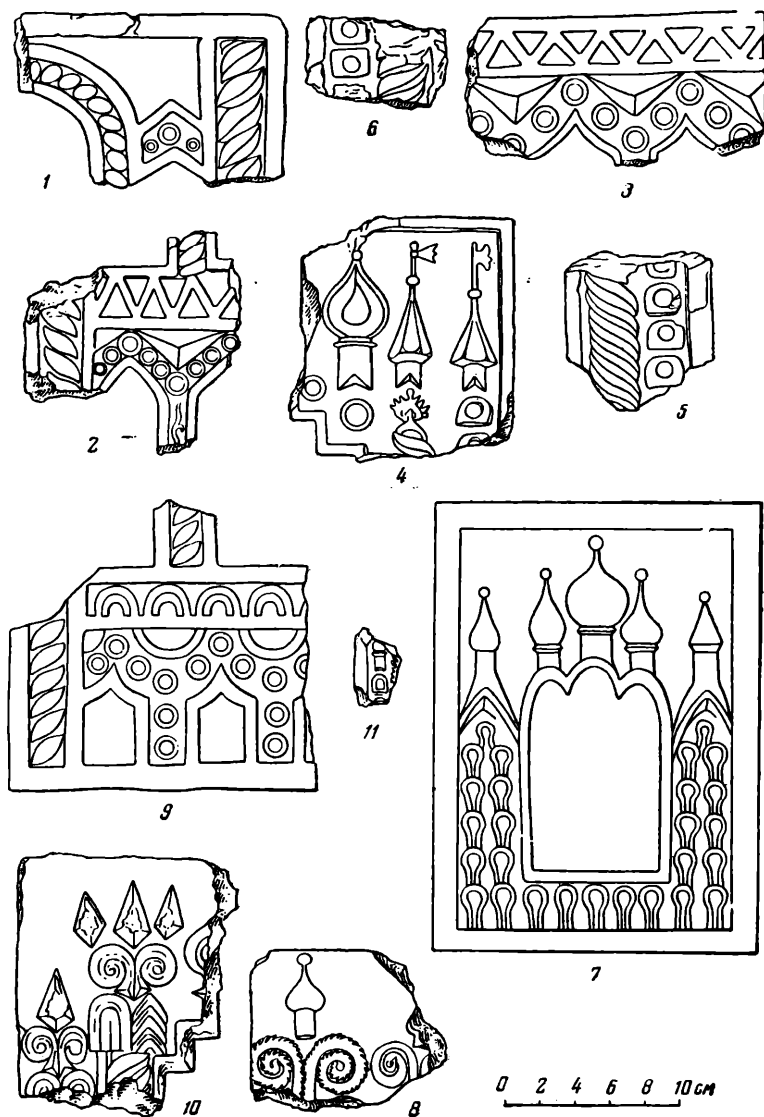

Рис. 55. Псковские керамические плиты-киоты (1—11).

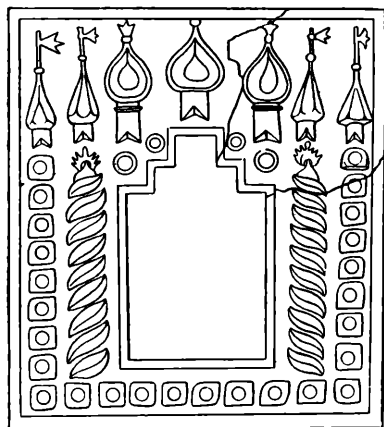
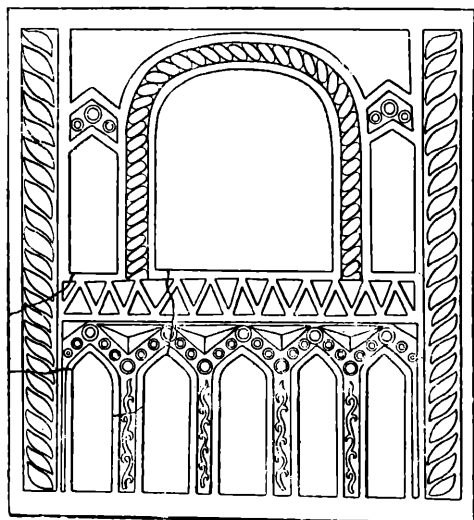
лее старой части так называемого «дома Печенко» — каменного жилого здания XVII в. Возможно, что фрагмент старше здания, в котором он найден, и может быть отнесен к первой половине XVII в. Примерная реконструкция плиты показана на рис. 56—2.

В том же «доме Печенко» автор этих строк нашел еще две целых плиты, совершенно одинаковых (одна сохранилась без изъяна, другая покороблена огнем, — вероятно, во время пожара) и два фрагмента таких же плит. Все они, в отличие от предыдущих, сделаны из глины, получившей после обжига

красноватый цвет. Лицевая поверхность ничем не покрыта. Содержание гверсты в глине незначительно. Состав керамической массы позволяет датировать плиты XVII в.

Еще один небольшой фрагмент подобной плиты хранился до Великой Отечественной войны в Псковском музее (рис. 55—8). Верхнюю часть за-

2

0 20 см

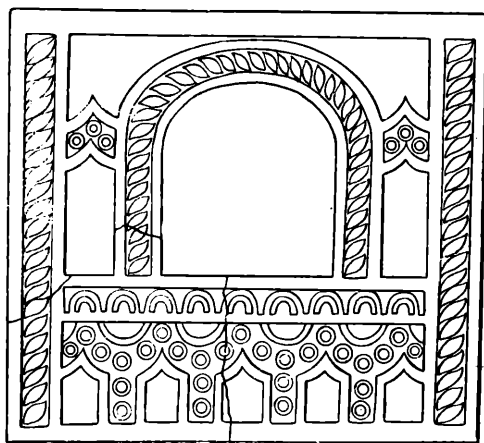

Рис. 56. Реконструкция керамических плит-киотов (1—3).

вершали изображения церковных глав, располагавшиеся, очевидно, над вырезами. Толщина плиты — 32 мм, поверхность — бледно-оранжевого цвета, излом розоватый. Фрагмент датируется, вероятно, XVII в.

После Великой Отечественной войны в Псковский краеведческий музей поступили новые находки, и в настоящее время в экспозиции помещены 3 фрагмента подобных плит. Один из них найден на берегу р. Великой; приемы его обработки и небольшая толщина (10 мм) свидетельствуют о малом размере плиты. Второй, большой обломок встречен при раскопках В. Д. Белецкого в Довмонтовом городе в 1956 г. (рис. 55—9). Керамическая масса, обработка наружной поверхности и рисунок орнамента этой плиты — все говорит об одновременности ее с первыми двумя публикуемыми обломками. (Примерная реконструкция плиты, которой принадлежал

этот фрагмент, дана на рис. 56—3). Третий обломок (рис. 55—10) найден в 1957 г. вблизи Покровской башни. По составу массы, а также по цвету излома и наружных поверхностей, этому фрагменту тоже находятся аналогии (см. рис. 55—4—6). Толщина плиты — 29 мм.

Для чего же предназначались эти плиты? Хорошо известны псковские памятные керамические плиты XVI в., заделывавшиеся в стены церквей и часовен. Но публикуемые нами плиты имели существенные отличия: в частности, у них обязательно — и, конечно, не случайно — отсутствует полива. На обратной стороне ни в одном случае не было и следов раствора. Следовательно, плиты не заделывались в кладку. Сопоставление плит с деревянными киотами и резными досками более позднего времени убеждает в том, что они служили киотами³. В вырезы, вероятно, вставлялись иконы, написанные на дереве. Композиция рисунка плит, наиболее насыщенная посередине и слабее — по краям, подсказывает предположение, что они находились еще в какой-то раме. Сами плиты, как можно судить по фрагментам, не имели приспособлений для укрепления или подвески; кроме того, плиты были составными и непременно должны были вставляться в какую-то (вероятно, деревянную) раму или обвязку. Отметим, что покрытые слоем светлой окраски или ангоба плиты могли служить прекрасной оправой для живописи, а более темная деревянная рама в свою очередь была необходимым дополнением к керамической плите.

Для произведений старинного псковского прикладного искусства, отражавших черты народного художественного творчества, характерно очень последовательное использование приема контраста в композиции. Не случайно керамические плиты-киоты покрывались не цветной поливой или росписью, а делались белыми или светло-кремовыми, или же ничем не покрывались, сохраняя естественный светло-серый или серо-розоватый цвет. Такая поверхность давала фон, на котором краски живописи производили более сильное впечатление. Но весь керамический киот требовал в свою очередь более темного фона или обрамления, без которого общая композиция его была бы незаконченной. В частности, нужно отметить, что плиты без такого обрамления сливались бы со стенами каменных палат, которые они украшали, как это следует из находок в «доме Печенко». Эти киоты, по крайней мере, в жилищах не особенно богатых посадских людей (например, среднего купечества), занимали видное место в украшении интерьера.

Керамические киоты — оригинальные изделия псковских гончаров — заслуживают особого внимания, так как о внутреннем убранстве древних жилых зданий мы имеем пока чрезвычайно мало материала.

---

³ Ср. А. А. Бобринский. Народные русские деревянные изделия, 2-е изд., вып. V, табл. 69, 1, 10; вып. X, табл. 139, 7 и другие изображения.

IV. ХРОНИКА

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
В 1958 ГОДУ

В 1958 г. ИИМК продолжал изучение древнейшего прошлого народов СССР. Перед коллективом Института стояли важнейшие задачи: 1) обобщение и историческое осмысление накопленного археологического материала, подведение итогов предыдущим многолетним исследованиям и создание на их основе широких исторических построений; 2) укрепление источниковедческой базы советской археологии и борьба за повышение ее методического уровня; 3) дальнейшее расширение полевых исследований и ликвидация белых пятен на археологической карте нашей Родины; 4) широкая пропаганда археологических знаний и постоянный обмен опытом между советскими археологами; 5) активное включение советских археологов в разработку проблем общемирового значения, укрепление связей с прогрессивными зарубежными учеными, проведение совместных работ с ними при постоянной борьбе против реакционной буржуазной науки и всяческих проявлений ревизионизма.

Согласно пятилетнему плану научно-исследовательских работ ИИМК в 1958 г. продолжал разработку ряда тем по следующим проблемам: 1) происхождение человека и человеческих рас; 2) история первобытного общества на территории СССР; 3) возникновение и развитие рабовладельческих отношений в странах Средиземноморья и Востока; 4) генезис феодализма на территории СССР и в странах Западной Европы. В особый раздел была выделена работа над «Корпусом археологических источников СССР». По этим проблемам разрабатывались 24 темы, причем каждая состояла из ряда конкретных разделов. В 1958 г. завершена работа над несколькими большими монографиями. Из них можно указать, как наиболее значительные, следующие:

Н. Н. Гурина — «Древнейшая история северо-запада европейской части СССР». В работе освещается древнейшая история обширной территории Севера — современной Карелии и Ленинградской области — с момента первичного ее заселения человеком до эпохи раннего металла включительно.

С. С. Черников — «Древняя история Восточного Казахстана. Эпоха бронзы». На основе многолетних раскопок и разведок автор дает общую картину истории племен эпохи бронзы, т. е. андроновской культуры. Особое внимание уделено вопросам экономики этих племен.

Е. И. Крупнов — «Древняя история Северного Кавказа». В монографии сделана первая попытка воссоздания истории и культуры племен Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Особое внимание уделено скифскому периоду, очень слабо освещенному предшествующими исследованиями. Прослежены генезис и закат кобанской культуры, выделены три ее локальных варианта. Показаны экономика, общественный строй и

духовная культура племен Северного Кавказа и их связи с окружающим миром.

П. Д. Либеров и В. И. Цалкин — «Скотоводство и охота на территории Северного Причерноморья в эпоху раннего железа». В совместной работе археолога П. Д. Либерова и биолога В. И. Цалкина рассматриваются состояние и роль скотоводства как одного из главных элементов производительных сил в экономике племен Северного Причерноморья в раннем железном веке. Авторы приходят к выводу о преобладании оседло-земледельческого хозяйства и соответствующих форм скотоводства.

Г. Б. Федоров — «Население прутско-днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. и древние славяне в Молдавии». Монография построена на больших новых материалах, собранных главным образом в результате полевых исследований самого автора. В ней освещены основные этапы истории древних племен (и прежде всего славян) междуречья Днестра и Прута. Сочетание данных письменных источников с археологическими позволило дать достаточно полный исторический очерк, несмотря на фрагментарность материалов по этой сложной проблеме.

Особо следует отметить завершение в 1958 г. монографии М. В. Воробьева — «Древняя история Кореи», охватывающей историю Кореи от появления человека до образования раннефеодального государства. Построенная на анализе большого письменного и археологического материала, монография является первой в советской историографии сводной работой по древней истории Кореи.

Сданы в печать 13 монографий и сборников:

А. А. Формозов — «Этнокультурные области каменного века европейской части СССР». В монографии разрешается вопрос о локальных вариантах памятников мезолита и связи их с проблемой древнего этнического группирования населения.

С. И. Руденко — «Культура населения Центрального Алтая в скифское время» (т. II). Детальная публикация и историко-культурная интерпретация Туэктинских и Башадарских курганов Центрального Алтая.

А. Л. Монгайт — «Рязанская земля». Обобщение результатов работ в Рязани экспедиций ИИМК за последние 10 лет и общий очерк Рязанской земли в X—XV вв.

Т. С. Пассек — «Раннеземледельческие (трипольские племена) Поднепровья». Монография посвящена изданию новых археологических памятников трипольской культуры, обнаруженных за последние годы (1946—1956) экспедицией под руководством автора на территории Украины и Молдавии.

Сборник «Древности Нижнего Поволжья» содержит подробную научную публикацию ценных материалов, полученных в результате полевых работ Сталинградской экспедиции главным образом по эпохе бронзы и раннему железному веку.

«Труды Куйбышевской археологической экспедиции» (т. III). Сборник статей по эпохе бронзы, железному веку и средневековью, написанных на основе исследований в зоне строительства Куйбышевской ГЭС. Публикации, а также обобщающие статьи по отдельным проблемам истории Среднего Поволжья.

В 1958 г. вышли из печати 14 подготовленных Институтом сборников и монографий. Среди них следует отметить в первую очередь второй том «Очерков по истории СССР», представляющий попытку синтеза всех источников, касающихся I тысячелетия до н. э., дающий историческую интерпретацию большому археологическому материалу и подводящий итоги исследовательской работы по ряду проблем. Следует отметить также монографии: М. К. Каргера — «Древний Киев» (т. I), И. И. Ляпушкина — «Новотроицкое городище», сборники «Труды Волго-Донской экспедиции»

(т. I), «Труды Куйбышевской экспедиции» (т. II), «Древние племена и народности Кавказа», «Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э.» и др. Выпущены 4 очередных номера журнала «Советская археология».

С укреплением источниковедческой базы связана работа над созданием «Корпуса археологических источников СССР». В предшествующие годы в этой области был проведен ряд технических и организационных мероприятий; в 1958 г. работа велась уже непосредственно над подготовкой некоторых выпусков «Корпуса», которые в ближайшие годы будут завершены и сданы в печать.

Широко развернулись в 1958 г. полевые исследования Института. Несколько десятков экспедиций работали в различных областях страны — от Прибалтики до Дальнего Востока и от Карелии до Южной Туркмении. Экспедициями сделаны существенные научные открытия. Так, Юго-Осетинским отрядом обнаружены ценные памятники нижнего палеолита в Закавказье; Каракумским отрядом раскопано древнейшее земледельческое поселение юга Средней Азии, относящееся к V тысячелетию до н. э.; памятники неолитической эпохи открыты на Дальнем Востоке, продолжены подводные археологические исследования в Керченском проливе и Черном море; важные памятники эпохи бронзы и раннего средневековья открыты на Северном Кавказе; памятники различных эпох обнаружены на Ангаре, в зоне сооружения Братской ГЭС; успешно исследовалась проблема феодального замка на территории древней Руси и смежных территориях (Волжская Болгария); новые ценные данные получены по истории культуры древнерусских городов и т. д.

Из работ лабораторий ИИМК следует отметить завершение организации и монтировки радиоуглеродной лаборатории, схема которой оригинальна и создана сотрудниками Института совместно с Радиевым институтом Академии наук СССР. В 1959 г. лаборатория должна была приступить к анализам и дать первые определения абсолютных дат. В лаборатории ИИМК в Москве, помимо выполнения вспомогательных реставрационных, консервационных и прочих технических работ, изучались вопросы палеогеографии, палеозоологии и реставрационной техники.

Ученый совет ИИМК провел в 1958 г. 16 заседаний, посвященных обсуждению научных и научно-организационных вопросов, защите кандидатских и докторских диссертаций, обсуждению отчетов о заграничных командировках, утверждению рукописей к печати и т. д. Особое внимание уделялось докладом по важным проблемам археологической науки. Обсуждены доклады советских и зарубежных специалистов: В. Д. Блаватского — «Период протоэллинизма на Боспоре», П. Н. Шульца — «Исследования Неаполя Скифского», Х. А. Моора (Эстонская ССР) — «О важнейших результатах изучения городищ Прибалтики», Б. А. Колчина и А. Л. Монгайт — «Археология и методы естественных наук», проф. Д. Бошковича (Югославия) — «Исследования по археологии и архитектуре в Старом Баре и Ульцине», академика Г. Новака (Югославия) — «Культура неолита Восточной Адриатики и ее связи с Эгейским миром и трипольской культурой», проф. Л. Хабаша (Египет) — «Последние открытия в Египте» и др.

На заседаниях Ученого совета заслушаны доклады и сообщения о зарубежных командировках (Т. С. Пассек, М. М. Кобылиной, Н. Я. Мерперта и др.).

Чрезвычайно интересен был доклад С. И. Руденко — «О результатах работ лаборатории археологической технологии», в котором была освещена деятельность лаборатории Института, использующей новые методы естественных и технических наук.

На Ученом совете ИИМК успешно защищены докторские диссертации С. А. Семенова на тему «Первобытная техника» и А. И. Тереножкина —

«Предскифский период в днепровском лесостепном левобережье»; кандидатские диссертации И. К. Свешникова и М. Д. Гвоздовер — «Авдеевская стоянка и ее место среди памятников позднего палеолита».

В течение 1958 г. Институтом проведен ряд дискуссий, сессий и совещаний. В отчетной сессии Отделения исторических наук Академии наук СССР и пленуме ИИМК (апрель 1958 г.), посвященных итогам полевых археологических исследований 1957 г., приняло участие свыше 870 человек, представлявших академии Союзных республик, научно-исследовательские институты, вузы, музеи и другие учреждения свыше ста городов СССР. На сессии заслушаны и обсуждены 12 пленарных и 147 секционных докладов. В зале заседаний была развернута выставка, отражавшая наиболее интересные материалы археологических экспедиций в 1957 г.

Профиль и структура Института не претерпели в 1958 г. значительных изменений. Правда, в дополнение к существующей структуре в 1958 г. созданы комиссия по международным иностранным связям (председатель — Б. А. Рыбаков), техническая комиссия (председатель — Б. А. Колчин) и комиссия по популяризации археологических знаний (председатель — Д. Б. Шелов).

Продолжали расширяться международные связи Института. Наиболее важным из мероприятий следует считать организацию Албано-Советской экспедиции, которая успешно начала раскопки на албанской территории — в древнегреческом городе Аполлонии. Раскопаны участки оборонительной стены V—I вв. до н. э., район жилых домов II в. до н. э.— IV в. н. э. и др., а также курган с 80 погребениями VI—II вв. до н. э. Кроме того, в Албании начаты исследования города Орика.

Следует отметить активное участие сотрудников ИИМК в больших и важных мероприятиях международного масштаба — таких, как Международный археологический конгресс в Гамбурге (август 1958 г.), где А. Я. Брюсов сделал два доклада («Проблема взаимоотношений и этнического состава племен севера европейской части СССР в неолитическую и раннебронзовую эпохи» и «Проблема питьевой воды в древности») и VII Международный конгресс антиковедов в Риме (сентябрь 1958 г.), на котором В. Д. Блаватский прочел доклад «Период протоэллинизма на Боспоре», вызвавший большой интерес у зарубежных ученых.

В делегацию на Англо-Советскую конференцию историков в Лондоне (сентябрь 1958 г.) входили директор ИИМК академик Б. А. Рыбаков и редактор журнала «Советская археология» А. В. Арциховский. Они выступили с докладами и приняли участие в дискуссии по широким проблемам средневековья.

Сотрудники ИИМК в 1958 г. участвовали также в других международных конференциях и семинарах. Так, на семинаре антиковедов социалистических стран в г. Эрфурте (ГДР, декабрь 1958 г.) советские археологи выступили со следующими докладами: «Эллинские и варварские элементы в Танаисе в свете археологических данных» (Д. Б. Шелов), «Сельские поселения Боспора в III в. н. э.» (И. Т. Кругликова), «Античные государства и племена Северного Причерноморья» (Н. И. Сокольский).

В мае 1958 г. в Кишиневе состоялся семинар по первобытной археологии Западного Причерноморья с участием ИИМК, Института археологии Академии наук УССР, Молдавского филиала Академии наук СССР и Института археологии Академии наук Румынии¹. В декабре 1958 г. на конференции по археологии и этнографии Западного Причерноморья, состоявшейся в Бухаресте, приняли участие от ИИМК Н. Я. Мерперт и Г. Б. Федоров. Они выступили с докладами по средневековой проблематике. Следует отметить также международный семинар, организованный ИИМК в Москве в конце

¹ СА, 1959, № 1.

декабря 1958 г. Тема семинара — «Племенные союзы у славян в I тысячелетии н. э.». Помимо советских археологов, в нем участвовали ученые Венгрии, Чехословакии, Болгарии, Польши и Румынии.

Кроме того, сотрудники ИИМК осуществили в 1958 г. рабочие командировки в ряд стран (Польшу, Венгрию, Финляндию, Болгарию, Англию, Грецию, Чехословакию, Румынию) и принимали у себя археологов Чехословакии, Польши, Венгрии, Югославии, Китая, Вьетнама, Египта, ФРГ, Швеции.

Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев.

О РАБОТЕ СЕКТОРОВ ИИМК В 1958 ГОДУ¹

1. СЕКТОР СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Сектор славяно-русской археологии ИИМК, состоявший в 1957 г. из 20 сотрудников¹, пополнился в 1958 г. тремя младшими научными сотрудниками. В их числе — бывший аспирант Института А. К. Амброс и сотрудники лаборатории О. Н. Мельниковская и П. И. Засурцев.

В соответствии с пятилетним планом ИИМК в 1958 г. сектор разрабатывал проблемы, связанные с разделом «Генезис и развитие феодальных отношений на территории СССР»: 1) «Древние славяне в I тысячелетии н. э.», 2) «Русское государство и его культура», 3) «Город и деревня в древней Руси». Многие сотрудники, кроме того, работали над «Корпусом археологических источников СССР».

В 1958 г. завершены следующие крупные плановые темы: 1) Н. Н. Воронин — «Очерки по истории зодчества Северо-Восточной Руси XII—XV вв.», 2) В. В. Кропоткин — «Экономические связи Восточной Европы с Римом», 3) Г. Б. Федоров — «Население прутско-днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. и древние славяне в Молдавии».

Широко были развернуты полевые исследования.

Верхнеокский отряд (начальник — Т. Н. Никольская) С л а в я н с к о й э к с п е д и ц и и (руководитель — П. Н. Третьяков) вел раскопки городищ Дешовки (Калужская область) и Лужки (Орловская область); разведками по Жиздре обнаружено до 30 памятников. Гомельский отряд (начальник — О. Н. Мельниковская) продолжал раскопки городищ Милоградцы и Горошков с целью исследования взаимоотношения милоградской и зарубинецкой культур. Полесский отряд (начальник — Ю. В. Кухаренко) закончил раскопки городища Бабка на Стыри VII—X вв. (Ровенская область) и начал работы на могильнике «подклёшевого» типа в урочище Головно Вольнской области.

Южнорусская экспедиция (руководитель — Б. А. Рыбаков) продолжала раскопки Любеча, где открыты ворота городских укреплений с остатками подъемного моста и остатки жилых и хозяйственных построек домонгольского времени. Северо-Донецкий отряд (начальник — С. А. Плетнева) экспедиции исследовал в Белгородской области салтово-маяцкие городища, селище и могильники у с. Дмитровского и провел разведки по р. Осколу. С. А. Плетнева осуществила также² раскопки правобережного Цимлянского городища, вскрыв площадь около 800 кв. м (значительную часть памятника). Обнаружены остатки типично кочевнического лагеря из 12 юрт. Криничанский отряд (начальник — Э. А. Сымонович) проводил

¹ В настоящем выпуске разделы составлены: 1 — Л. В. Алексеевым, 2 — П. А. Раппопортом, 3 — О. Н. Бадером.

² См. О работе сектора славяно-русской археологии ИИМК за 1957 г. КСИИМК, вып. 79, стр. 112.

³ На средства Государственного Эрмитажа.

раскопки на памятниках у с. Кринички (III—V вв. н. э.) и городища Колочин I (VI—VII вв. н. э.).

Бахчисарайский отряд Крымской экспедиции (начальник отряда — В. В. Кропоткин) продолжал раскопки Чуфут-Кале. Открыто 17 склепов и подбойных могил VI—VII вв. Велись разведки поселений III—IV вв. у дер. Староселье Бахчисарайского района и поселений в районе Судака (VI—XIII вв.).

Суздальский отряд Среднерусской экспедиции (начальник отряда и руководитель экспедиции — Н. Н. Воронин) вел раскопки в Суздальском кремле и разведки в Кидекше. Смоленский отряд (начальник — В. В. Седов) проводил разведки в бассейне притока Днепра и Сожа — Ливны, Свиной, Россажи (обнаружено свыше 70 памятников I тысячелетия н. э. и IX—XIV вв.) и раскопки городища Церковище, Бородинских городища и селища (XI—XIV вв.). Владимирский отряд (начальник — В. В. Седов) совместно с Владимирским музеем осуществил раскопки в г. Владимире (открыто полуземляночное жилище домонгольского времени) и совместно с Вязниковским музеем — на древнерусском поселении («Пирово селище» под Вязниками). Вологодский отряд (начальник — А. В. Никитин) вел разведки по р. Сухоне и раскопки курганных групп у р. Векшарки (IX—XI вв.). Обследовано 9 городищ. Кировский отряд (начальник — Л. П. Гусаковский) совместно с Кировским музеем продолжал раскопки в г. Кирове и на городище у с. Никульчино³.

Новгородская экспедиция (руководитель — А. В. Арциховский) продолжала исследования в Неревском конце.

Московская экспедиция (руководитель — А. Ф. Дубынин) исследовала одну из башен Китайгородской стены. Можайский отряд экспедиции продолжал дальнейшее изучение Троицкого городища (дьякова типа).

Прутско-Днестровская экспедиция (руководитель — Г. Б. Федоров) вела раскопки в Молдавской ССР и Одесской области УССР. Изучались славянские селища — VI и X вв. у с. Бранешты и IX—XII вв. у с. Алчедар; молдавские средневековые памятники у сел. Лукашевка и Требужены; селища II—I вв. до н. э. у с. Лукашевка и молдавский средневековый город в Белгороде-Днестровском. Разведки проводились также в Румынской Народной Республике (открыто 20 селищ, из которых большинство славянских).

Полоцко-Прибалтийский отряд (начальник — Л. В. Алексеев) Прибалтийской экспедиции (руководитель — С. А. Тараканова) продолжал работу на древнерусском городище Друцк, где определен древнейший слой конца XI в., датирующий возникновение города. Вскрыты перекресток двух улиц, мощенных деревом, много деревянных построек. Заложены раскопы в Окольном городе и на посаде.

На 26 заседаниях сектора заслушано 34 доклада, посвященных общим и частным вопросам археологии, полевым исследованиям текущего и прошлых сезонов, а также вопросам, связанным с анализом письменных источников. Доклады привлекли большую аудиторию (до 50—60 человек). Присутствовали сотрудники ряда учреждений — ГИМ, Московского государственного университета, Института этнографии Академии наук СССР, Музея истории и реконструкции Москвы, Института истории естествознания и техники, Центральных реставрационных мастерских, Загорского историко-художественного музея-заповедника и др.

С отчетным докладом о большой, многолетней работе на тему «Этнический состав населения волго-окского междуречья в I тысячелетии н. э.» выступила сотрудник сектора скифо-сарматской археологии Е. И. Горюнова.

³ См. обзор работ Среднерусской экспедиции в настоящем выпуске.

Дав краткий обзор ранних культур на данной территории, Е. И. Горюнова осветила вопрос о дорусском населении в I тысячелетии н. э. и показала связь мери и муромы с племенами, оставившими памятники дьякова типа на ранних этапах, и с окскими племенами (памятники кошибеевского типа) — на поздних. Говоря о славянской колонизации залесских земель, автор выделила два ее этапа (вторая половина IX—X и XI в.). В заключение дан очерк образования древнерусских городов и рассмотрен вопрос об исчезновении летописных племен — мери и муромы. В своих выступлениях по докладу А. П. Смирнов и В. Н. Чернецов положительно высказались о выполненной работе; А. Е. Алихова отметила полноту изученного материала. Исследование рекомендовано к печати.

Ю. В. Кухаренко в докладе «Некоторые итоги изучения зарубинецкой культуры» выделил пять ее локальных вариантов и наметил их хронологическую последовательность (ранние — полесская и волынская, появившиеся во II в. до н. э.; средне- и верхнеднепровские — в I в. до н. э. и деснинская — в начале нашей эры). Автор высказал предположение о возникновении зарубинецкой культуры на Волини и Волынском Полесье в результате экспансии туда венедов (племен, оставивших так называемую поморскую культуру и «подклёшевые» погребения). По мнению докладчика, экспансия этих же племен в Повисленье привела к возникновению пшеворской культуры, близкой к зарубинецкой. Доклад вызвал оживленные прения по вопросу о правомерности категорических утверждений о славянстве или неславянстве зарубинецких племен (А. Л. Монгайт, В. В. Крopotкин). Указывалось, что многие малоизученные нескифские племена Скифии могли быть родственными зарубинецким, и противопоставлять Полесье Поднестровью еще рано (Э. А. Сымонович). В целом доклад высоко оценен большинством выступавших, внесших, правда, в него свои коррективы.

Погребальным памятником второй половины I тысячелетия н. э. на Смоленщине был посвящен доклад Е. А. Шмидта (Смоленск). Исследователь подвел итоги раскопок 40 длинных курганов (1952—1958 гг.) и выделил их типы. Датируя впервые найденный под длинным курганом (дер. Акатово) могильник типа верхнего слоя Тушемли V—VII вв., а раннегнездовские сферические курганы — концом IX в., Е. А. Шмидт определил общую дату длинных курганов: VII—IX вв. Докладчик указал, что, судя по смешанности инвентаря, эти курганы относятся к эпохе ассимиляции славян и восточно-балтийских племен. При оценке доклада отмечалась большая осторожность Е. А. Шмидта в подходе к материалу, сочетающаяся с особой точностью доказательств (Н. Н. Воронин). Указывалось на необходимость отыскания более ранних комплексов, где балтийские элементы выступили бы в более чистом виде (Е. И. Горюнова) и т. д.

Одиннадцать докладов посвящено вопросам более частного характера (отдельным археологическим памятникам, некоторым категориям древних вещей и т. д.). По ранней тематике сделано 7 сообщений.

В докладе «К вопросу о городищах-святилищах» (по материалам городища у дер. Николо-Ленивец Калужской области) Т. Н. Никольская сопоставила открытые ею подковообразные столбовые дома с постройками, существовавшими на некоторых городищах-святилищах (Благовещенская гора, Тушемля). Автор пришла к выводу, что исследованное ею городище было в последние века I тысячелетия до н. э. обычным укрепленным поселением, а в III—V вв. н. э. служило одновременно убежищем и культовым местом большой патриархальной семьи. В возникшей дискуссии отмечена важность более полного исследования памятника и прилегающих территорий.

В сообщениях, посвященных Троицкому городищу под Москвой, А. Ф. Дубынин охарактеризовал поселение в целом, а И. Г. Розенфельдт дала анализ керамики. В выступлениях отмечалась тщательность методики

раскопок и статистических сопоставлений материала (Н. Н. Воронин, А. П. Смирнов); говорилось о несомненной принадлежности городища финно-угорской группе (Н. Н. Воронин), что, по мнению других утверждать еще преждевременно (С. А. Тараканова).

В докладе «К истории фибул юга СССР во II до н. э.— II—III вв. н. э.» А. К. Амброз на базе широкого сравнительного материала отделил несомненно импортные вещи от местных. Удалось выяснить, что значительная часть фибул местных типов равномерно распространена по всему Северному Причерноморью, причем лишь на Боспоре и у связанных с ним сарматов Поволжья и Северного Кавказа возникли специфические, локальные формы, почти отсутствующие западнее. Причерноморское влияние, кроме Поволжья и Кавказа, прослеживается лишь на фибулах поздней зарубинецкой культуры (I—II вв. н. э.). В Поднестровье и на Западной Украине фибулы аналогичны фибулам более западных территорий, и существенных следов связей с Северным Причерноморьем не замечено. Очень интересны локальные формы фибул зарубинецкой культуры (I в. до н. э.— I в. н. э.), отдельные экземпляры которых изредка встречаются и на юге.

Работам С. С. Гамченко 1909—1913 гг. и раскопкам в 1957—1958 гг. могильника и поселения черняховского времени в с. Криничках Одесской области посвящался доклад Э. А. Сымоновича.

Оживленно обсуждался доклад Э. А. Рикмана (Кишинев) о раскопках черняховского поселения и могильника у с. Будешты. Выделив различные группы керамики и украшений, автор поставил вопрос о разнородном составе населения поселка, состоявшего из сарматов, готов и т. д.; это, как считает докладчик, согласуется с показаниями древних авторов. При высокой оценке исследования большинство выступавших все же указывало на преждевременность этнизации поселения; отмечалось, что пребывание на поселении готов маловероятно (Э. А. Сымонович), сарматский же элемент несомненен (А. П. Смирнов).

Большую дискуссию вызвало сообщение Р. Л. Розенфельдта «О некоторых украшениях середины I тысячелетия н. э.», на анализе которых автор пытался выделить локальные варианты ряда археологических культур. Отмечая большой интерес сообщения, выступавшие (Е. И. Горюнова, Л. В. Артишевская и др.) указали на недостаточность материала для принятия положений автора.

Эпохе древней Руси посвящались доклады В. В. Седова и А. Ф. Медведева. В. В. Седов познакомил с итогами четырёхлетнего изучения сельских поселений Смоленщины. Автор делит поселения на 3 хронологических группы (с керамикой типа, известного из длинных курганов и курганов с сожжением — VIII—X вв.; с керамикой типа посуды из курганных труположений — XI—XIII вв. и с керамикой XIV—XV вв.). Интересны наблюдения над планировкой поселений. Выявлен более ранний тип — кучевой застройки и последующей — рядовой. Некоторые городища определены как феодальные замки. В выступлениях отмечалась необходимость большего использования письменных источников — писцовых книг (Н. Н. Воронин) и применения в дальнейших работах аэрофотосъемки, фосфатного метода (А. Л. Монгайт) и т. д.

А. Ф. Медведев в докладе «К истории пластинчатого доспеха на Руси» показал, что пластинчатый доспех появился в Восточной Европе в VII—VIII вв. и, наряду с кольчугой, получил широкое распространение в домонгольской Руси, откуда проник и к кочевникам. Постепенное усложнение доспеха автор связал с развитием наступательного оружия.

На 8 заседаниях сектора слушались информационные доклады о раскопках текущего и предыдущих сезонов: О. Н. Мельниковской — о раскопках 1957 г. на городище Милограда, Э. А. Сымоновича — о раскопках в с. Ломоватое. Дискуссию вызвали вопросы о взаимоотношении милоградской

и зарубинецкой культур [высказано предположение, что зарубинецкая культура не складывалась на территории милóградской, а распространилась на эти области (П. Н. Третьяков)], о взаимоотношении скифов и племен — носителей черняховской культуры и некоторые другие. Л. А. Голубева, А. В. Никитин, Л. П. Гуссаковский, Т. В. Равдина информировали о раскопках древнерусских городов Белоозера, Вологды, Вятки (Кирова) и Пинска. На заседаниях сектора сделана информация о проделанной членами сектора в 1958 г. экспедиционной работе.

Два доклада были посвящены письменным источникам. Б. А. Рыбаков, исследуя текст Ипатьевской и других летописей, в период 1146—1154 гг. выделил четыре непосредственных источника — летописцы Изяслава Мстиславича, Святослава Ольговича, Юрия Долгорукого (и Андрея Боголюбского), а также второстепенных князей «володимерова племени» — Андрея и Вячеслава. Автор показал, что в период княжения Изяслава Мстиславича в Ипатьевской летописи используются по преимуществу личные хроники Изяслава и Святослава Ольговича. Выяснив круг интересов летописца Изяслава Мстиславича, определил источники, которыми он пользовался (в частности, — документы княжеского архива), докладчик высказал предположение, что автором Изяславова летописца был боярин Петр Бориславич. В выступлениях отмечались убедительность источниковедческого анализа (А. Л. Монгайт), важность разработки малоисследованной Ипатьевской летописи (Л. В. Алексеев), необходимость дальнейшего детального изучения источников В. Н. Татищева (Н. Н. Воронин).

А. Л. Монгайт сообщил о так называемой «мадридской находке» — рукописи Абу Хамида Ал-Гарнати, где подробно говорится о путешествии через русские земли.

На двух заседаниях сектора заслушано 5 докладов о поездках сотрудников за границу: Б. А. Рыбакова — в Англию для участия в советско-английском историческом семинаре, где им был прочитан доклад на тему о природе русского феодализма в IX—XII вв.; Г. Б. Федорова — в Румынию (и об успехах румынской археологии в последнее время); Ю. В. Кухаренко — о работах Ятвяжской экспедиции (в которой он участвовал вместе с Л. В. Алексеевым); Л. В. Алексеева — о командировке в Польшу и полевых работах польских ученых. Ж. Н. Вьжарова (Болгария) доложила о своих работах на городище Попино.

Заслушаны доклады аспирантов, прикрепленных к сотрудникам сектора: В. В. Даугудис (руководитель — С. А. Тараканова) — о городищах Восточной Литвы; И. Г. Хынку (руководитель — Г. Б. Федоров) — главы диссертации о керамике Молдавии; П. П. Бырня (руководитель — Г. Б. Федоров) — о средневековой молдавской деревне; А. Н. Кирпичников (ЛОИИМК, руководитель — М. К. Каргер) — глава диссертации о древнерусском оружии («Мечи древней Руси»).

Отчетный год был закончен международным семинаром о славянских племенных союзах, в котором приняли участие ученые из стран народной демократии. Информации об этом семинаре посвящена специальная статья⁴, и здесь мы ограничимся перечнем прочитанных докладов: Б. А. Рыбаков — «Судьбы восточнославянских племенных союзов в эпоху феодализма»; М. Ю. Брайчевский — «Анты и юго-западная группа восточнославянских племен»; И. И. Ляпушкин — «К вопросу о культурном единстве славян»; Г. Б. Федоров — «Тиверцы»; И. П. Русанова — «Древляне»; Д. Т. Березовец — «Северяне»; В. В. Седов — «Кривичи»; И. Поулик (Чехословакия) — «Предпосылки образования Великоморавского государства VII—VIII вв.»; А. Точик (Чехословакия) — «К вопросу о племенном

⁴ Р. Л. Розенфельдт. Семинар археологов-славистов. Вестник АН СССР, 1959, № 3, стр. 99—101.

составе территории Словакии в VII—IX вв.»; В. Гензель (Польша) — «Куявский союз племен»; Л. Лецевич (Польша) — «Славянские племена западнобалтийского Поморья»; А. Шош (Венгрия) — «Информация о новых работах в области славянской археологии на территории Венгрии»; С. Станчев (Болгария) — «Новые исследования по славянской археологии в Болгарии»; П. Петреску-Дымбовиц (Румыния) — «Восточнославянские племена на территории Западной Молдовы».

В прениях по докладам принимали участие, кроме иностранных гостей (С. Вартоловская, И. Пуулик, В. Гензель, Л. Лецевич), археологи Москвы, Ленинграда, Киева и других городов. Признана исключительная важность для археологов-славистов подобных семинаров. Предложено несколько тем для дальнейших международных заседаний: «Возникновение раннеславянских государств» (В. Гензель), «Славяне и кочевники» (Б. А. Рыбаков), «Происхождение феодализма в славянских странах» (В. И. Довженок) и др.

Многие сотрудники принимали участие в работе других секторов Института и в конференциях, организованных родственными учреждениями. Так, на ленинградской конференции, посвященной истории Византии, с докладом выступил В. В. Крпоткин; в киевской конференции, посвященной раскопкам текущего сезона, активное участие приняли Э. А. Сымонович и В. В. Крпоткин, и т. д.

Сотрудники Сектора ведут большую работу по сбору материалов для «Корпуса археологических источников СССР». В. В. Крпоткиным подготовлены к печати два выпуска — «Римские монеты» и «Византийские монеты»; материал по древнерусскому оружию собран А. Ф. Медведевым; над Корпусом работают О. Н. Мельниковская, Л. П. Гуссаковский и др.

В 1958 г. сотрудниками Сектора изданы 44 работы, среди которых — коллективный труд «Очерки истории СССР», т. II (III—IX вв.), в котором приняли участие Б. А. Рыбаков, В. В. Крпоткин, Ю. В. Кухаренко и С. А. Плетнева. В отчетном году сдано в печать 36 трудов.

Многие сотрудники Сектора во время экспедиций и в Москве занимаются научно-популяризационной работой: А. Л. Монгайтом (совместно с А. С. Амальрик) сдана в печать книга «В поисках исчезнувших цивилизаций»; Н. Н. Ворониным опубликованы путеводитель по Владимиру — Суздаю — Боголюбову, а в областных газетах г. Владимира — несколько статей по истории Владимира, Суздаля и Боголюбова. О своих раскопках писали в местных газетах В. В. Седов, Э. А. Сымонович, А. Ф. Дубынин и др.

---

2. ГРУППА СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ ЛООИМК

Сотрудники группы в 1958 г. продолжали работать над двумя основными проблемами — древней историей славян (И. И. Ляпушкин, М. А. Тиханова и Ф. Д. Гуревич) и историей культуры древнерусского города (М. К. Каргер, Г. Ф. Корзухина, П. А. Раппопорт, Я. В. Станкевич, А. Н. Кирпичников). В течение 1958 г. прочитаны следующие научные доклады:

М. К. Каргер — «Строительство митрополита Ефрема» (глава из монографии «Переяславль-Русский»). В докладе изложены итоги раскопок храма Михаила в Переяславе-Хмельницком (конец XI в.), дана реконструкция его первоначального блика и поставлен вопрос о связи этого уникального памятника с константинопольской школой византийской архитектуры. Приведены также данные о вновь раскопанных зданиях, построенных при

митрополите Ефреме, в частности, — о церкви Андрея «у ворот» и «каменном городе».

М. А. Тиханова — «Работы Днестровско-Волинского отряда Волинской экспедиции в 1957 г.». Особый интерес вызвали материалы раскопок поселений первой половины I тысячелетия н. э. в с. Лепесовка (Южная Волинь), где обнаружены чрезвычайно своеобразная керамика с очень богатой орнаментацией, а также греческие метки и надписи на сосудах.

П. А. Раппопорт сделал два доклада (главы подготовляемой монографии) на тему «Военное зодчество Северной Руси X—XV вв.» В первом докладе «Оборонительные стены крепостей Северо-Восточной Руси» изложены данные об исчезнувших наземных конструкциях крепостей; во втором — «Плановая структура городищ Новгородско-Псковской земли» дана типологическая и хронологическая классификация городищ.

Доклад Ф. Д. Гуревич «Памятники со штрихованной керамикой в Верхнем Понеманье» представлял собой обобщающую сводку памятников этого типа в Верхнем Понеманье, а также включал вопросы датировки и территории распространения штрихованной керамики в целом. Автор поставил под сомнение этническую принадлежность этих памятников летто-литовским племенам.

И. И. Ляпушкин прочел доклад «О соотношении археологических культур эпохи железа Днепровского лесостепного левобережья» (глава из монографии, посвященной историческому прошлому Днепровского левобережья). Автор наметил три больших периода в оседлой жизни края: 1) скифское время — VII—II вв. до н. э. (памятники зольничного типа и деснинской или юхновской культуры); 2) первая половина I тысячелетия н. э. (памятники культуры «полей погребений»); 3) вторая половина I тысячелетия и начало II тысячелетия н. э. (славяно-русские памятники и памятники салтово-маяцкой культуры). Он пришел к выводу, что между населением, оставившим памятники этих трех этапов, прямой, непосредственной связи не существовало и что, следовательно, славянское население, появившееся здесь в VIII в., своим происхождением не связано непосредственно с населением предшествующей поры.

Г. Ф. Корзухина доложила раздел работы, посвященной русско-скандинавским отношениям по памятникам художественного ремесла IX—XI вв. Изучение материала могильников на русской территории привело автора к убеждению, что скандинавские предметы художественного ремесла попали сюда не путем торговли, а вместе с людьми. Датировка вещей и топографическое распределение находок дали основания для следующих выводов. Засвидетельствованная летописью попытка норманнов захватить во второй половине IX в. северные территории Восточной Европы археологически не прослеживается. Размещение находок указывает на торговые интересы норманнов в северных районах в первой половине X в. и на оседание их здесь в некоторых пунктах. Отмечаемое летописью присутствие в Киевской Руси норманнов, принимавших участие в политической жизни Русского государства, археологически не прослеживается. Во второй половине X в. — начале XI в. отчетливо выраженная в археологическом материале Среднего Поднепровья группа памятников скандинавского происхождения свидетельствует о численном увеличении норманнов на службе у киевского князя.

Два доклада А. Н. Кирпичникова — «Мечи Киевской Руси» и «Древнерусские кистени» — включали соответствующие главы из подготовляемой автором монографии о русском оружии X—XIII вв.

Доклад М. В. Малевской был посвящен классификации форм керамики древнего Галича.

Кроме того, группой заслушаны отчеты о полевой работе экспедиций в 1958 г.: Галицко-Волинской (М. К. Каргер), Староладожской

(В. И. Равдоникас), Торопецкой (Я. В. Станкевич), Днепровской левобережной (И. И. Ляпушкин), Днестровско-Волынской (М. А. Тиханова), отряда по изучению крепостей (П. А. Раппопорт), Славяно-Литовского отряда (Ф. Д. Гуревич).

В 1958 г. в группе славяно-русской археологии заслушаны доклады сотрудников других секторов ИИМК и других учреждений: В. П. Левенок — «О развитии форм и датировке русской гончарной керамики», М. Г. Рабинович — «О начальном периоде истории Москвы», Г. Б. Федоров — «Археологические памятники I тысячелетия и начала II тысячелетия н. э. в Румынской Народной Республике», Г. Н. Караев — «О работе экспедиции по уточнению места Ледового побоища», П. П. Бырня — «К вопросу об исследовании молдавских поселений XV—XVII вв.», С. Н. Орлов — «Археологическая разведка древних поселений в районе Новгорода».

3. КАМЕРАЛЬНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В 1957—1958 гг. камеральная лаборатория ИИМК вела работу в основном в тех же направлениях, что и в предыдущее время, и ее структура почти не изменилась¹.

Кабинет предварительной археологической обработки выполнял техническое обслуживание экспедиций Института и обрабатывал их материалы. При этом размеры работ по очистке и шифровке (инвентаризации) коллекций сократились в результате проведения их в экспедициях или же в стенах лаборатории штатными, договорными работниками за счет экспедиций.

Коллектив археологического кабинета, наиболее многочисленный в лаборатории, как и в предшествующие годы, осуществлял работы согласно планам секторов Института. Так, в 1957 г. сотрудники кабинета написали 6 отчетов о раскопках (12 печатных листов), приняли участие в монтировании выставок «40 лет советской археологии» и к очередному пленуму Института, выполнили организационную работу в комиссии по техническому оснащению Института (О. Н. Бадер, П. И. Засурцев); сотрудники лаборатории участвовали также в экспедициях (до 50 человеко-месяцев в год) и т. д.

Вопросу сохранности реставрированных предметов из железа было посвящено особое совещание, на котором обсуждены два доклада: реставраторов С. И. Скопинцевой (ГИМ) «Приемы реставрации железных вещей» и Т. М. Смирновой (ИИМК) «О сохранении реставрированного черного металла».

Для сотрудников экспедиций Института лаборатория организовала инструкторно-методическую консультацию реставратора Е. А. Болотниковой о приемах консервации археологических предметов в полевой обстановке и разработала первоочередной консервационный набор.

После обсуждения на Ученом совете ИИМК А. В. Кирьяновым выполнено и частью переработано его руководство «Реставрация археологических предметов». Издание этого пособия представляет большой практический интерес не только для специалистов-археологов, но также для научных и музейных учреждений. Книга сдана в печать. О. Н. Бадер написал статью «О консервации и музейном оформлении внемузейных археологических объектов».

Улучшение оборудования и увеличение штата фотографического кабинета способствует более полному удовлетворению текущих потребностей Института в фотографировании. Трудными участками все же остаются гра-

¹ О. Н. Бадер. В камеральной лаборатории ИИМК. КСИМК, вып. 74, 1959.

фические и реставрационные работы (чертежи, рисунки). Оборудование лаборатории улучшено, однако недостаток помещения продолжает крайне затруднять ее деятельность. Тем не менее заявки секторов Института, на основании которых составляется план лаборатории, выполняются.

Организованы новые кабинеты. Так, кабинет спектрального и структурного анализа приступил к некоторым подготовительным работам. Начал функционировать кабинет керамического и петрографического анализа. Им ведется анализ керамики античных памятников Причерноморья совместно с кафедрой петрографии Московского государственного университета, где исследования консультируются проф. С. Д. Четвериковым. Начало определение возраста памятников методом прокаливания. Практические указания даны И. Г. Пидопличко (Институт зоологии Академии наук УССР).

Научная работа лаборатории должна занять определенное место в научной проблематике Института. За последние 2 года лабораторией, в порядке реализации многолетнего плана ее деятельности², выполнен ряд исследований. Значение некоторых из них особенно важно, ибо они не ведутся ни в какой другой научной организации нашей страны.

В кабинете истории домашних животных продолжалась разработка проблемы «История животноводства и охоты в Восточной Европе и Средней Азии». В. И. Цалкиным закончены и сданы в печать несколько трудов. Каждый из них базируется на определении огромного нового фаунистического материала из раскопок. Укажем следующие работы: «Животноводство и охота в средневековой Прибалтике», «Дикие млекопитающие Северного Причерноморья в древности», «Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в скифо-сарматскую эпоху» (этот труд будет издан совместно с археологическим исследованием П. Д. Либерава). Опубликованы большое исследование фауны Среднего Поволжья³ и статья об охоте и животноводстве в средневековой Латвии⁴. В 1957 и 1958 гг. определены 214 000 костей из раскопок. О. Н. Бадером отредактирована монография С. Н. Боголюбского⁵, которая представляет новейшую сводку по истории животноводства, охватывающую все важнейшие в этом отношении страны мира.

В кабинете палеоботаники продолжается разработка проблемы «Палеогеография голоцена северной части Русской равнины по данным комплексного изучения археологических памятников». Собран большой материал по истории растительности (и частью — геоморфологии) долины среднего течения р. Камы, Ленинградской области, Мещерского края и некоторых других районов. Помимо того, выполнено большое количество пыльцевых анализов и определений древесины для различных экспедиций Института, в том числе и работавших на Кавказе и в Сибири. Эти определения охватывают и палеолитические памятники (стоянка Сунгирь на р. Клязьме). Разрабатывается методика определения угля, благодаря чему существенно расширяется охват материала из раскопок. Вышла из печати статья Г. Н. Лисицыной о голоцене Прибалтики⁶; ею же сданы в печать следующие работы: «Геологические условия залегания неолитических памятников бассейна р. Модлоны в Вологодской области», «Палеогеография среднего и позднего голоцена бассейна озера Воже» и «К вопросу о возрасте надпойменных террас Средней Камы». О. Н. Бадер подготовил и сдал в печать статью «Основ-

² О. Н. Бадер. Указ. соч.

³ В. И. Цалкин. Фауна из раскопок археологических памятников Среднего Поволжья. МИА, № 61, 1958.

⁴ В. И. Цалкин. Млекопитающие средневековой Латвии. Бюллетень Моск. об-ва испытателей природы, 1958, № 2.

⁵ С. Н. Боголюбский. Происхождение и преобразование домашних животных. М., 1959.

⁶ Г. Н. Лисицына. К вопросу об аллереде Прибалтики и возрасте стоянки Кунда. СА, 1958, № 3.

ные этапы этнокультурной истории Прикамья и палеогеография». О хронологии формирования аллювиальных террас Средней Камы в свете археологических данных О. Н. Бадер сделал доклад на Всесоюзном междудеятельном совещании по изучению четвертичного периода в мае 1957 г. и опубликовал статью на эту тему⁷.

В палеоботаническом кабинете А. В. Кирьянов разрабатывал проблему истории земледелия древней Руси. Им определено зерно из раскопок Новгорода, Браслава⁸, Переславля-Рязанского, Любеча и других территориально и хронологически близких и более далеких памятников, в частности, — античных. Одновременно А. В. Кирьянов работает над темой «История развития почвообрабатывающих орудий у восточных славян в I тысячелетии и первой половине II тысячелетия до н. э.» Подготовлена и сдана в печать статья «Материалы по истории земледелия из раскопок Старой Рязани и Переславля-Рязанского».

Из намеченной Институтом серии популярных брошюр о крупнейших памятниках подготовлена и обсуждена в лаборатории брошюра К. А. Смирнова «Великий Булгар». Сданы в печать некоторые из докладов, обсужденных на совещаниях в лаборатории; часть их уже опубликована⁹.

Активно проходили регулярно собиравшиеся совещания лаборатории. Так, по секции методики археологических лабораторных работ и сохранения памятников — на совместном заседании с реставрационным советом ГИМ заслушан доклад реставратора Музея в г. Осло (Норвегия) А. Розенквист на тему «Методы консервации дерева, найденного во влажном грунте». Следует упомянуть также доклад И. Д. Воейкова на секции палеоботаники — «К истории сельского хозяйства», в котором были затронуты важные вопросы о технике первобытного земледелия и степени участия в нем женского и мужского труда. Особенно интересен доклад О. Ю. Круг — «Опыт применения петрографического метода к изучению керамики Боспорского царства». Докладчиком выполнена при кафедре петрографии Московского государственного университета (под руководством проф. С. Д. Четверикова) чрезвычайно интересная работа по анализу глин керамических изделий из раскопок Фанагории, Горгиппии, Гермонассы, Пантикапея, Феодосии и других памятников. В результате применения предложенной методики удалось установить особенности местных глин и на этом основании безшибочно определить происхождение некоторых амфор, найденных, в частности, на Нижнем Днепре.

Проводимые совещания укрепляют связи лаборатории с различными смежными научными организациями, и прежде всего — с естественно-научными. В этом плане О. Н. Бадером для геологов Московского геологического треста был прочитан доклад «Археологические остатки как элемент стратиграфии четвертичных отложений».

---

⁷ О. Н. Бадер. Хронология формирования аллювиальных террас на Урале в археологическом освещении. Труды Комиссии по изучению четвертичного периода, т. XIII, 1957. (Здесь приводятся лишь публикации по научной тематике лаборатории.)

⁸ См. статью А. В. Кирьянова в настоящем выпуске.

⁹ Е. А. Румянцев. Стабилизация насыщенной влагой древесины. КСИИМК, вып. 72, 1958.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АП УРСР — Археологічні пам'ятки УРСР
АС — Археологический съезд
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный Исторический музей
ИА АН СССР — Институт археологии Академии наук СССР
ИА АН УССР — Институт археологии Академии наук УССР
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры Академии наук СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчет Археологической комиссии
СА — Советская археология
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
-

СОДЕРЖАНИЕ

1. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

В. В. Седов. К вопросу о классификации смоленских курганов	3
Ф. Д. Гуревич. Верхнее Понеманье в I тысячелетии и начале II тысячелетия нашей эры. (По материалам Прибалтийской экспедиции 1955—1957 гг.) . . .	13
Г. К. Вагнер. О зооморфных изображениях на древнерусских хоросах	25
А. В. Никитин. О начальном периоде истории города Вологды	31

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Г. Б. Федоров. Работы Прутско-Днестровской экспедиции	38
П. Н. Третьяков. Моховское второе городище	43
К. А. Смирнов. Городище у деревни Митино	49
И. С. Винокур. Древности Восточной Волыни	52
М. К. Каргер. Основные итоги раскопок древнего Галича в 1955 году	61
К. Д. Лаушкин. Раскопки в Старой Ладоге	72
Л. А. Голубева. Белоозерская экспедиция	77
Н. Н. Воронин, Л. П. Гуссаковский, А. В. Никитин, П. А. Раппопорт, В. В. Седов. Среднерусская экспедиция	86
Л. В. Алексеев. Раскопки древнего Браслава	95
А. В. Кирьянов. Зерна хлебных растений из раскопок древнего Браслава	107
Э. А. Симонович. Памятники позднекочевнического времени в Поднепровье	108

III. МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ И СООБЩЕНИЯ

М. Ю. Браичевский, Ю. С. Асеев. Археологические исследования в Переяславле -Хмельницком в 1958 году	112
Ю. П. Спегальский. Псковские керамические кияты	117

IV. ХРОНИКА

Институт истории материальной культуры в 1958 году Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев	121
О работе секторов ИИМК в 1958 году	125
1. Сектор славяно-русской археологии. Л. В. Алексеев. 2. Группа славяно-русской археологии ЛОИИМК. П. А. Раппопорт. 3. Камеральная лаборатория Института истории материальной культуры. О. Н. Бадер	134

Краткие сообщения Института археологии АН СССР, вып. 81

Утверждено к печати Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства М. Г. Воробьева. Технический редактор Г. С. Симкина
Сдано в набор 10/IV 1960 г. Подписано к печати 26/VIII 1960 г. Формат 70 × 108¹/₁₆. печ. л. 8,5 + 1 вкл.
Усл. печ. л. 11,64 + 1 вкл. уч.-изд. л. 11,3 Тираж 1400 экз. Т-10563. Изд. № 4556. Тип. зак. № 573
Цена 6 руб. 80 коп., с 1/1 1961 г., 68 коп.

Издательство Академии наук СССР, Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР, Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 10